

Наталья Морсова

Свѣ имя

в сердце отзовѣтся

Наталья Морсова

Чьё имя

в сердце отзовется

УДК 378(092)
ББК 74.58г
М 80

Морсова Н.Е. Чьё имя в сердце отзовется. Избранное. Публицистика, проза, эссе. – М.: НИЯУ МИФИ. – 2021. – 208 с.

Литературно-художественное собрание произведений «Чьё имя в сердце отзовется» стало продолжением книг «Мне ангел крылья подарил», «Блокадный хлеб», «Сквозь тернии земного бытия», изданных в 2019–2021 годах, – все они повествуют о людях, сумевших преодолеть жизненные невзгоды, исторические, экологические, семейные потрясения. Уходят в прошлое года и вехи, эпохи и поколения, не та страна, не те и нравы, а с ними уходят люди, когда-то прославлявшие Отечество, а ныне забытые. В моих книгах – возвращение из небытия поэтов, философов, художников, писателей, музыкантов, достигших высот в суетном, противоречивом мире, творчество которых бессмертно. Вы узнаете о жизни наших современников, испытавших долгое или короткое счастье творить и созидать, о людях, формирующих лицо нынешней эпохи. Уважение к родной культуре – вот черты духовного облика человека. И наоборот, культурное беспамятовство лишает нас будущего.

Счастливы те, кому удалось осуществить предначертанное, нетерпеливыми тропами идти к цели, искать смысл жизни, созидать, развивать способности ради общего блага, постигать мудрость. Всё ценное мы оставляем потомкам, они определяют важность, им завещанного, - и в этом наше бессмертие. Какими бы тугими не были ворота в вечность, у нас всегда есть возможность причаститься Божьей благодатью и стать частицей гармоничного мира. Об этом книга «Чьё имя в сердце отзовется».

Морсова Наталья Евгеньевна – член Союза журналистов России, член международного Союза славянских журналистов, член литературной Студии «Свежий взгляд», кандидат исторических наук, журналист, дипломант отечественных и международных конкурсов в области прозы, публицистики, фотографии. Публикуется в журналах: «Природа и человек. XXI век», «Наш современник», «Охота», «Охота и рыбалка XXI век», «Шпindelь», «Будь здоров!», «60 лет – не возраст!», «Истина и жизнь», в альманахах: «Страницы семейной славы», «Война проходит через сердце», «Алтарь Отечества», «Друза», «Шарманка», в энциклопедии «Самые красивые места России», в интернет-издании Военно-исторический форум 2. Государственным комитетом лесной промышленности России номинирована на премию отрасли «Журналист года». Дипломант международных конкурсов «Страницы семейной славы» и «Русский лад», лауреат Артиады народов России. Имеет медали: «850 лет Москвы», «Патриот России», «За верное служение отечественной литературе» и др.

ISBN 978-5-7262-2827-3

© Н.Е. Морсова, 2021
namorsova@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен С.В. Тягиной

Подписано в печать 08.11.2021. Формат 60x84 1/16.

Уч.-изд.л. 13,0. Печ. л. 13,0. Тираж 500 экз.

Типография НИЯУ МИФИ. 115409, Москва, Каширское ш., 31

К читателю	4
Человек – мера всех вещей!?	8
Народный календарь в русской живописи	15
Кто она, Баба-Яга, костяная нога?	24
Пушкин на карантине.....	31
Мышиная возня у памятника Пушкина.....	37
Размышления о книге «Духовный путь Чайковского»	40
На севере диком. Не одинокая сосна Михаила Лермонтова	47
Рабиндранат Тагор. Друг мой, прощай	51
Ганс Христиан Андерсен. «Девочка со спичками»	58
Иван Макаров. Песня ямщика	64
Ахматова – Гумилёв. Поэтический диалог	69
Георгий Иванов. Я отраженьем к вам вернусь	73
Иван Шмелёв. Лето Господне в сияющей душе.....	85
Михаил Пришвин. Неоскорбляемая часть души.....	99
Бурлацкий сын Иван Горюшкин-Сорокопудов	106
Андрей Егоров. Вдохновенный кудесник зимы	120
Аркадий Рылов. Картины горного эфира	132
Кто он – Вениамин Блаженный?	146
Николай Губенко. Я родом из войны	155
Геннадий Шпаликов. Он жил, как жил, любил, как умел	161
Юрий Адрианов. Музыкальная интерпретация стихов	169
Александр Гусаков. Неотправленные письма	173
Александр Кочетков. С любимыми не расставайтесь.....	181
Вячеслав Алдонясов. Крик и песня истомившейся души	185
Сергей Коротков. Сердце причастника	193
Пётр Гулдедава. Неопалимая Купина.....	197

Чьё имя в сердце отзовется...

К читателю

*Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный,
Блажен, кто жизньню умел
Хоть раз коснуться правды вечной,
Блажен, кто истину искал,
И тот, кто, побежденный, пал
В толпе ничтожной и холодной,
Как жертва мысли благородной!*

Алексей Толстой

Известную восточную мудрость «дорогу осилит идущий», при условии, что поводырь – Господь, можно поставить эпиграфом к книге «Чьё имя в сердце отзовется», которая продолжает знакомить читателей с людьми, сумевшими преодолеть тернии земного бытия и оставить след в истории. Уходят в прошлое года и вехи, эпохи и поколения, не та страна, не те и нравы, а с ними уходят люди, когда-то прославлявшие Отечество, а ныне забытые. В моих книгах – возвращение из небытия поэтов, художников, писателей, простых людей, достигших высот в суетном, противоречивом мире, жизнь и творчество которых бессмертно. Вы узнаете о наших современниках, испытавших долгое или короткое счастье созидать.

Одни герои моих книг – всемирно известные люди, другие – в условиях переменчивых времён забыты, третьи известны малому кругу почитателей. Что объединяет этих людей? Перед их жизненным подвигом я преклоняюсь, творчеством восхищаюсь. О ком-то вы узнали из книг «Мне ангел крылья подарил», «Блокадный хлеб», «Сквозь тернии земного бытия», книга «Чьё имя в сердце отзовется» продолжает список значимых для меня из бесконечного ряда кумиров. Русского человека всегда заботит своё самосознание, ме-

сто в обществе, он верит в высокое предназначение человека. Творчество героев моих книг созидательно, плодотворно, служит Отечеству, их деятельность меняет мир к лучшему, они – скрепы народного духа, они стоят на страже чистейших идеалов человечества, они исцеляют наш греховный мир.

Как найти свой, тот единственный путь к истине? Как понять, не потерялись ли мы на столбовой дороге человечества? – Нетореными тропами неустанно идти к высокой цели, искать смысл жизни и собственный путь, развивать способности ради общего блага, постигать мудрость, оставить потомкам весомый след на земле. Свои жизненные ориентиры сверять с делами героев, прославлявших Отечество, чтить современников, формирующих лицо нынешней эпохи, прислушиваться к знаниям древних мудрецов, где есть ответы на многие жизненные вопросы. Слабеющие от какофонии страстей и будней струны души отлаживает хорошая музыка, картины великих мастеров, шедевры мирового искусства. Общение с познавательной книгой – это источник знания и вдохновения. Так мы обновляем интеллектуальное содержание ума, обогащаем душу, отлаживаем остроту восприятия мира красоты, сохранность чувства прекрасного, – так мы сверяем свои часы.

Хорошая литература, музыка, живопись, – это великая сила, способная изменить человека, побуждающая нас заглянуть в запретные глубины бессознательного и найти самые тонкие грани человеческой души, формирующие характер и волю. Но не каждый автор готов настежь распахнуть свою душу, не каждый позволит «топтаться» в её недрах. И всё же лучшие образцы художественного, литературного, поэтического творчества рождаются именно тогда, когда автор не боится обнажить сокровенные человеческие чувства, – в этом значимость и величие творческого созидания.

Интеллект делает человека существом общественно-полезным, ответственным за свою деятельность, побуждает к общению с содержательной книгой, интересным собеседником, с коллективом единомышленников. Равноценный диалог – это подарок судьбы, который дорогого стоит: это источник знания и вдохновения, обогащающий каждого.

Говорят: «Колокол не услышишь, пока не ударишь в него», – одного желания достичь высокой цели недостаточно, – требуется настойчивость, широкая эрудиция, глубокие знания, благородство

души. Каждый человек – творец своего жизненного пути. Кто не знает – куда и как плыть – тому любой ветер не будет попутным. И тогда желание достичь цели бульжником повиснет на шее, придётся бороться с самим собой. Не стоит тратить жизнь и на бег за громкой славой – однажды потеряешь всё, что обретаешь. А можно избрать тернистый путь познания, от чего становишься мудрее, приобретаешь жизненный опыт.

Счастьем труда, творчества, созидания богаты герои моих книг. Вызывает восхищение пламенная жизнь индийского поэта, художника, общественного деятеля, борца за мир Рабиндраната Тагора, пережившего много потерь и потрясений, он боролся за предотвращение Второй мировой войны, за освобождение от английского господства родной Бенгалии. Какими глубокими были его душевные раны, когда усилия оказались тщетными! В своих стихах он мечтал войти в бессмертие благоухающим цветком, утренней зарёй, ночной росой, каплей воды в бурном потоке воды, а оставил потомкам: *«пламя сердца, вечное, живое, пылающее смерти вопреки!»*. И это стало его бессмертием.

Как камертон вселенской гармонии мою жизнь сопровождает музыка Петра Ильича Чайковского. Там, на святых небесах, в райской обители несомненно парит его неземная музыка.

Моё глубокое уважение вызывает творчество Николая Николаевича Губенко, создавшего достоверный фильм «Подранки», где он рассказал о себе, сироте, мальчишке, родившемся в одесских катакомбах, где умерла его мать, а отец погиб на фронте, – про голод, страх, одиночество он знает лучше других. Но не только ужасы войны волновали Губенко, – сценарист и режиссёр призывает к ответственности за судьбы стариков и детей тех, кто вершит судьбы мира. Творчество Николая Губенко вошло в наследие русской культуры.

Восхитительный поэтический диалог Анны Ахматовой и Николая Гумилёва сопровождал больших поэтов до конца жизни и впечатался в книгу, – на века оставил свой вдохновенный след в русской и мировой литературе.

Влюблённость в природу позволили Михаилу Михайловичу Пришвину в эпоху великих перемен сохранить «неоскорбляемую часть души», расширить её глубоким проникновением в тайны природы.

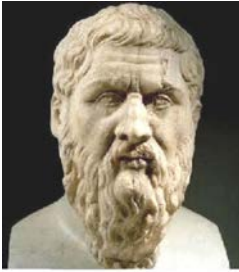
Не все герои моих книг сумели на крутых изломах русской истории отыскать в недрах души «неоскобляемую часть», – кто-то застрял в пути, обиженный и оскорблённый, и не достиг своей мечты, «отверженные пилигримы» ринулись к сытым кормушкам, но оказалось, что пироги остались дома. За бортом русской цивилизации они были лишними, никому не нужными, даже самим себе, природный источник духовной пищи иссяк. Сознавая это, они страдали от своей бесполезности, пустоты души. На первых парах их согревала ненависть, боль потерь, придавала силы популярность среди ненавистников России. Но скоро стало ясно, что весёлый «эмигрантский бал» блистает на краю пропасти их собственной судьбы. Они ушли из жизни «без лица», – не услышанные на Родине, с затаённым криком отчаяния, не простившие ни себя, ни Родину, ни народ русский, потерявшийся в исторических дебрях. Обруби корни семейного уклада, и засохнет родовое дерево, облетят пожухлые листочки на ветру, и останутся потомки неприкаянными сиротами, словно былинки в непаханом поле бытия. Да, принять оторвавшуюся от культурных и исторических корней Россию было трудно, для кого-то оказалось невозможным, и всё же Родина для каждого из нас – это животворящий родник вдохновения, залог самосознания. Отечество любят не потому, что оно хорошее или плохое, а потому, что оно Отечество.

Ключие тернии бытия ранят тело и душу, но сохраняют способность творить. Какими бы тугими не были ворота в вечность, у нас всегда есть возможность достойно пройти сквозь тернии земного бытия, насытиться Божьей благодатью и стать частицей гармоничного мира. Об этом книга «Чьё имя в сердце отзовётся».

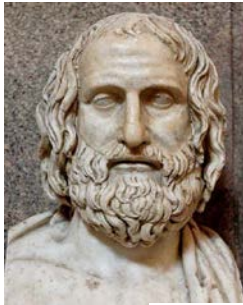
Искать с молитвой своего призванья
И получа, ему не изменять:
Всё благо – разница в одном названьи,
Любимый честный труд есть благодать;
Лишь в общей пользе находить отраду,
Всё родине отдать: и труд и кровь.
А слава? – Дым. Есть лучшая награда:
Зреть бога, сознавать в себе любовь.

Иван Калашников 1880 год

Наталья Морсова, 2021 год

Протагор

Еврипид

Человек – мера всех вещей!?

Человек – мера всех вещей, – утверждает древнегреческий философ Протагор (485–410 гг. до н.э.), основоположник софистики (от греч. софия – мудрость), имея ввиду человека совершенного ума и сердца. Кажется, – с этим не поспоришь, когда говоришь о делах наших суетных. Какова судьба Протагора? Его философская система противоречила существующему на то время мировоззрению; в его взглядах власти усмотрели борьбу с основами общественного сознания. В своём учении философ отнимает у многочисленных античных богов главенствующую роль и отдаёт её человеку идеальному, за что его обвиняют в безбожии и изгоняют из Афин. Считается, что тот погиб во время кораблекрушения по пути на Сицилию. О гибели Протагора в пьесе «Иксион» сообщил его друг драматург Еврипид, который и

сам вскоре вынужден бежать из Афин в Македонию.

За попытку сформировать совершенную душу человека, способного противостоять порокам, поплатился жизнью современник Протагора – Сократ, изучавший дух, разум и утверждавший, что человек – вот высшая истина. Сократ был арестован и погиб в тюремной камере; не желая отказываться от своих убеждений, он добровольно выпил чашу с ядом цикуты.

Так с боями пробивалась ранняя философия антропоцентризма (антропос – человек сознательный, духовная личность).

Ранее подходы к антропоцентризму делал китайский философ Конфуций (VI–V в.в. до н.э), призывавший, по примеру своего учителя Лао-Цзы, «смотреть на мир как на соломенное чучело»; китайский мудрец пытался массово перевоспитывать людей. Помним, что ему многое удалось, – будучи советником правителя одного города, за несколько лет он сделал людей хорошо воспитанными. Но враги подослали 80 женщин свободного поведения, и город вновь погрузился в разврат, пьянство и воровство. Разочарованный Кон-

фуций ушёл. Говорят, он отрубил себе кисть правой руки, чтобы не писать о справедливости. Его ученики ещё несколько лет философствовали, жили возле его могилы, насыщаясь мудростью учителя. Выходит, что невозможно за короткий срок создать человека духовно нравственного и общество с высоко развитой моралью? Да, для этого нужны годы, смена поколений, кропотливый труд семьи и школы, развитие национальной культуры.

Конфуций

Какие взгляды были присущи дохристианской античной философии? Всю информацию о мире человек пропускает через себя: сквозь тело, душу, разум. Но, поскольку все люди разные: злые и добрые, щедрые и жадные, правдивые и лживые, то надо выработать общие этические нормы поведения. По мнению мудрецов, чтобы быть мерилom истины, надо обладать лучшими человеческими качествами: любовь, милосердие, сострадание, помощь ближнему, справедливость, – а это требует постоянной работы над собой, – придётся развивать тело и душу, быть мужественным и сильным, владеть знаниями точных наук, философией, риторикой, логикой и др. Ко всему прочему, человек должен понимать, что жизнь – огромное благо, прожить её надо достойно, нести мир и добро. Умение управлять собой – наисложнейшее из искусств, «золотые правила нравственности» требовали неуклонного их исполнения. Человек понимался как часть совершенного общества. Так классическая философия формировала основы гуманизма.

Прошли века. Удалось ли воспитать человека идеального? Попытки древних философов проторить «столбовую дорогу» высокой нравственности не увенчались успехом, – не хочет человек быть «миленьким и добреньким», но от духовных и этических истин общество не хочет отказываться, считая их каноном, основой гармоничного существования человечества. Развивая мысль о душе, которая изначально даётся чистой, не замаранной, древнеримский философ и оратор Цицерон (I в. до н.э.) утверждает: – *«чем порядочнее человек, тем труднее ему подозревать других в бесчестии»*. Его борьба за демократию обернулась убийством. Свою смерть народный трибун принял мужественно, как и положено стоику. Его голо-

ва и руки были доставлены императору Марку Антонию и выставлены на всеобщее обозрение.

Шекспир о несовершенстве души размышляет:

*И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож.*

О том же писал русский критик и общественный деятель В.В. Стасов: *«Всякий негодяй всегда подозревает других людей в какой-нибудь низости»*. Грузинская мудрость гласит: *«злой человек полагает, что все люди подобны ему»*. Люди с сознанием, что все кругом злодеи и грешники, зачастую и сами несчастны, у них сознание жертвы; они кричат, жалуется, при этом сами ничего не делают для торжества справедливости, равнодушно, «из-за угла» взирают на зло, а порой, и сами становятся злодеями.

Николай Васильевич Гоголь пошёл всех дальше, он проник в суть нравственного уродства, как будто предвидел эпидемию безнравственности, захлестнувшего западную, а теперь и российскую культуру, искусство, литературу: *«Кто увлечен красотами, тот не видит недостатков и прощает всё; но кто озлоблен, тот постарается выкопать в нас всю дрянь и выставить её так ярко наружу, что поневоле её увидишь»*. (Мертвые души).

Выходит, что причина неприятия гуманизма – это озлобленность мира: все против всех. В советском обществе пытались сформировать образ человека совершенного, гуманного, – и многое удалось. Однако в последние годы произошли огромные изменения не только в экономике, но и в массовом сознании нашего народа: совестливого, бесхитростного, сердобольного, доверчивого, жертвенного. Теперь нам навязчиво вещают: чем больше свободы и пошлости, тем современнее, что человек человеку не друг и не брат, а материальное благополучие выше духовного. Так на глазах рушатся представления о добре и зле. В современной русской культуре, в кинематографе куда-то подевалась душа, божественность, самобытность, достоинство личности, катастрофически разрушается «великий и могучий русский язык», прозябает на задворках русская литература, исчезает классический театр, – всё, что защищает людей от «выкапывания дряни». Почему-то мы становимся «Иванами, не помнящими родства». Вероятно, это кому-то выгодно? Как же надо ненавидеть свою страну и соотечественников, чтобы пичкать их

сюжетами из криминальной хроники и порносайтов! А вместо Садыко, Ильи Муромца, Алёнушки, царевны – лягушки и Марьи – искусницы, там, где добро побеждает зло, на детей надвигаются вампиры, зомби, убийцы, уродцы.

Главным героем спектаклей в Гоголь-центре является половой орган, как и в балетном спектакле Большого театра «Нуриев». «Дрянь» вползла даже в детский театр: царь Додон полспектакля катается по полу в любовном экстазе с Шамаханской царицей. Мать сестёр Лариных в известной опере пьяная улеглась на стол и до конца спектакля не поднималась, а Онегин с Ленским, забыв о чести, возятся в шубах на полу в рукопашном бою. **Страну захлестнули низкопробные «шедевры». Убогим творчеством заполнены книжные прилавки; криминальные фильмы с насилием и убийством, развратные шоу, рассчитанные на умственно неполноценных людей, замусорили культуру. А что мы слышим в СМИ? Мало полезного для духовного развития человека: пустые разговоры, пустые диалоги и море жаргонных словечек. А в недавнем прошлом взрослые и дети слушали и смотрели спектакли и фильмы по произведениям классиков, которые являются образцом чистой русской речи и стоят на страже русского кода. Всё это сейчас сведено к минимуму. Дай Бог, чтобы сохранить равновесие.**

О современном школьном образовании и говорить страшно. «Дети превращаются в бездарей и невежд», – пишут сбитые с толку родители и педагоги. Учебники уводят детей от понимания жизни, школьников не учат защищать слабых, уважать старших, ухаживать за цветами и кормить птиц, а учат жестокости и равнодушию: – детей планомерно превращают в человеческий мусор, когда меркнет душа и гаснет дух. (об этом подробно см. «Школьные учебники – дорога в невежество» Наталья Морсова. Сайт ВИФ2).

В своё время канцлер Германии Отто фон Бисмарк утверждал, что Россию невозможно победить, но можно привить ложные ценности, и тогда она сама себя уничтожит. Похоже, предвидение «железного» канцлера сбылось: Русь-Тройка, сбившись на обочину дороги, мчится вслед за заблудившимся Западом под откос, увлекая за собой беспомощных стариков и только что родившихся младенцев. Мы добровольно проваливаемся в бездну пороков и ложных идеалов: за четверть века приблизились к самоуничтожению так быстро,

как не сумели многочисленные орды завоевателей земли русской. Необразованный, нравственно деградированный народ – благодатная почва для любого завоевателя.

Возникает вопрос: почему чиновники от образования, СМИ, некоторые политики заняли враждебное отношение к русской культуре, в основе своей философской, гуманистической? Ответ кроется в **неуважении к русскому народу**; откровенно и неприкрыто идёт подмена веками выработанных духовных ценностей ценностями бездуховными. В сознании народа посеяна паника; люди растеряны, они не знают, каким идеалам теперь служить, несудорожно заполонила культуру. Возьмём, к примеру, любимую в народе песню О.Газманова, в смысл которой «господа офицеры» не вслушиваются, а напрасно: а там «на разрытых могилах души хрипят». Кто разрыл могилы? (собаки, волки, вурдалаки?), почему души защитников Отечества валяются на могилах и хрипят, когда во всех культурах их место на небесах? Вот так, ради красного словца не пожалеешь и отца, – нарушаются гуманистические понятия – жизни и смерти, души и тела.

Сейчас, когда стали очевидны потери в культуре, делаются робкие попытки сохранения русского языка, чистоты человеческих отношений. Но этого так мало, и так много упущено!

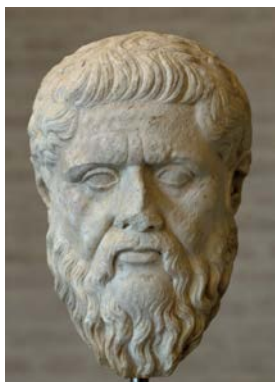
Кто должен остановить навязывание псевдоценностей? Государство, – оно должно оградить граждан от засилья низкопробной зарубежной и российской субкультуры, жаргонных выражений, потоком с льющихся с театральной сцены, печатных и интернет изданий, позаботиться о сохранении русской традиции. К счастью, не вся современная культура рассчитана на убогого зрителя, читателя. Может быть, ещё не всё потеряно? Патриотически настроенная интеллигенция всеми силами защищает русскую цивилизацию от вырождения. Но как не потерять истинно ценное?

В идеале – коллективный разум сможет противостоять разрушению культуры. Но отдельный человек субъективен, ему свойственно ошибаться ввиду своих личных интересов. Например, каждому кажется непреложной истина: жизнь бесценна. Но чья? Гитлера мы считаем преступником, который организовал убийства людей, разрушение государств. Под каким предлогом? – уничтожение «лишних наций» и большевизма – как незаконнорожденного младенца христианства, – в этом идея фашизма, – в этом кроется тоталитар-

ная борьба с гуманизмом. Но почему на выборах в парламент за нацистскую партию, которая не скрывала намерений уничтожения государств и мирового господства, голосовало в ноябре 1933 года более 92 % населения Германии, а в 1936 году – 99 %!? Может быть, немцы усмотрели в своей нации мифическую богоизбранность? Где же тогда был коллективный разум? Значит, и на него рассчитывать не приходится. И кто после войны судил преступников? Судили победители, на стороне которых была на тот момент сила. Но перед войной сила была на стороне фашистской Германии, перед ней пресмыкались лидеры европейских государств и заключали выгодные сделки. Где тогда были гуманизм и справедливость? Дай Бог, чтобы нам и дальше удавалось отстаивать свою точку зрения. Но мир, вероятно, недалеко ушёл от стадии дикости, когда убийство людей не считалось преступлением, а вынужденной необходимостью. Человеческое варварство существует по тем же законам, что и природа – борьба за выживание: если не ты его, то он тебя. Вероятно, этим объясняется неоднозначное отношение к деяниям Гитлера.

Древние цивилизации прославились далеко не гуманным отношением к чужой человеческой жизни. Заяви в Древнем Риме, что жизнь галерного раба ценна, как и жизнь Цезаря, – и сам угодишь на галеры, ибо государственная система таким образом себя защищала. Любовь к детям трактовалась с точки зрения личной безопасности: детей убивали, первенца приносили в жертву, замуровывая в стену собственного дома, царского первенца закапывали под главные ворота городской стены, чтобы город выстоял в осаде. Но это было на заре человечества. Неужели нельзя вытравить из сознания людей варварство? В современном мире высоких технологий понимание человека не как личности, а как животного – недопустимо.

Хотелось бы думать, что избранная народом власть мудрых лидеров, объективная и справедливая, образец нравственности и добропорядочности, – может быть, на первый взгляд покажется утопической парадигмой, – но именно она поможет человечеству понять и принять базовые ценности к руководству. О власти мудрецов говорил в своё время Платон – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля, (V–IV в.в. до н.э.), он считал лучшей формой управления государством власть мудрецов. И в самом деле:

Платон

коллективная взвешенность, рассудительность никогда не помешают.

Именно для того, чтобы навести порядок в неидеальном обществе, за пять веков до Рождества Христова античные философы сделали первый шаг к цивилизованному обществу и определили основополагающие ориентиры в отношении к культуре, искусству, к себе, к Отечеству, которые в будущем совпадут с евангельскими заповедями: мир, любовь, справедливость, милосердие, человеколюбие, достоинство личности. За многовековую историю сменилось много поколений, а с ними идей миропонимания, но остаётся неизменной ценностью добра и справедливости, – это единственное, что хотя бы формально объединяет людей на земле. Но всё остаётся пока в теории, а на практике выясняется, что «выкапывание дряни» достаётся без боя, а высшее проявление сути человека – трудновыполнимо. И всё же, стремиться к этому надо.

Дохристианская философия антропоцентризма загрузила общество нравственно высокой, непомерно трудной задачей, требующей от «человека разумного» гуманистически выверенных решений. Беда лишь в том, что способы достижения этих решений в разных обществах трактуются по-разному, разрыв мировоззрений настолько глубок, что разногласия превращаются в бездонную пропасть.

И всё же, при всех вызовах природы и эпохальных потрясениях всякий раз удавалось договариваться и вырливать на «столбовую дорогу», и потому мы есть. Хочется и теперь верить, что благоразумие, мудрость, ответственность за судьбы людей станут критериями современного миропорядка, за неизблемость которых Россия, пожалуй, единственная, борется настойчиво и открыто, и потому у неё столько врагов. Чтобы уберечь человеческую цивилизацию от гибели, придётся всем вместе «сверять часы» земного времени.

Народный календарь в русской живописи

Весна, рождающая жизнь

*«Дай небо дождь,
а земля рожь»*

(из старинного русского заклинания на урожай)

Весной в природе самое гармоничное, самое совершенное, что вообще может быть, – это сама животворящая природа. Но отношение к ней у сельских жителей, чья жизнедеятельность напрямую связана с природой, не столько созерцательное, романтическое, сколько практическое. От будущего урожая зависела жизнь хлебороба, всё доставалось большим трудом, поэтому крестьянин нуждался в покровительстве сил природы. Отсюда на Руси появилось много народных заклинаний, обрядов, песнопений, заговоров, поговорок, примет, направленных к природе. Семя, брошенное в землю весной, рождает новую жизнь, с новым семенем жизнь продолжается. *«Всякое семя знает своё время»*. И это священо, потому, что свидетельствует о нескончаемости жизни.

Чтобы выжить, нужно научиться наблюдать за окружающим миром, изучать его, тонко улавливать особенности и закономерности. И праотцы наши это хорошо умели. В старину говорили: – *бурно цветущая весна – залог богатого урожая лета; веинный день целый год кормит; кто спит весной, тот плачет зимой*. Детишки забирались на крыши и кликали весну: – *«Приди, весна, к нам со радостью, со великой милостью»*.

Некоторые приметы, заговоры и присказки дошли до наших дней, а многие безвозвратно утеряны, так как закономерности перестали подтверждаться в связи с изменившимся климатом и условиями жизни современного человека. И всё же у нас есть возможность соприкоснуться с народным творчеством наших предков.

Григорий Мясоедов.
Сеятель

Илья Репин. Толстой на пашне

Наблюдения за прилётом птиц определяют порядок весенних дел крестьян. С наступлением тёплых деньков прилетают лесные птахи и птицы наших водоёмов: утки, чайки, крачки, дрозды, зяблики, скворцы на крыльях весну принесли. *«Сороки – белобоки, весёлые болтушки – щекотуньи, угрюмые грачи и жаворонки, певцы полей, глашатаи весны».* (А.Н. Островский «Снегурочка»). На день Иоанна Предтечи – день Обретения, птица гнездо обретает: – *«Жаворонки прилетите, студёну зиму унесите. Тепло весну принесите. Зима нам надоела, весь хлеб у нас поела, «Прилетел кулик из заморья, принёс*

весну из неволя», «Грач на горе – весна на дворе». Если птицы выют гнёзда на солнечной стороне – к холодному лету. Хлопочут они по хозяйству, строят гнёзда, готовятся к рождению потомства. У пернатых жизнь продолжается. *«Увидел скворца – весна у крыльца».* *«Синица запела – тепло ворожит».*

«Синица поёт протяжно, жалуется на бескормицу», овсянка вторит жалобам синицы. Тетерев бормочет весеннюю мелодию: *«продам шубу, продам шубу, куплю кафтан».* А осенью бубнит: *«Продам балахон, продам балахон, шубу куплю».* С прилётом ласточек и стрижей весна в разгаре, значит лето не за горами. Если черногуз прилетает – медведь из берлоги вылезает, барсуки и еноты норы покидают, из трухлявых пней ежи вылезают, а лесные муравьи – из валежника. В это время люди птиц на волю выпускают.

На Матрёну полурепницу чибисы прилетают. На Иоанна Лествичника начинается тяга вальдшнепов. На Иосифа – песнопевца подаёт голос журавль, огородные сверчки начинают свои скачки: *«На траве сверчок поёт, спать Акульке не даёт»*.

Главным событием весны считается Масленица, объедаха. *«Прощай, зима сопливая, приходи лето красное!»* Это неделя наполнена весельем накануне долгого поста. *«Как на масляной неделе из трубы блины летели. Как на масляной неделе в потолок блины летели!»*

Но даже праздники подчинялись заботам об урожае, о здоровье семьи и скота. *«Пришла Евдокея – мужику затея: соху точить, борону чинить»*. Провожают Масленицу сжиганием соломенного чучела вместе со старьём в ожидании богатства, достатка в доме, урожая хорошего.

Борис Кустодиев. Масленица

Одушевлёнными считались земля, водоёмы, деревья, дождь, солнце, – их почитали, им поклонялись. Земля засыпает зимой, а весной она «беременна» будущим урожаем. Земля страдает родами,

отсюда понятие «страдная пора». На весну приходится самое голодное время, много труда и забот, работы невпроворот: *«Красна весна, да голодна. Весной-то гладко: сиди да гляди; осень-то мятка: кисель да блины»*. *«Весна красна цветами, а осень пирогами»*.

Вот некоторые приметы крестьянской жизни весной: ветронос везде суёт нос, задирает курам хвост. С Василия – капельника с крыш капает, за нос цапает. Длинные сосульки – к длинному льну. Зацвела ольха – сей гречиху. Тёплый день на Василия – солнечника сулит богатый урожай. На Благовещенье (8 апреля по новому стилю) дождь – родится рожь, солнечный день – уродится пшеница. Благовещенье мокрое – лето грибное. *«Дай небо дождь, а земля – рожь»*.

Люди внимательно наблюдали за водоёмами. Реки поднимаются – это щука хвостом лёд разбивает: *«Не прошёл лёд – пуст перемёт»*. А прилетели чайки – скоро лёд совсем сойдёт. Рыбаки будят водяного от зимней спячки, задабривают, утопляя курицу или старую лошадь. Нерестится рыба, в Благовещенье всегда хороший улов. Вскрываются реки и озера, и люди радуются: *«Караблик плывёт, товары везёт, все дешёвые, все грошовые»*. Начинается неводьба – устройство невода из веревок для тетивы, просушенных шариков из глины и наплавков – поплавков из сухой коры тополя.

На Федула – ветреника 18 апреля в ненастье: *«Федул, что губы надул?»*. На Федула начинается вылет бабочек – крапивниц и божьих коровок. *«Лягушка квачет, овёс скачет»*, *«Дуб развернулся с заячье ухо, берёза распускается – сей овёс»*. Зайцы бегают днём, перебежал дорогу – к беде. Кроты и хомяки землю разбрасывают, норы чистят, лисы после генеральной уборки переселяются в новые квартиры, а вороны – в новые гнёзда, пора и нам чистить избы и клетки.

«Май леса наряжает, лето поджидает». В майские холода цветёт черёмуха и разворачиваются дубовые листочки. *«Дуб одевается – скотина наедается»*. В это время прилетают мухоловки, пёночки, зарянки – малиновки, стрижи, *«соловей запекает, когда берёзовый лист распускает»*, *«Много майских жуков наплодится – добрый урожай народится»*, *«Коли в мае дождь – будет и рожь»*.

На Георгия Победоносца 6 мая выгоняют скотину на поля: *«Зелёная травка – молока прибавка»*. В Георгиев праздник молодёжь ходила по дворам с барабанками и бубнами, собирала пироги да

яйца. А кто жадничал, тех дразнили: *«Дай тебе бог подольше пожить, да побольше нажать – вшей да мышей, тараканов из ушей»*. Кукушка кукует до Георгия (Егория) – скот падёт. В мае можжевельник зацветает, калина цветёт – пора ячмень сеять. Частые туманы весной – к дождливому лету. Весенний гром сулит богатый урожай.

Имена православных святых связывались с явлениями природы и с трудовой деятельностью: *«Мокро на весеннего Мокея – жди лета ещё мокрее»*. На Луку сеют на грядки лук: *«Кто садит на Луку лук, тот избавлен от вечных мук»*.

Крестьянский быт, праздники и будни крепко связаны с окружающим миром. Народ чутко реагировал на изменения в природе, всё остро подмечал и сверял с ними свою жизнь. Весенняя вода считается целебной, а снег благодатен, его собирают в дубовые просмолённые бочки. Талой водой поправляют здоровье, лечат животных, поливают растения, плодовые деревья и кустарники, от весенней воды куры лучше несутся. Дождевой водой моют голову, чтобы лучше росли волосы.

С апреля заготавливают соковицу – берёзовый сок – березол. Много сока – к дождливому лету. Весной сжигали зимние постели из соломы, проветривали и окуривали дома вереском, можжевельником, берёзовым веником. Соль жгли в печи и добавляли в пищу для лечения скота.

К концу весны запасы квашеной капусты заканчивались, поэтому варили «пустые» щи – из лебеды, щавеля, сныти, *«крапива жгуча родится, а в щи сгодится»*. Известно, что крапивные щи полезны, перед приготовлением крапиву вымачивают в подсоленной воде. Загодя готовились к сбору даров леса: *«Много комаров – готовь по ягоды коробов, много мошек – готовь по грибы лукошек»*. Будет ребятишкам забава – бегать за дарами лесными. В мае пчёл выносят на пасеки. В Матрёнин день в начале мая женщины отбирали семена репы. В течение долгих веков пареная репа, капуста, хлеб и каши были основными продуктами питания крестьянской семьи. Не зря родилась народная сказка про репку. Мясо ели редко, и то по большему праздникам. *«Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной»*. Весна определяла будущее человека, не зря новый год начинался с началом пахотных работ.

Весна пришла, – жизнь продолжается ...

Владимир Маковский. Крестьянские дети

Русские художники хорошо знали жизнь крестьянства, их тяжкий, подневольный труд, нищету и бесправие, их быт, праздники и будни. Реалистическая картина Григория Мясоедова «Страдная пора» тому подтверждение.

Григорий Мясоедов. «Страдная пора»

Но не столько крестьянские страдания на картинах живописцев, сколько восхищение величием труженика земли. Русский богатырь – хозяин земли на картине «Сеятель», бросает горсть зерна в плодородную землю. От художественного полотна веет паревом вспаханного поля, приближением долгожданного дождя.

Алексей Венецианов «На пашне»

Алексей Венецианов «На пашне» изображает нарядно одетую женщину – Родину-мать, женщину – роженицу, наблюдающую за сидящим у пашни ребёнком. Она готовит землю к родам нового урожая, к продолжению жизни человека и природы. И в этом главная миссия женщины – быть хранительницей жизни. Полотно художника не столько реалистичное, сколько картина-песня, аллегория, собирательный образ русской женщины. Это торжество весеннего пробуждения, слияние человека с миром природы, его «приращение» к вечности.

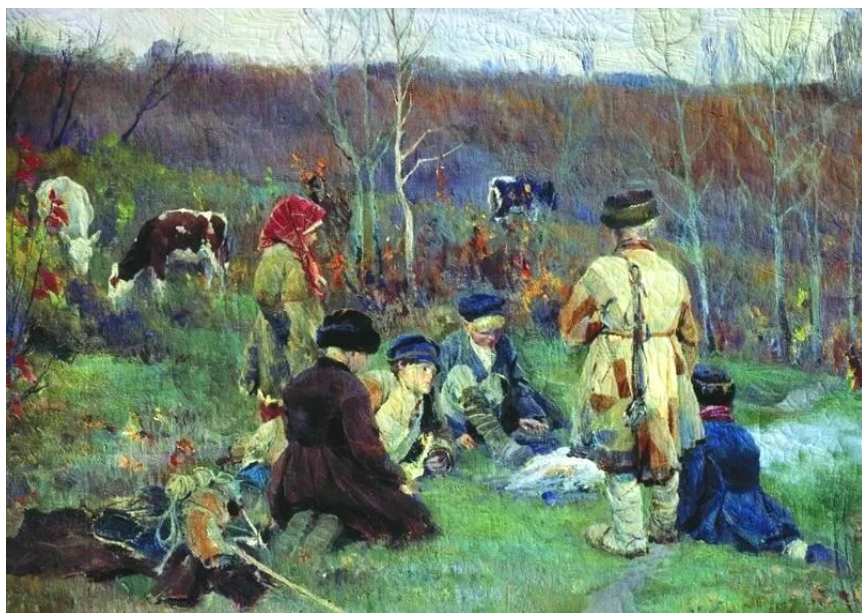
«Взятием снежного городка» сибирского казака Василия Сурикова представлен образ народа, в котором играет богатырская сила, способная дать бой утомительной зиме, огромный запас жизнелюбия. Озорные всадники атакуют снежные крепости, «осажденные» обороняются метлами да ветками, ах, какая развесёлая масленица!

Ярмарки, гулянья, катание на лошадях, балаганы, словно роспись лаковой шкатулки, на картине Бориса Кустодиева «Масленица» создают ощущение игрушечности, призрачности весёлого праздника. И верится, что в сказочной, заснеженной стране живут жизнерадостные люди, способные горячим сердцем расколдовать холодное царство зимы. Купола церквей и шатры каруселей олицетворяют единство духовности и бытия простого человека, умеющего не только хорошо трудиться и соблюдать посты, но озорничать и веселиться.

Творчество русских художников не призывает нас, замороженных далёкой стариной, возвращаться в лапотную Русь к покосившимся избам с соломенными крышами, к сохе и телеге, нет, а призывает помнить: каковы наши природные корни, в чём он – русский дух, каковы истоки духовной культуры.

Павел Брюллов. Весна

Сергей Виноградов. Дети

Сергей Виноградов. Охота с борзыми щенками

Кто она, Баба-Яга, костяная нога?

*6 июня 2021 года исполняется
222 года со дня рождения
Александра Сергеевича Пуш-
кина. Памяти великого русско-
го поэта посвящается.*

*Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей; ...*

*Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой.
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!*

А.С. Пушкин

Навеено грустными размышле-
ниями о духовном облике совре-
менной молодёжи. Способны ли
молодые люди в случае беды са-
моотверженно защищать своё
Отечество? Какую роль в воспи-
тании патриотизма играет русская
народная сказка? Какие качества
она формирует у ребёнка?

Как говорится, в сказке ложь,
да в ней намёк, добрым молодцам
урок. Скоро сказка сказывается, да
не скоро дело делается... Долгими
зимними вечерами при лучине
сказка про добрых и злых людей и
зверей сказывалась, потом пере-

сказывалась, от века к веку волшебством и чудесами додумывалась.

Сказочным творчеством занимался Александр Сергеевич Пуш-
кин, – «над вымыслом слезами обливаясь», написал семь поэтиче-
ских сказок, ставших украшением русской литературы, он разо-

мкнул спрятанный в глубинах веков древний мир таинственных чудес.

Владимир Иванович Даль, современник Пушкина, создавший «Толковый словарь живого великорусского языка», так увлёкся сказкой, что под именем Владимира Луганского выпустил в 1832 году сборник фольклорных «Русских сказок», где много поговорок и поговорок, присущих русскому духу. Константин Ушинский, Василий Жуковский, Николай Карамзин, Лев Толстой, Алексей Толстой и другие серьёзные писатели понимали важность сохранения устного народного творчества, они освободили старинные сказания, предания, повествования от ужасов потусторонних сил, кишачих в народном фольклоре. (Если посмотреть сказки Афанасьева – собирателя устного народного творчества, то от ужасов волосы дыбом встают), русские писатели привели сказки в надлежащий вид, насытили новыми художественными образами и современным литературным языком. В таком виде они и дошли до нас.

В современной трактовке литературных сказок исчезает злобная старуха Баба-Яга и появляется милосердная старушка, – грозная демонница превращается в щедрую берегиню, – готовит она бесстрашного добра молодца к непомерным для человека испытаниям, одаривает его силой богатырской, волшебным мечом да кольчугой чудодейственной. Идёт Иван – крестьянский сын на большое дело, на подвиг ради жизни на земле, – Змея-Горыныча поганого, Чудюдо огнедышащего, Кощея бессмертного побеждать, от всякой нечисти землю русскую освободить. Бьётся доблестный воин с вражьей силой – не на жизнь, а на смерть, аж земля стонет – прогибается, – и побеждает. Вернётся Иван – крестьянский сын в родные края, к отцу – матушке, спрячет доспехи до худых времён и будет поле пахать, хлеб собирать, а народ русский добра наживать. А когда добрых воинов много, тогда и победа скорее будет. Вот как в русских сказках бывает!

К доброй бабусе-дарительнице люди сами идут за исцелением, за тайными знаниями, девицы за секретом вечной молодости, детишки малые учатся премудростям старинного искусства прясть да ткать, добрый молодец наделяется силой небывалой. Подарит ему старушка волшебный предмет, чтобы неприятеля победить: то меч-колденец, то ката-сорохода, то санки-самозванки, то клубок ниток-самокруток, то стрелы-самострелы. А если подарков не хватит, то обратится она за помощью к силам природным – к ветру, к ночи, к волкам и медведям, к братьям своим лешему и к лиху одноглазому, к кикиморам коварным. А уж если и те не помогут нечистую силу

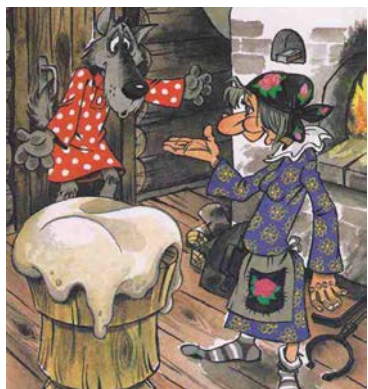

одолеть, тогда к сестрице своей старшей – костяной, премудрой. А вот к солнцу никогда не обратится, – яркого света она боится.

*Вот уж месяц из-за лесу кажет рога,
И туманом подернулись балки,
Вот и в ступе поехала Баба-Яга,
И в Днепре заплескались русалки,
В Заднепровье послышался лешего вой,
По конюшням дозором пошел домовой,
На трубе ведьма пологом машет,
А Поток себе пляшет да пляшет.*

А.К. Толстой

В советских фильмах Баба Яга в исполнении замечательного Георгия Миллера была любимицей детворы и взрослых, – хитроумная старушка старалась навредить: «Чуфырь, чуфырь, кручу, верчу, запутать хочу». А получалось – рассмешить, – добрый молодец всё равно её перемудрит. На самом деле, невинный образ имеет глубокие и не такие уж благостные корни.

Для чего наши далёкие предки придумали страшилку – сердитую и коварную Бабу Ягу – костяную ногу? Какой смысл несёт в себе образ Бабы Яги?

Изначально образ Бабы-Яги имел глубокие философские корни, – многие народы ставили каменных Баб, как символ праматери, – им поклонялись. И на Руси также – Баба – глава рода – главная мать; Яга – это огонь – концентрация силы, энергии. Слово *ягать* на Руси означало кричать, звать, собирать. Она – божественность, повелевающая Временем, Огнём, Воздухом, Лесом, Дикими зверями и птицами, Жизнью и Смертью, Судьбами людей, она Хранительница царства смерти.

Со временем древнюю старуху стали представлять как зло – антипод добра, как страшную сущность, – одной ногой окостеневшей стоит она в мире мёртвых, а другой ногой – в мире живых. Распушенные седые волосы указывают на связь с загробным миром. Жуткая Бабка хоть обликом и человек, а суть её – потусторонняя. Коварная старуха заманивает к себе добрых молодцев и непослушных детей, чтобы съесть их, зазывает заплутавших путников в глухом лесу, те и гибнут в топких болотах. А коль зайдёшь в избушку, так и век не выберешься, – беги, пока цел.

Персонаж древнеславянской мифологии выглядел как уродливая старуха со змеиным хвостом, наделённая магической силой, она и ведьма, и колдунья, которая стережёт вход в потусторонний мир, провожает души почивших в царство мертвых. А избушка на курьих ножках без окон и дверей – это сторожевая застава между миром живых и мёртвых, и стоит избушка на костях – черепках человеческих.

Идёт дальней дорогой отважный молодец на неравный бой – из плена девицу-красавицу вызволять, людей заколдованных расколдовать, злодея лихого побеждать, а навстречу ему – Баба Яга в ступе летит, помелом рулит, знает старая, что человеческой силушкой с лиходеем не справиться. Зазывает она касатика в избушку на курьих ножках, в мир колдовских чудес. Но наш герой – себе на уме, – прежде пусть хозяйюшка его накормит, напоит, в баньке помоем, спать уложит, а потом и расспрашивает. Старушке нравится смелый юноша, – она и накормит его, и напоит, и в баньке помоем, а потом и расспросит про беду его.

Входит Иванушка в избушку, а Баба Яга ему: – «Фу, фу, фу! Русским духом пахнет!» А то скажет: – «Фу, фу, фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится» («Иван Быкович»).

Чем же пахнет добрый молодец, каков он – русский дух? Баба Яга не видит ничего, да и слышит плохо, а только нутром своим чует запах чужой. Живёт она на краю царства мёртвых, а юноша пахнет – человеком живым, воином отважным. Теперь всё имеет сакральный смысл – не просто так молодец в баньку идёт, а чтобы смыть дух живой, соприкоснуться с миром иным, чтобы чары потусторонние к нему прилепились. А потом гость желанный

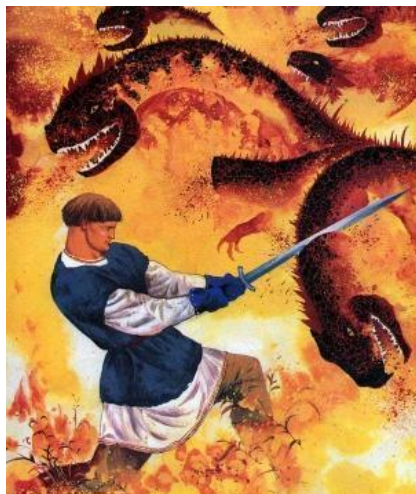

за стол садится, бабушкину стряпню колдовскую вкушает, хвалит – не нахвалится, в это время он от всего земного очищается, волшебными дарами наделяется, они-то и помогут в неравном бою боли и страха не ведать, тяжёлые раны исцелять, смерть побеждать.

И Баба Яга не такой уж злой и коварной кажется. И живёт она вроде по-людски, домашний очаг поддерживает – дровами печка топится, в чугушке белые грибы варятся, в сковородке – мухоморы и поганки с лягушками жарятся, на столе деревянные миски с ложками, возле печки – ухват, кочерга, пестик, помело, в бочке тесто поднимается, на крючке овчинный тулуп пылится, берёзовым венчиком домик выметается, на насесте петух с курами куролесит, кот мурлычет, мудрый филин ухает, в углу ступа с клюкой дожидается, на хозяйке платье и фартучек с кармашками, на голове платочек беленький. Как не умилиться старушкой?

Старинное былинно – сказочное творчество, передающееся из поколения в поколение, несёт потомкам секреты жизни далёких предков, – сколько на земле бед было, сколько народов в грозных баталиях исчезло с лица земли? – не счесть. А наш народ всё вынес, выстоял и будет стоять на века. Чем глубже история, тем дольше длится Век, тем прочнее родовые корни, тем крепче дух.

Русская сказка формирует у ребёнка представление о добре и зле, справедливости, милосердии, укрепляет волю, наделяет уверенностью в надёжности своей страны, учит дорожить памятью предков. В ней нет надуманного геройства ради личной выгоды – славы, а есть любовь, терпение, жертвенность на общее благо.

Воспитанный на русском народном творчестве ребёнок ощущает себя наследником большой истории, он хочет стать бесстрашным богатырём, доблестным защитником Отечества, способным отворить дверь не только в избушку на курьих ножках, а и в достойное будущее своего народа.

Пушкин на карантине

Россия не раз встречалась с чумой, холерой, тифом, «испанкой», – теперь новая напасть – коронавирус; когда закончится, какую дань потребует с людей?

Любовь к жизни и творчеству Александра Сергеевича Пушкина, с детства привитая матерью – учителем русского языка и литературы, проявила интерес к холерному карантину 1830 года, который поэт провёл в Болдине – имении отца Сергея Львовича. Как известно, карантин благотворно влиял на Пушкина, в холерной изоляции он провёл всего три месяца, но Болдинская осень в творческой биографии стала наиболее плодотворной.

Как Александр Сергеевич оказался в Болдине? В дар от отца он получил одноэтажный дом в селе Большое Болдино Нижегородской губернии по случаю скорой женитьбы. Пушкин выехал оформлять документы, убежав от холеры.

Старинная усадьба имеет глубокие исторические корни: в XVI веке стал известен Евстафий Пушка (Пушкин), которому за ратные подвиги даровано Болдинское поместье. При дворе Ивана Грозного Пушкин занимал пост дипломата, был воеводой города Смоленска, вёл переговоры с польским королём Стефаном Баторием. Право передачи вотчины по наследству подарено было в 1612 году за большие заслуги семейства Пушкиных в освобождении Москвы от поляков.

Приехал поэт в противоречивом расположении духа: с одной стороны тягостное расставание с невестой, с другой – приятные хлопоты по поводу имения и предстоящей свадьбы.

Изоляция и раньше была известна поэту, в 1824 году власти сослали его на два года в материнском поместье Михайловское, где Пушкин создал около ста произведений: он закончил поэму «Цыганы», «Граф Нулин», пьесу «Борис Годунов», начал работу над романом «Арап Петра Великого», глубоко погрузился в «Историю государства Российского» своего старшего друга Н. Карамзина.

Но в Болдине всё было иначе: его угнетало отсутствие знакомых и поэтических встреч, грузом на душе висели ссоры по поводу денег с матерью невесты Натальи Гончаровой, с которой он был помолвлен после вторичного сватовства, – вполне могла расстроиться свадьба, да и писалось в последний год мало, без вдохновения, а жил он только литературным трудом. Изоляция для игрока и искателя приключений – это серьёзное испытание. Вспыльчивого поэта

выводила из себя сиротливость окружения: в прежде любимой осени он увидел скуку, вместо пышности лесов – два куцых дерева с осыпанной листвой, запустение пашен, убогость ветхих, топившихся по-чёрному крестьянских изб, пожары и беспросветную нищету.

Перед отъездом в Болдино поэт пишет другу Петру Плетнёву: «Осень подходит. Это любимое мое время – здоровье мое обыкновенно крепнет – пора моих литературных трудов настает – а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда <...>. Еду в деревню, бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм...». И всё же, не имея душевного спокойствия, поэт создал лучшие свои произведения.

Вскоре выяснилось, что отцу принадлежало не всё имение, а лишь малая часть с 200 душами. Неразбериха с документами, неопределённость долей многочисленных Пушкиных раздражали поэта, он оставил бумажные дела, во владение землёй и крепостными крестьянами так и не вступил.

В стране в это время набирала обороты эпидемия холера, которая охватила полмира. Пушкин несколько раз порывался в Москву, но кордоны останавливали, приходилось возвращаться в «свою берлогу», холера – «очень миленькая особа», разлучила влюблённого и невероятно ревнивого тридцатилетнего поэта с красавицей – невестой, за которую «готов жизнь отдать». Запертому в заточении, ему ничего оставалось делать, кроме, как писать. И он писал:

*Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Боря.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.*

*Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.*

Страдания от одиночества, страх перед угрозой эпидемии, осознание греховности бесшабашной юности, покаяние и молитва о спасении нашли место в элегантной «Элегии»:

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней.
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

лицо». Надо же: крестьянская еда – картофель и гречневая каша питали гения.

«Пушкин в Михайловском», П.П. Кончаловский

Или раздражённо: – «Будь проклят час, когда я решился расстаться с вами, чтобы ехать в эту чудную страну грязи, чумы и пожаров, – потому что другого мы здесь не видим... Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с ее карантинами – не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба?»

Бытовало мнение, что эпидемиям подвержено только простонародье ввиду его «грязного» быта, бедности, недоедания, но страшные известия из обеих столиц говорили об обратном – холера косила всех подряд. Пушкин обеспокоился судьбой невесты: – «Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? Нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и право не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Но не правда ли, вы уехали из Москвы?... Прощайте, прелестный ангел».

Портрет Натальи Пушкиной писал Александр Брюллов, хотя поэт обращался к Карлу Брюллоу. Карл не увидел совершенной красоты в облике Натальи Николаевны и перепоручил работу брату. И как получилось!

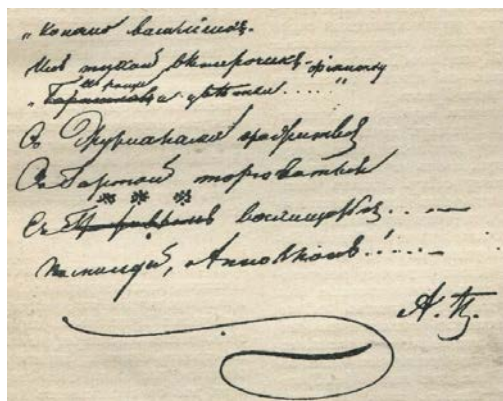
Порой писал сердито: – «Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что делается на белом свете».

При всей своей сердитости, Пушкин, как никогда, много пишет: за три месяца 32 стихотворения, серия статей для «Литературной газеты», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», завершает работу над «Евгением Онегиным».

Болдинский карантин не только спас поэта от вероятности подхватить грозную болезнь, но и открыл нового Пушкина. От холо-

стяка – весёлого гуляки, не осталось и следа: миру явился великий русский писатель, глубоко знающий жизнь; теперь его произведения теряют магию романтизма, подражания обожаемому Байрону, а есть чума, холера, убогость крестьянского быта, беспросветность жизни маленького человека – станционного смотрителя, большая детская смертность, страдания и гнев доведённых до отчаяния людей, с которыми он общался в Болдине, – всё это тяготеет к реализму. В крестьянских избах поэт искал новые сюжеты, сказки и народные предания, а нашёл школу жизни. Теперь он смотрел на мир глазами быстро повзрослевшего человека, зрелого писателя.

В конце ноября 1830 года карантинные оцепления отменились, Пушкин покинул Болдино и через неделю был в Москве. Холера пожалела семью Александра Сергеевича, следующей весной они с Н.Н. Гончаровой обвенчались.

Но холера из России не ушла, через год она вспыхнула с новой силой. Пушкин пишет важное замечание в своём в дневнике: «В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков, прекратили доходы крестьян и помещиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями...». Что характеризует его зрелый ум и равнодушное отношение к происходящему.

Новых карантинных заточений у Пушкина не было, он ещё два раза бывал в Болдино, но превзойти творческий взлёт холерного 1830 не получилось, через шесть лет с ним случилась беда, страшней холеры. После роковой дуэли с Дантесом 10 февраля (29 января по старому стилю) 1837 года русского гения не стало. «Угас, как светоч, дивный гений, / Увял торжественный венок». (М.Ю. Лермонтов)

Новых карантинных заточений у Пушкина не было, он ещё два раза бывал в Болдино, но превзойти творческий взлёт холерного 1830 не получилось, через шесть лет с ним случилась беда, страшней холеры. После роковой дуэли с Дантесом 10 февраля (29 января по старому стилю) 1837 года русского гения не стало. «Угас, как светоч, дивный гений, / Увял торжественный венок». (М.Ю. Лермонтов)

Мышиная возня у подножья памятника Александра Пушкина

Кто бы мог подумать, что наступят времена, когда придётся защищать Александра Пушкина? Времена такие наступили. За последнюю четверть века в России разрушено всё, что может рушиться. Казалось, предел порухи пройден. Ан нет.

Автор сенсационного очерка «Немой Онегин», опубликованного 3 октября 2017 года в «Московском комсомольце», А. Минкин затеял мышиную возню у

подножья нерукотворного памятника русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Журналист всколыхнул угасающий к нему интерес и достиг желаемого – теперь о нём много говорят, пишут... Видать, жало зависти к мировой славе Александра Пушкина пронзило сердце Александра Минкина, который, как говорится, «я ни Пушкин, ни Крылов, не могу писать стихов».

Вывернуто наизнанку «грязное бельё», которое имеет место быть у любого человека – самого обыкновенного или гениального. Журналист не поленился покопаться в нечистотах и вытащить на свет самое худшее, неприличное, пошлое, ошибочное, что могло быть в жизни и творчестве Александра Сергеевича. И Онегин, оказывается, не такой, как надо, и Татьяна – шлюха. Неужели для поэзии так важно: сколько лет молчит Онегин и с какой скоростью бежит по саду влюблённая барышня Ларина, ломая кусты и цветы? Да пусть она бежит, как хочет, навстречу своей любви! Разве в поэзии это главное? А ведь поэту было всего 24 года, когда он писал «Оне-

гина!» Читателю от тухлого зловонья очерка А. Минкина становится до тошноты погано, так, что хочется бесконечно мыть руки.

Но только бы это... Несомненно, что это заказ, очень похожий на те вбросы, которые обозначаются заказом западных спецслужб. И направлен этот заказ не только против основоположника современной русской литературы: подлая подножка поставлена всей русской литературе, а значит, и русской культуре, в основе которой лежит служение идеалам человечества.

– *Посмотрите, какой мерзости вы поклоняетесь*, – навязчиво намекает нам автор очерка.

– *А раз такое ничтожество и абсолютную бездарь вы считаете гением, то и вся ваша поганая русская литература такая же мерзопакостная, как, впрочем, и весь русский народ, а значит, чтить и уважать просто некого*, – читается между строк.

Вы думаете, А. Минкин первый в когорте злопыхателей поэта? Нет, их было много и при жизни, и после. Где все они, завистники, неудачники, моралисты, непримиримые критиканы? Растворились на задворках поэзии, утонули в выгребной яме третьесортной литературы. А Пушкин остался на века! Автор очерка хотел «искупаться» в лучах чужой славы, разгромив по всем статьям жизнь и творчество кумира миллионов, а вместо этого «испоносился» зловонными дрязгами и завяз в них у подножья памятника гения, стоящего, – по словам В.А. Жуковского, – на первом месте русского Парнаса. Что ж, каждый выбирает по себе...

Вот так выбивается почва из-под ног неустойчивого поклонника русской литературы! Вот так трещит пощечина по образу русской культуры! В сознание людей вброшено сомнение, издёвка, запачкано имя носителя русского духа, того, кто никогда не предавал Россию и был верен ей до конца жизни.

Как ведёт себя враг в чужой стране? С чего начинается любой завоеватель? С уничтожения памятников национальной культуры – традиций, религии, литературы. На что направлено варварство завоевателя? На вытравливание исторических и культурных корней народа, на истребление его достоинства и самосознания. Именно так, как ненавистник всего русского позиционирует себя журналист Минкин.

Никто и не говорит, что Пушкин – икона, он допускал творческие оплошности, грешил: возможно, кого-то предавал, презирал,

сквернословил, говорил непристойности, «брюхатил», – как он сам выражался, девушек, «как говорится по-русски – ходил по бабам» (А. Минкин). Можно подумать, что немецкий или французский мужик не ходит по тому же адресу. Да, Пушкин – не Христос, не ангел, не святой апостол Павел, – ничто человеческое ему не чуждо. В нём сочеталась африканская пылкость и русская бесшабашность, он умел страстно любить и страстно ненавидеть.

Ничего нового не открыл А. Минкин: нам давно всё известно. И что теперь? Отречься от великого соотечественника, облить помоями, перестать чтить, взорвать монумент на Тверской, сравнять с землёй родовое поместье или выкинуть из гроба? Соотечественники давно простили поэту его слабости. Или от русского народа вновь требуется покаяние?

Прошло 222 года. В горниле истории давно истлело «грязное бельё» Александра Сергеевича. Потомкам осталось богатое наследие – могучее СЛОВО русского гения. Давайте оставим в покое Пушкина – человека, а будем наслаждаться лучшими творениями Пушкина – поэта!

Ноябрь 2017 года

P.S. В декабре 2017 года А. Минкин в культурном центре «Гнездо глухаря» собрал своих поклонников по поводу «Немого Онегина». Зал бурно благодарил своего кумира за «бессмертный» труд: наконец-то нашёлся герой, честно и смело развенчавший навязанный образ не великого не русского не гения. Минкин зачитал самый безобидный фрагмент из данного очерка «Мышиная возня...» и заявил, что ни один из т.н. почитателей Пушкина не заступился за классика русской литературы. Исключение составил единственный отклик журналистки Н. Морсовой!

Неужели и в самом деле никто не заступился за Пушкина? Выходит, Минкин прав?

Размышления о книге «Духовный путь Чайковского»

Галины Степановны Сизко, изданная Фондом им. Н.Ф. фон Мекк в лице Дениса Андреевича фон Мекк в 2020 году

Волнение от прочитанной книги так велико, что мгновенно родилось благодарственное эссе, желание поделиться своими размышлениями.

Казалось, – о П.И. Чайковском (25 апреля 1840 г. – 5 октября 1893 г.), известно всё; привитая с детства любовь к русской музыке и внутренний настрой на музыкальный лад Петра Ильича побуждали чутко реагировать на разного рода публикации о любимом композиторе. И вдруг открытие – книга Галины Степановны Сизко «Ду-

ховный путь Чайковского», приуроченная к 180-летию композитора, изданная Фондом фон Мекк, стала приятным потрясением. Ценность книги – в создании иного образа Петра Ильича, глубоко верующего, многогранного философа, сумевшего найти своё место в духовном музыкальном творчестве, достойного памяти не только в своём Отечестве, но и далеко за его пределами. О духовном опыте композитора немного известно профессионалу, а уж тем более простому обывателю, к коему себя отношу. Похоже, такой цели раньше никто и не ставил. Нам предстаёт другой Чайковский: с глубоким христианским мировоззрением, наполненный духовным светом.

Экземпляр прекрасно оформленный книги «Духовный путь Чайковского» подарен президентом фонда Денисом Андреевичем фон Мекк заслуженному писателю, члену Академии российской литературы, руководителю литературной студии «Свежий взгляд» Петру Георгиевичу Гулдедава, который поделился со мной уникальным приобретением. С трепетом и волнением прочитала за одну ночь глубоко аналитический труд и посчитала для себя большой удачей поделиться с автором книги и её издателем своими размышлениями.

Галина Степановна Сизко – научный сотрудник музея П.И. Чайковского в городе Клин, знакомит читателя с фотографиями, семейными иконами, нотными тетрадями, дневниками и письмами композитора, которые носят христианскую направленность. Автор напоминает о глубоких корнях русской культуры, лицом которой был П.И. Чайковский. Эта книга об искренней любви Чайковского к России, которой сейчас так не хватает молодому поколению, к Отечеству «красному» или «белому», «большому» или «здоровому», процветающему или временно теряющему корни духовности, к любому, потому, что оно Отечество. Примером тому эпизод на корабле, где чувственный Пётр Ильич зарыдал от умиления при виде русской женщины. Всю свою жизнь совершенным языком музыки композитор рассказывал о своей глубокой, трепетной любви к России, к русской природе, к родной земле, к семье, к Богу.

Читателю предстаёт иная сторона творчества композитора: его глубокое погружение в церковную музыку привело к изучению премудростей древнерусского богослужения, в результате родились Литургия, Всенощные песнопения, – своего рода музыкальные проповеди, с которыми мало кто знаком.

С большим уважением автор знакомит читателя с семейными традициями, под влиянием которых формировалось религиозное мировоззрение мальчика, с переживаниями «стеклянного ангелочка» в связи с потерей любимой мамочки в столь юном возрасте, больно ранившей его хрупкое сердце, что наложило отпечаток на восторженно романтическую натуру, на творчество, приобретшее оттенок трагический.

Автор книги бережно и деликатно погружается в переписку Петра Ильича и баронессы Надежды Филаретовны фон Мекк, упоминая лишь письма духовного содержания, характеризующие Чайковского как сформировавшегося христианина.

Надежда Филаретовна – русская девушка Наденька Фраловская, семнадцати лет ставшая баронессой фон Мекк, прославилась как выдающаяся женщина того времени, с деловой хваткой, сильным характером, предприимчивостью, но главное её место в истории в другом – она стала меценатом Чайковского, который смог оставить профессию в Московской Консерватории, чтобы сосредоточиться исключительно на творчестве. За тринадцать лет объем финансовой помощи композитору превысил 85 тысяч рублей. При том, что в

*Баронесса Надежда Филаретовна
фон Мекк*

супружестве она имела 18 детей (многие умерли в младенчестве), была человеком практического ума. При жизни и после смерти мужа барона Карла Фёдоровича фон Мекк занималась банковскими счётами, твёрдой рукой управляла железнодорожными перевозками зерна, леса, именем, огромными земельными и лесными угодьями. Совладелица Казанской железной дороги, хозяйка нескольких домов в Москве, подмосковной усадьбы Плещеево, виллы в Ницце, она сделала всё возможное, чтобы породниться с гениальным композитором, женив своего сына Николая на

племяннице Петра Ильича. Этот брак родил новую родовую ветвь Чайковских – Давыдовых – фон Мекк. После смерти матери Николай стал председателем правления Московско-Казанской железной дороги; после революции работал инженером на железной дороге, репрессирован и расстрелян в 1929 году, обвинённый в антисоветском заговоре.

В письмах к композитору Надежда Филаретовна, порой, сетует на своих обидчиков, на что непрактичный Чайковский призывает её к христианскому милосердию и доброте, к всепрощению, искуплению греха любовью. Такого рода советы вряд ли применимы в финансовой жизни, однако, они наиболее драгоценны для Надежды Филаретовны, считавшей своего кумира «божественным». Вряд ли можно сыскать более трогательные письма, в которых душа и сокровенные мысли Петра Ильича более всего обнажены. Надежда Филаретовна, такая далёкая, но созвучно близкая, стала его духовником, родственной душой, ей композитор посвятил Четвёртую симфонию ля минор, написанную в годы русско-турецкой войны, – психологическую драму о человеке, ищущем свет истины.

Поддержка Надежды Филаретовны помогла Чайковскому стать самым плодовитым композитором – на его счету десять опер, три балета, шесть симфоний, 104 романса, ряд концертов, инструментальных произведений, хоровых сочинений, кантат, фортепианных миниатюр. Чайковский осознанно становится членом «Могучей кучки», созданной с целью распространения самобытной русской музыки – «пора отдать долг русскому народу». Музыкальное сообщество подвергалось воинственному остракизму, общественному суду, осмеянию «лапотников и лапотниц», но композиторы оставались верны своему делу.

Лицом к лицу Чайковский увиделся со своей покровительницей всего один раз во время прогулки на лесной дороге: она сидела в коляске рядом с дочерью, Чайковский тоже был в экипаже. Оба они окаменели от неожиданности, неловко раскланялись, оба долго не могли прийти в себя. Вторая встреча произошла во Флоренции в театре, – билет ему прислала Надежда Филаретовна, которая тоже была на спектакле с детьми, в антракте он рассматривал ее в бинокль; ее некрасивость его умиляла.

Люблённость в музыку Петра Ильича породила любовь женщины к композитору, на которую он ответить не смог. Надежда Филаретовна тяжело заболела и помочь ему не смогла; через год после смерти своего кумира в 1894 году её не стало, похоронена в семейном склепе на кладбище Ново-Алексеевского монастыря в Москве. Эта уникальная женщина подарила композитору ангельские крылья, на которых он взлетел в вечность. Правда, небесного светила под названием Чайковский, по какому-то недоразумению, пока нет.

Пётр Ильич был в полной уверенности, что вера – единственная броня, которая защитит от ударов судьбы, а музыка – это дар небес, который выведет «блуждающее в потёмках человечество» на свет Божий. Чайковский находился под обаянием евангельских изречений Христа: «Придите ко мне, все страждущие, все нуждающиеся и обременённые,... ибо иго моё сладко и бремя моё легко». Они были лейтмотивом его творчества и нашли воплощение в прощальной Шестой симфонии, ставшей его духовным завещанием, где он протягивает руки к царству Божьему, готовится к встрече с Всевышним.

Совершенным откровением для меня была поездка Петра Ильича на остров Валаам, что в Ладожском озере, его желание связать себя с монашеством; там, в монастыре, укрепились духовная направленность его исканий, которая нашла отражение в Первой симфонии, пронизанной божественным светом.

Спасо-Преображенский Валаамский мужской монастырь в своё время всемерно поддерживался Иваном Грозным, Петром I, Александром II, как форпост православия на Русском Севере, однако пребывание в монастыре невероятно тяжело, и не только в связи со строгим послушанием, но и ввиду оторванности от цивилизации, суровости климата и капризов разгневанной Ладоги.

Я ежегодно провожу время в Сортавала, что в 40 минутах езды на «Ракете» до Валаамского монастыря, бываю на прекрасно обустроенном, приспособленном для посещения тысяч паломников и туристов острове. В последнюю четверть века монастырь превратился в жемчужину Русского Севера, во всемирное культурное наследие. Но так было не всегда.

Спасо-Преображенский Валаамский мужской монастырь

Поделюсь своими детскими ощущениями. Впервые я посетила веками намоленные места в середине 60-х годов. Прошло 20 лет после войны, монастырь лежал в руинах: – его бомбили финские самолёты после ухода финской братии, которые вывезли всё, что не прибито, часть утопили в Ладоге на глубинах до 100 метров. Бомбила и наша авиация. От монастырских стен мало что осталось, а храма, кроме кусков фундамента и части одной стены, и вовсе не было. Нашу группу младших школьников рано утром на катере привезли на остров, чтобы забрать вечером. Но разыгрался шторм, и катер не пришёл. Осенний дождь загнал нас в укрытие, которым оказался нависший обломок церковного потолка. И всё! Дети улеглись под открытым небом на мокрый каменный пол и забились в угол. Так прошла ночь экстремальной экскурсии.

На другой день выглянуло слабое солнце, и все отправились обследовать окрестности. Сегодняшнее богатое убранство храма и красоты нарядно украшенных скитов не имеют ничего общего с тем, что было тогда. Нас встречали монахи-отшельники, которые жили одной лишь молитвой, рыбной ловлей и собирательством грибов и ягод, ничего не производя, селились они в скитах, собранных из старых досок. Жили монахи и полуразрушенных каменных монастырских кельях, без тепла и света, а с ними – выселенные из города душевно больные и ещё невесть откуда явившиеся люди с сомнительным прошлым. Они сидели на земле и на ступеньках лестницы, идущей к пристани, с отёкшими, угрюмыми, отрешёнными лицами и попрошайничали у редких туристов, а потом бежали в продовольственную лавку, в которой «шаром покати», а только рыбные консервы, хлеб и водка. Повсюду сидели и лежали дети, нигде не обучавшиеся, нестриженные, грязные, нездоровые. Маленькая девочка сорвала с утоптанной тропинки заморенный цветок одуванчика и подарила мне. Денег у меня не было, мы сами жили бедно, хотя не понимали этого и были счастливы своим детством. Валаам стал для меня школой жизни: тогда я впервые увидела нищету и отсутствие интереса к жизни. В кармане была единственная карамелька, я отдала конфету девочке; она долго бежала за мной и слабым голосочком шептала: «дай ещё». Мне было стыдно за девочку, за себя и за «убитую» жизнь невольных пленников брошенной святой обители. Как хорошо, что Чайковский не видел Ва-

лаамского погрома, иначе вряд ли бы размышлял о монашеском будущем.

Книга Галины Сизко относится к тем самым редким книгам, когда каждое слово правдиво и весомо, несёт в себе глубокое уважение и почтение к образу Петра Ильича, побуждает непременно и не раз бывать в музее, а главное, слушать музыку композитора всех времён и народов, от которой замирает сердце, трепещет душа и сливается с небесами. Там, в Райской обители, на святых небесах, несомненно парит его неземная музыка.

И каким бы жёстким санкциям и нападкам не подвергалась Россия, произведения Петра Ильича продолжают звучать в лучших театральных и концертных залах мира, – музыку невозможно запретить.

В какофонии человеческих страстей современного мира, как кэмертон вселенской гармонии, никогда не иссякнет гармония Чайковского звука.

Хотелось бы пригласить Вас, Денис Андреевич, когда наступят лучшие времена, в скромную литературную студию «Свежий взгляд», которая собирается в помещении библиотеки в районе Бирюлёво-Восточное. А также пригласить на встречу с членами Союза славянских журналистов, который возглавляет доктор наук, профессор МГУ Сухомлин Владимир Александрович.

Автора книги Галину Степановну Сизко и Вас, Денис Андреевич, приглашаю к участию в ежегодном конкурсе «Страницы семейной славы» на Военно-историческом форуме (ВИФ2), сайт «Победа». (организатор доктор наук, профессор МГУ Сухомлин В.А.)

А также принять участие в интернет – конкурсе общественного движения «Русский лад».

С глубоким уважением и пожеланиями новых творческих успехов

Наталья Морсова, член союза журналистов России

Письмо отправлено автору книги Галине Степановне Сизко и президенту фонда фон Мекк Денису Андреевичу фон Мекк 10 декабря 2020 года.

*Не одинокая сосна
Михаила
Лермонтова*

*Содружеству
русских гениев
Михаила Лермонтова
и Ивана Шишкина
посвящается*

*На севере диком
 стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь,
 и снегом сыпучим
Одева, как ризой, она...*

*М.Ю. Лермонтов,
1841 год*

Удивительно точно русский живописец Иван Иванович Шишкин увидел образ сосны в стихотворении Михаила Юрьевича Лермонтова «На севере диком...». Художник понял душу автора и представил миру щемящее чувство одиночества великого русского поэта, странника и всеми покинутого изгнанника с «милого севера», мечтавшего найти родственную душу. Было ясно, что поэт ассоциирует себя с одиноким деревом.

Вглядимся в картину. Плетёт зима-пряха кружева ажурные, вяжет затейница ледяными спицами снежные шапки и надевает их на грозные вершины гор, шьёт пышное одеяние и укрывает задумчивые утёсы. Всеми покинутая, не знающая заботы и любви, в тихом безмолвии стоит на утёсе одинокая сосна. В царстве бескрайнего снега и кромешной тьмы, закованная в тяжёлые снежные латы, воз-

вышается она на неприступном утёсе. Укутанная, словно белым саваном, обездвиженная тяжестью снега, стоит сосна на краю глубокой бездны.

Но нет в облике её нестерпимой тоски и безысходности. Кажется – никаким буйным ветрам не сломить её волю к жизни, не согнуть, не вырвать с корнем. Величаво, с твёрдой верой в лучшее будущее гордо возвышается она на вершине, крепко стоит наперекор жгучим морозам и грозным бурям. Безбрежное одиночество скрашивает мертвенный, тоскливый свет бледнолицой луны, он заливают мрачное ущелье и неоглядную даль. Но свинцовые облака завесили тусклым покрывалом небесное светило. Мрак окутал покорную землю и проглотил её серебряное сияние. Стало холодно, тоскливо и неудобно. И вдруг луна величаво вознеслась на небосклоне и бросила серебряное коромысло, вычерчивая размытые контуры глубоких обрывов, насупленных утёсов и неприступных ущелий. Стылые скалы искупались в волшебной лунной дорожке, умылись божественным светом и засияли небесной чистотой. Какая таинственная и торжественная ночь!

Луна не может растопить замороженное безмолвие, рассеять тяжёлую тьму, но может скрасить одиночество пленницы горного ущелья. Единственная собеседница – таинственная жрица ночи, слушает грёзы о светлом и радостном мире. Погрузившись в белые призрачные сны, сосна мечтает о встрече с шуршащей на знойном ветру пальмой, такой же грустной и такой одинокой на «горючем» и зыбком утёсе. *(в немецком сосна, ель – мужского рода).*

Стихотворение написано перед отъездом Михаила Юрьевича в ссылку на Кавказ, незадолго до гибели на дуэли в свои неполные 27 лет! Как вспоминал друг Лермонтова П.П. Вяземский: – «Лермонтов по моей просьбе мне перевел шесть стихов Гейне: «Сосна и пальма». Он наскоро набросал на клочке бумаги свой перевод».

Михаил Юрьевич изменил любовную тему немецкого поэта Генриха Гейне – историю влюбленных, обречённых на вечную разлуку, у Лермонтова история превратилась в тему безнадежного одиночества, которое также звучит в «Парусе», который «белеет ... в тумане моря голубом», в «Утёсе», на груди которого «ночевала тучка золотая» и многих других.

В 1891 году петербургский издатель Пётр Петрович Кончаловский подготовил к изданию собрание сочинений М.Ю. Лермонтова, приуроченное к 50-летию со дня гибели великого русского поэта. В подготовке приняли участие известные художники – В.И. Суриков, М.А. Врубель, В.М. Васнецов, И.И. Шишкин. Картина «На севере диком...» И.И. Шишкина стала лучшим украшением этого издания. Великий живописец, страстно любивший былинную, богатырскую мощь русской природы, создал образы, ставшие художественными символами России.

Почему именно это стихотворение глубоко тронуло чувства мастера русского пейзажа И.И. Шишкина? У художника в то время было похожее состояние одиночества. Он недавно потерял близких людей. Его душа была полна скорби, обиды на судьбу, унесшую брата, сыновей, жену... Неуютно стало дома. Старшая дочь Лидия, 19 лет от роду, без отцовского благословения вышла замуж за барона Б.Н. Ридингера и переехала к мужу в Финляндию, в усадьбу Мери-Хови, (переводится с финского как «морской дворец»). Усадьба расположена в местечке Куоккала, ныне Репино, затерявшаяся среди холодных скал на берегу финского залива, куда художник иногда навещался за вдохновением. Эти обстоятельства сроднили души гениальных творцов. И родился шедевр.

Картина «На севере диком» входит в экспозицию Киевского государственного музея русского искусства. Жива ли теперь?

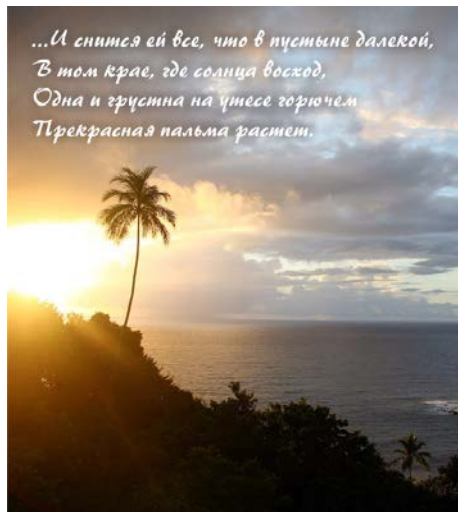
Стихотворение Гейне «Одинокая Ель» вдохновило на вольный перевод не только Лермонтова, но и Тютчева, Фета. Не будем их сравнивать.

В маленьком стихотворении М.Ю. Лермонтова скрыта большая трагедия человеческой жизни. Отчего поэт так одинок, замкнут? – Никем не понятый, как сверстниками, так и старшим поколением, он за свою недолгую жизнь вволю «нахлебался» коварства и вероломства. Откуда эта студёная тоска, безысходность, ненужность? – В глубоком ощущении разобщенности душ, в разлучённости души и мира, в неумении сострадать. Михаил Юрьевич понимал, что его утонченная натура способна чувствовать то многое, что не под силу другим. Ему понятен был природный язык робкого ручейка и далёкой звезды, перекликающихся горных вершин и заблудившейся лесной тропинки. Он ведал тайны человеческой души. Но как это высказать? Он жил в том высшем свете, где не принято делиться

душевными переживаниями, где под маской благочестия может скрываться враг или ложный друг. За маской сарказма самого поэта скрывалась тонкая, романтическая душа. Спасением было литературное и художественное творчество, где обнажалась искренность его души.

Младший современник А.С. Пушкина яркой звездой вспыхнул на небосклоне русского Парнаса, вместе они заложили основы классической русской литературы. «Светись, светись, далёкая звезда», – взывал поэт, лелея надежду на «свет далёкой звезды», который донесёт потомкам тайны его чистейших помыслов, когда он будет понят и принят. Мечта Лермонтова сбылась: потомки услышали и по достоинству оценили его творчество – поэта, прозаика, драматурга, художника. Духовное единство поэта и читателей его таланта прошло проверку временем, протяжённостью в 200 лет. Пронеся своё творчество сквозь пергаменты веков, Пушкин и Лермонтов – национальное достояние России, – по сей день охраняют чистое русское слово и чистую русскую речь.

Шишкинская – Лермонтовская СОСНА не одинока, нам понятны её испепеляюще горячие грёзы, которые внушают твёрдую уверенность в том, что никаким лютым морозам и буйным ветрам не сломить волю русского человека. Как не сломить и Россию – матушку: ни лютым санкциям, ни буйно помешанным ветрам, дующим с заблудившегося Запада. Долготерпимы мы, но в праведном гневе за Отчизну свою – испепеляюще горячи!

*...И снится ей все, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на чужбине горючеш
Прекрасная пальма растёт.*

Пушкин, Лермонтов, Шишкин всегда с нами, это они – великие русские поэты и художники – скрепы богатырского народного духа, это они стоят на страже чистейших идеалов человечества, это они искупают и исцеляют наш греховный мир, это они на знамёнах наших духовных побед!

Друг мой, прощай!

К 160-летию Рабиндраната Тагора (1861–1941 гг.)

*Ветер ли старое имя развеял,
Нет мне дороги
 в мой брошенный край.
Если увидеть пытаешься издали,
Не разглядишь меня,
Не разглядишь меня,
Друг мой, прощай.
Я уплываю, и время несёт меня
С края на край.
С берега к берегу,
С отмели к отмели,
Друг мой, прощай...*

«Друг мой, прощай», – это слова из песни композитора Алексея Рыбникова, которая прозвучала в исполнении Ирины Отиевой в замечательном советском фильме «Вам и не снилось». Не сразу догадаешься, что это стихи поэта Рабиндраната Тагора, творчеству которого характерны возвышенность, изысканность, бездонная глупина, мудрость, вечность.

А родилась песня благодаря вольному переводу Аделины Адалис стихотворения Рабиндраната Тагора «Неумолимый Времени возница». Сравните:

*...Неумолимый Времени возница
Меня уводит вдаль, и темнота
Распахивает надо мной крыла.
Ты слышишь, как грохочет колесница?
Ты слышишь, друг? Сегодня я не та,
И мне иной рассвет сегодня снится, –
Я тысячу смертей пережила!
Напрасно ты о прошлом вспоминаешь:
Нет прежней Лабонно, об этом знай!
И ты меня при встрече не узнаешь,
Мой друг, прощай!...*

Нежное, трогательное стихотворение – прощание двух влюблённых, юноши Омито и девушки Лабонно, земная любовь которых была невозможна, но незримая связь осталась навсегда. Омито женится на другой девушке по имени Кетоки, его любовь к Кетоки: – «как вода в сосуде, которую я пью каждый день». Любовь к Лабонно – «озеро, которое нельзя вместить в сосуд, но в котором омывается моя душа». Влюблённые верят, что впереди их ждёт небесная любовь. Содержание стихотворения созвучно сюжету фильма «Вам и не снилось», к счастью, нашим влюблённым удалось преодолеть преграды и встретиться.

Теперь, в год 160-летнего юбилея Рабиндраната Тагора, есть повод вспомнить великого бенгальского поэта и прозаика. Он был известным общественным деятелем, его знали как борца за мир. Помимо всего, Тагор занимался философией, научной работой, сочинял музыку и писал картины, – сколько талантов сфокусировалось в одном человеке! В 2010 году коллекция из 12 картин Тагора была продана за 2,2 млн. долларов. Поэтическое творчество «рыцаря пера» было настолько значимым, что его удостоили Нобелевской премии.

Рабиндранат Тагор родился в Калькутте, его семья относилась к древнему бенгальскому роду и владела большими землями. Отец был брахманом, он часто совершал паломничества к святым местам, брал с собой сыновей.

В этой семье все были талантливыми людьми. Старший брат Рабиндраната – известный математик, музыкант, поэт. Средние братья стали философами и добились немалых успехов в драматургии и поэзии. Когда Рабиндранату было 14 лет, умерла его мать. Потеря близкого человека стала для юноши большим испытанием, что нашло отражение в его творчестве. Первые стихи появились в 8 лет, а в 17 лет опубликована поэма «История поэта». В 1878 году он отправляется в Лондон постигать науки.

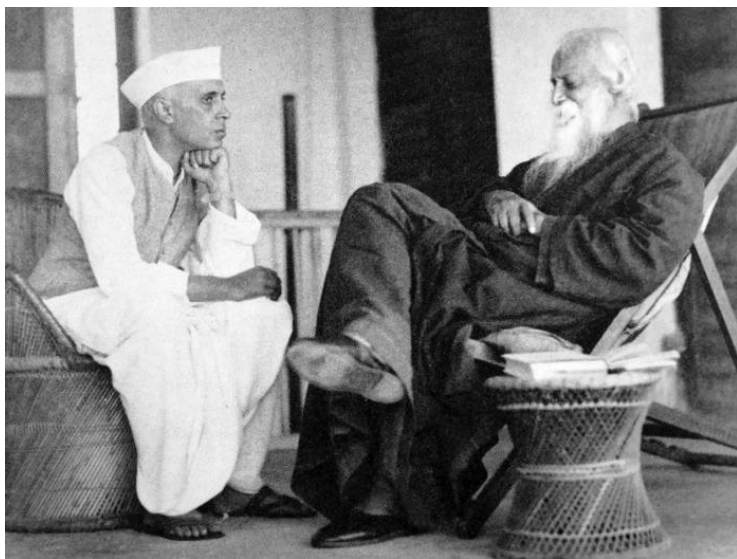
Тагор женился на девушке, которая принадлежала к касте брахманов. За время совместной жизни родилось пятеро детей. Он издаёт новые книги, переведённые на многие языки, пишет о любви, единении человека и природы, исповедует гуманистические ценности, открывает бесплатную школу для детей разных сословий.

Но счастливый семейный и творчески плодотворный период сменяется временем утрат: от туберкулёза и холеры умирает двое его детей, уходит мало пожившая жена, отец. Неутешное горе сопровождает его жизнь. Он уезжает со старшим сыном в США с намерением дать ему образование в престижном университете.

В 1913 году Рабиндранат Тагор стал первым человеком неевропейского происхождения, которого удостоили Нобелевской премии

по литературе, его «Жертвенные песнопения» впечатлили мир. Всю премию Тагор потратил на нужды своей школы, после Первой Мировой войны школа стала бесплатным университетом.

Писатель всегда был в гуще общественной жизни, переживая о судьбе Индии и родной Бенгалии. В 1905 году был издан варварский Акт Керзона, согласно которому Бенгалия подлежала разделу: часть Бенгалии вошла в состав Бангладеш, остальная – в состав Индии. Это вызвало массовые протесты против трёхсотлетнего британского господства, образовалось движение «Свадешти», одним из руководителей стал Тагор. Когда арестовали национального лидера Тилака, он организовал сбор средств для помощи заключенному. Но вскоре протесты приобрели черты революционного движения, что противоречило взглядам писателя, который считал, что всего нужно добиваться путем просвещения; Тагор отказывается от участия в протестном движении. Его тревожила проблема гонений неприкасаемых – самой низшей касты людей. Он начал просветительские лекции на эту тему, но встретил такое сопротивление, что единственное, что удалось добиться, – это разрешение неприкасаемым посещать Храм Кришны.

Неру Тагор и Джавахарлал Неру

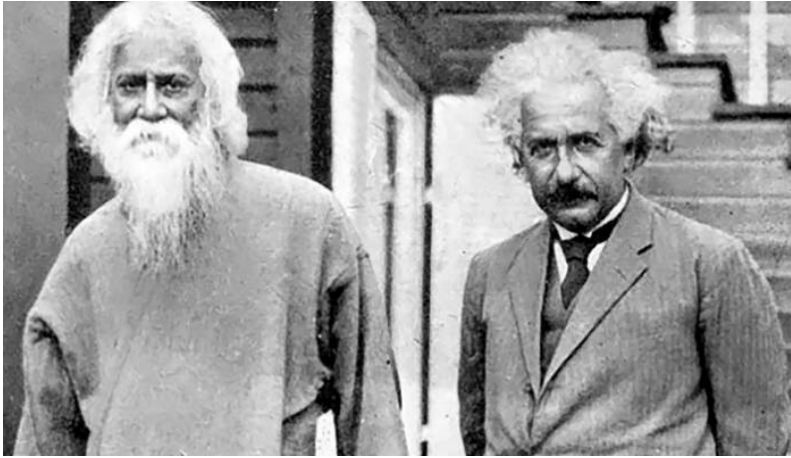

Фото с Альбертом Эйнштейном

Тагор встречался с известными учёными и общественными деятелями: с Альбертом Эйнштейном, Джавахарлалом Неру, взгляды его были близки учению Махатмы Ганди, созвучны толстовской философии непротивления злу: добиваться согласия не насиллием, а просвещением, умением договариваться даже в самых острых конфликтах между слоями общества, между властью и народом.

Тагор любил русскую литературу и мечтал побывать в СССР, в 1930 году мечта сбылась. Он не приветствовал русскую революцию, но многое удивляло и восхищало, он прослыл защитником России. Особенно порадовался за крестьян, которые бесплатно получали землю и образование. В «Письмах о России» он писал: – *«Просвещение изменило духовный облик всего населения. Немые заговорили, сдернуто покрывало, открывшее души тех, кто веками не видел света, бессильные вновь обрели душевные силы, презренные поднялись со дна общества, получив право на равное со всеми общественное положение. Столько людей и такие молниеносные перемены, что трудно себе представить. Радуетя душа, видя, как благодаря образованию становится полноводной веками сохнувшая река. Повсюду кипит жизнь».*

Начало Второй мировой войны подкосило Рабиндраната Тагора, сошла на нет его многолетняя борьба за сохранение мира. Во время болезни, когда он оказался *«на поздней окраине жизни»* – ему ис-

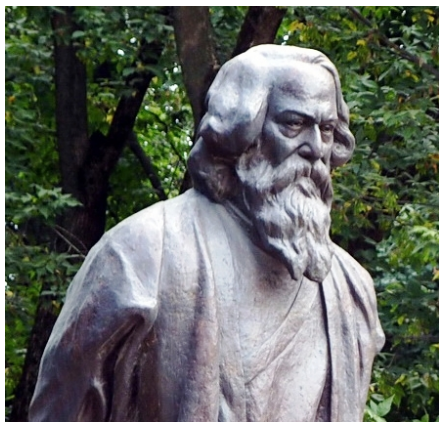
полнилось 80, он с нетерпением ждал новостей с фронта, каждое утро надеялся услышать хорошие новости о России. За полчаса до операции Тагор спросил индийского учёного: что слышно о России? И, когда узнал, что дела на фронте поправляются, воскликнул: – *О, разве могло бы быть иначе? Так должно быть! Они могут добиться этого! Только они добьются этого!*

На самом деле, об успехах советских войск говорить было рано – впереди – бои за столицу, впереди самая кровопролитная война.

В Москве в Парке Дружбы, что на Ленинградском проспекте, стоит памятник мыслителю, философу, поэту Рабиндранату Тагору.

В своих поэтических строках Тагор делится мечтами – войти в бессмертие благоухающим цветком, утренней зарёй, ночной росой, каплей воды в бурном потоке воды. Но главное его наследие: *«пламя сердца, вечное, живое, пылающее смерти вопреки!»*.

Потомкам остались дневники, романы, жизнеутверждающие и романтические стихи, пронизанные любовью к Отечеству, к людям, к родной природе, к жизни. Многие российские, советские поэты, писатели занимались переводами Тагора. Но его творчество – такая полноводная река мудрости, что в неё можно погружаться бесконечно.

Вот некоторые мысли Рабиндраната Тагора:

– «Множество людей могут говорить хорошие вещи, но очень немногие умеют слушать, потому, как это требует силы ума». «Отяготи птице крылья золотом, и она никогда уж не будет парить в небесах». – «Не падай духом, брат, не отрекайся от замыслов своих первоначальных. Одна дорога у тебя, мой брат, спеши, не поворачивай назад, верши свое и не служи чужому,

не боясь осуждения и преград». – «То, что я существую, – для меня постоянное чудо: это и есть жизнь».

Ганс Христиан Андерсен

По мотивам рождественской сказки «Девочка со спичками»

Замерзающая девочка со спичками мечтала в Рождество играть под ёлкой и есть жареного гуся в кругу любящей семьи, но автор приготовил для неё совсем иное.

Пронзительная история великого датского сказочника, как щемящие звуки флейты, затрагивают струны души, вызывая светлые слёзы.

«Морозило, шёл снег, на улице становилось всё темнее и темнее. Это было как раз под Рождество. В этот холод и тьму по улицам пробиралась бедная девочка с непокрытой головой и босая», – так начинается совсем нерадостная сказка «Девочка со спичками» Ганса Христиана Андерсена.

Мать девочки, замученная болезнями, умерла, когда девочка была совсем маленькой. Огромные мамины башмаки слетели у малышки с ног. Один потерялся неизвестно где, а другой подхватил какой-то мальчишка.

«...ножонки её совсем покраснели и посинели от холода, – почувствует автор, – В стареньком передничке у неё лежало несколько пачек серных спичек. За целый день никто не купил у неё ни спички; она не выручила ни гроша. Голодная, изящная, шла она всё дальше, дальше... Снежные хлопья падали на её прекрасные, вьющиеся, белокурые волосы».

А дело было в сочельник, в канун волшебного Рождества. В такие дни в домах жарко пылают каминные и светятся окна, пахнет печёными яблоками, пирогами и жареными гусями.

На старой колокольне пробило пять часов, зажглись газовые фонари, стало светло и весело, улицы заполнили счастливые дети с игрушками, собачки с бантиками, нарядные дамы в новых шляпках и довольные собой важные персоны. С подарками и свежеспахнувшими ёлками они торопятся к обильному ужину. Все оживлённо разговаривают, смеются, бегут и едут в санях и каретах; пар валит от загнанных лошадей, сквозь рыхлый снег звенят подковы их копыт по мостовой. Мимо прошёл блюститель порядка и отвернулся, чтобы не замечать бедную девочку. Витрины магазинов сияют яркими огнями, а там лошадки и красивые куклы, одетые в нарядные платья, как живые стоят!

В окне большого дома девочка увидела ярко освещённую комнату, в комнате ёлка до самого потолка, на ёлке фонарики сверкают, в золочёных бумажках яблочки и орешки блестят. Румяные дети танцуют вокруг ёлки, в догонялки играют. Ах, как весело на празднике Рождества!

Только у девочки нет праздника. Господи, хоть бы кусочек пирожка съесть! Она бредёт босиком по заснеженным улицам в надежде продать хотя бы одну спичку. Домой малышка не смеет вернуться, – отец жестоко побьёт её!

Читатель, затаив дыхание, ждёт, что с девочкой обязательно случится чудо, ведь в Рождество случаются самые волшебные чудеса! Это такое благодатное время, когда гнев, гордыня, зависть, закрывающие сердца для Духа Святого, открываются для прощения, доброты, милосердия. Кто-то из торопливых прохожих сейчас заметит бедняжку, обогреет и накормит. А может быть, отец сжалится над ребёнком и крепко обнимет родное дитя? Нет, ничего этого не случится. Произойдёт другое чудо.

Чтобы согреть окоченевшие пальцы, девочка зажигает спичку. Пламя кажется таким ярким, как будто пылает огонь в горячей печи. Приятное тепло разливается по всему телу. Но спичка тухнет, печка исчезает, и опять становится нестерпимо холодно. Она зажигает другую спичку, и ей видится накрытый скатертью стол, уставленный вкусными угощениями, а посередине – жареный гусь. Она зажигает ещё спичку и оказывается возле наряженной ёлки, огоньки которой весело сверкают яркими звёздочками.

Замерзающая девочка прижалась к стене дома и почувствовала, как засypает, погружаясь в ледяной сон. Пальцы её не слушались, они были, как ледышки, и всё же удалось зажечь спичку. И стало светло, как днём; и вдруг малышка увидела бабушку, которая испекла рождественский пирог. Девочка смахнула слезу, – ведь бабушки давно нет, она умерла.

И вдруг она увидела, как на небе зажглась яркая звезда, и услышала голос бабушки, которая звала внучку.

Из последних сил девочка крикнула: «Бабушка, я здесь, возьми меня с собой!» И в ту же минуту её подхватили теплые бабушкины руки, и милые ангелочки понесли высоко-высоко туда, где нет голода и холода, боли и страданий. Там на небесах она увидела любимую бабушку, которая крепко обняла её, и стало так хорошо, увидела других ребятшек, когда-то умерших у иссохшей груди матери, подброшен-

ных в корзинах под чужие двери, замёрзших в холодных трущобах. Только на небесах были не дети, а безвинные Ангелы Божьи. Заморенные равнодушным миром взрослых, детишки эти жили в нищете, в грязи и в табачном чаду, среди людей, где правили жестокость, грубость и злая тоска, у которых отняли счастье, любовь, да и саму жизнь.

С девочкой не случилось волшебного чуда: она не грелась у камина в окружении счастливой семьи и не открывала коробки с красивыми подарками. Малышка не дождалась весёлого Рождества. Грустная сказка Андерсена завершилась трагедией: – «В холодный утренний час, в углу за домом сидела девочка с розовыми щёчками и улыбкой на устах, но мёртвая». Редкие прохожие останавливались и сочувственно качали головой. Но они даже не догадывались, какими радостными были её последние мгновения.

Сказочник пожалел сироту и дал ей другое чудо. Исполнилось желание девочки: она получила любовь, только во сне. Андерсен был верующим человеком; смерть девочки он сделал прекрасной: в райской обители на руках любимой бабушки. Сказочным девочкам Герде, Русалочке, Дюймовочке, Принцессе на горошине волшебник подарил счастье земное, а Девочке со спичками подарил счастье небесное.

Андерсен, родившийся в семье сапожника и прачки, переживший нищее детство, называет себя «гадким утёнком» и оплакивает безымянную девочку. И не только её, а других детей с замороженными душами, которым не повезло родиться в благополучной семье.

С детских лет будущий сказочник боролся за жизнь. Когда мальчик учился в школе, его дразнили ученики и били розгами учителя. После смерти отца он работал подмастерьем у ткача, портного, в госпитале для душевнобольных, на сигаретной фабрике, – тогда он купил себе первые сапоги. Юноше хотелось вырваться из нищеты, в 17 лет он поступает в гимназию во второй класс. Худощавый, долговязый, длинноносый, с писклявым голосочком юноша учится под насмешки маленьких гимназистов и придумывает сказочные истории. Писателем его сделали «песни отца и речи безумных», – как он сам говорил, – да ещё богатый жизненный опыт. Андерсен работал в театре, сочинял пьесы, стихи, но люди захотели видеть в нём только сказочника, именно таким мы его и знаем.

А может «Девочка со спичками» и не сказка вовсе? Зачем всем нам, детям и взрослым, эта жестокая история? Чтобы помнить, что за пределами восхитительного праздника жизни есть тот, кто бродит по нарядным улицам и мечтает о чуде!

С Рождеством Христовым всех нас! Давайте и мы мечтать и верить в чудо Господнее! И замечать тех, кто стоит на обочине дороги и нуждается в нашей заботе.

Иван Макаров

Нераскрытая тайна

«однозвучного колокольчика»

*Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слеска,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.*

Иван Макаров

С концертной площадки звучит старинный романс «Однозвучно гремит колокольчик», – любят исполнители включать в программу произведение редкой красоты и гармонии. Звучит колокольчик, как дыхание старины, как сермяжная правда жизни, как не запорошенный след давних времён. Кто автор трогательного романса? Автор стихов доподлинно неизвестен. На первый взгляд, они могут принадлежать А.С. Пушкину или М.Ю. Лермонтову. Кто так тонко сумеет понять душу одинокого мытаря, как не наши классики? Но это не так. История его создания полтора века назад загадочна и трагична. Стихи, подписанные «Иван Макаров», были найдены в мешке замёрзшего ямщика Ивана Макарова 10 февраля 1852 года на перегоне сибирского тракта «Кунгур – Суксун». Вскоре листок с проникновенными стихами неизвестным образом попал в Петербург, слова переписывали от руки, они стали широко известны в лучших салонах обеих столиц. Долгое время о Макарове ничего не было известно. Кто на самом деле создал шедевр?

Многие усомнились в авторстве малограмотного извозчика и стали искать другого поэта. Каким образом листок мог попасть в руки ямщика? Возможно, он вёз поэтически одарённого ссыльного или чиновника с одноимённой фамилией и получил стихотворный подарок? Да и бывает ли такое совпадение?

*...Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
что в груди моей холодной, остылой
Разгорелось сердце огнём.*

*И припомнил я ночи иные
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра слеза.*

*Однозвучно гремит колокольчик
И дорога пылится слегка
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...*

Иван Макаров

Кунгурский краеведческий музей

В Кунгурском краеведческом музее рассказывают такую историю: в 1821 году в поместье Сивинское помещика Александра Всеволожского, что в пермской губернии, в семье ямщика Ивана Макарова родился сын, которого также назвали – Иван. В детстве будущий поэт много ездил с отцом и хорошо знал ямщицкую жизнь и ямщицкие песни. Грамоте мальчик выучился у сельского дьякона и с детства сочинял «стишки», в том числе и про хозяина, за что тот сдал юношу в солдаты. Похоже, характер у крепостного был своенравный, он и там сумел провиниться, – после самовольной отлучки к больной матери его отправили ямщиком в конвойную службу сопровождать каторжан в Сибирь. Познав тяготы и лишения службы, Иван Макаров написал стихотворение: «Однозвучно гремит колокольчик», которое заканчивается словами:

*И вспомнил он Сиву родную,
Чугайку и заводь пруда.*

*И под хриплые крики конвоя
Замолк мой ямщик навсегда.*

Иван Макаров погиб в возрасте 31 года, замёрз, как и его отец, служивший на сибирском тракте по почтовому делу. Возможно, стихи были посвящены отцу?

Когда шедевр попадает в руки ценителей музыки, то уже неважно, кто автор. Почему стихотворение получило столь широкое распространение? Наполненные щемящим чувством одиночества, тоской по родному дому, любимой жене и детишкам, по воле вольной, – такие настроения присущи духу русского народа с его страданиями от безысходности жизни. В этих строках ощущение бесконечности дороги и бескрайности безлюдных просторов земли русской. В гулкой тишине сибирских лесов слышен унылый скрип колёс, шуршание полозьев, плач колокольцев, всхрап лошадей.

Тройка с бубенцами, как символ русской жизни, нашла отражение в произведениях классиков:

*По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...*

*Ни огня, ни чёрной хаты...
Глушь и снег...Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадаютя одне.*

А.С. Пушкин

*Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.*

П.А. Вяземский

*Ямицк лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.*

Н.А. Некрасов

*Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дороге столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой.*

Ф.Н. Глинка

Прошло золотое время русской культуры – литературы, музыки, и однажды в «Историческом вестнике» за апрель 1910 года в воспоминаниях В.А. Энгельгарда появилась версия о том, что автором слов песни был его дед – Николай Петрович Макаров (1810–1854 гг.) – гитарист, литератор, печатавший в «Рауте» сатирические романы под псевдонимом Гермоген Трехзвёздочкин. Мало проживший музыкант писал и романсы. Как бы то ни было, но воспоминаниям поверили и в следующих изданиях русских песен авторство слов стали обозначать как Николай Петрович Макаров.

Прекрасный мелодист Александр Гурилёв не мог остаться равнодушным к «Однозвучному колокольчику» и создал потрясающей силы романс.

Позднее литературовед А. Шварц высказал мнение о том, что автором песни на самом деле был тот самый крепостной крестьянин Иван Иванович Макаров (1821–1852), в чьей дорожной сумке нашли текст. В подтверждение чего он ссылается на архивные материалы, якобы обнаруженные им в Перми, о чём он пишет в «Литературной России» за 1971, № 24 и в журнале «Огонек». 1978, № 30. Однако в пермских архивах материалы о Макарове не обнаружены, – то ли похищены, то ли их вовсе не было. Похоже, в этой запутанной истории мы так и не узнаем подлинное имя автора замечательного произведения. Но от этого шедевр не потускнеет.

Русский композитор Александр Львович Гурилёв был в сословной иерархии самого низкого происхождения: он родился в семье крепостных. Отец Лев Степанович Гурилёв был музыкантом в подмосковном поместье графов Орловых «Отрада». Незаурядных способностей композитор руководил крепостным оркестром, сочинял

музыку, в основном церковную. Играть на скрипке и альте своего сына он обучал сам, и тот вскоре стал участником оркестра. В 1831 году, с кончиной старого графа Орлова, семья Гурилёвых получила «вольную», обосновались в Москве. Александру было тогда двадцать восемь лет. Молодой композитор жил своим трудом: сочинял музыку, давал уроки, выпускал сборники русских народных песен в своей обработке. Тогда-то в его руки и попали стихи о колокольчике, которые требовали музыкального оформления. В результате родился шедевр.

*Александр Львович
Гурилёв*

Тяжелая работа подорвала силы композитора, жил он бедно, психическая болезнь приковала молодого человека на десять лет к больничной койке. О кончине А.Л. Гурилёва 30 августа (11 сентября) 1858 года узнали не сразу, пока однажды о печальном известии не оповестил газетный некролог.

Можно считать, что история благосклонно отнеслась к романсу. На фоне засилья громогласной эстрады, когда поклонников старинной народной музыки всё меньше, романс живёт. По дорогам давно не мчатся резвые тройки с бубенцами и лихими ямщиками, а романс прошёл сквозь «пергаменты» времён и звучит

в репертуаре певцов, хоров в сопровождении оркестров народных инструментов, исполняется под гитару.

Будем надеяться, что у «Однозвучного колокольчика» счастливая судьба, что «тройка – Русь» не скатится на обочину «столбовой дороги», несмотря на пандемию венценосного вируса и санкции «западных партнёров», и что на вспаренном хребте русской истории романс ворвётся в бессмертие.

Анна Ахматова.

Приходи на меня посмотреть

Поэтический диалог Анны Ахматовой и Николая Гумилёва

Замечательный романс «Приходи на меня посмотреть» звучит в прекрасном исполнении Елены Камбуровой в одноимённом фильме, снятом в 2000 году. Автор музыки Вадим Биберган. Это был режиссёрский дебют актёра Олега Янковского в содружестве с оператором Михаилом Аграновичем. А чьи проникновенные стихи легли в основу романса? Сомнений нет: их автор Анна Ахматова.

*Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»*

*Каждый вечер подносят к окну
Мое кресло. Я вижу дороги.
О, тебя ли, тебя ль упрекну
За последнюю горечь тревоги!*

*Не боюсь на земле ничего,
В задыханьях тяжелых бледнея.
Только ночи страшны оттого,
Что глаза твои вижу во сне я.*

*Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»*

*Стихи написаны
в 1912 году, в трудное
для Анны Андреевны время*

Она уже два года состояла в браке с Николаем Гумилевым, но семейная жизнь не складывалась. Муж оставил беременную Ахматову ради нового заграничного путешествия, новой влюблённости. Анна Андреевна, неожиданно сброшенная с пьедестала богини, тяжело переживала предательство и надеялась, что ребенок спасёт их

брак. Гумилев вернулся. У Ахматовой родился сын; муж, путано поздравив супругу, бросает её с младенцем на руках. Под влиянием горькой обиды на любимого человека родилось это грустное стихотворение. Женщина просит мужа вернуться к ней, когда-то беспредельно обожаемой, хотя понимает, что устала от фальшивых отношений. В душе Ахматовой еще живет прозрачная надежда.

В юности Анна Андреевна не воспринимала всерьёз переменчиво влюбчивого поклонника, как будто предчувствуя беду. И всё же однажды соглашается стать его женой. Что повлияло на её решение?

Есть предположение, что это было в Крыму, когда они гуляли по берегу моря, на который выбросило мёртвых дельфинов. Это произвело на обоих такое сильное впечатление, что он вновь делает предложение, и сердце её дрогнет.

Почему произошло скорое расставание влюблённых талантливых поэтов, значительно повлиявшее на их дальнейшее творчество? Образ «Прекрасной дамы» разбился о быт, Гумилёв хотел видеть в своей избраннице жену и мать их детей, но быть хранительницей

семейного очага непросто, Анна Андреевна видела свой удел в ином: она мечтала об успехах на литературном поприще. Два человека с сильными, вольнолюбивыми характерами не смогли ужиться под одной крышей, этот брак был обречен.

Предаваясь воспоминаниям о совместных прогулках, Николай Степанович прощается с «Дамой сердца»:

<i>Ты помнишь, у облачных впадин</i>	<i>И мы до сих пор не забыли,</i>
<i>С тобою нашли мы карниз,</i>	<i>Хоть нам и дано забывать,</i>
<i>Где звёзды, как горсть виноградин,</i>	<i>То время, когда мы любили,</i>
<i>Стремительно падали вниз? <...></i>	<i>Когда мы умели летать.</i>

Гумилёв торопится жить, много путешествует, как будто предчувствует краткость своей жизни, у него будут новые увлечения, ещё раз женится, она трижды будет замужем. Их поэтический диалог закончится стихотворением «Однообразные мелькают...», когда на призыв Ахматовой «приди на меня посмотреть» Гумилёв отвечает опавшими розами и мёртвыми соловьями, – он прощается с юношеской увлечённостью, с музой и сожалеет, что умерла любовь.

<i>Однообразные мелькают</i>	<i>И если я живу на свете,</i>
<i>Всё с той же болью дни мои,</i>	<i>То лишь из-за одной мечты:</i>
<i>Как будто розы опадают</i>	<i>Мы оба, как слепые дети,</i>
<i>И умирают соловьи.</i>	<i>Пойдем на горные хребты,</i>
<i>Но и она печальна тоже,</i>	<i>Туда, где бродят только козы,</i>
<i>Мне приказавшая любовь,</i>	<i>В мир самых белых облаков,</i>
<i>И под ее атласной кожей</i>	<i>Искать увянувшие розы</i>
<i>Бежит отравленная кровь.</i>	<i>И слушать мертвых соловьев.</i>

Существует версия, что это стихотворение, написанное в 1917 году во Франции, посвящено другой женщине, французской возлюбленной Елене Дюбуше, ей он посвятил 34 стихотворения, – чуть меньше, чем Ахматовой, но та не собирается замуж за русского поэта, – у неё есть жених – американец. Однако эту версию стоит поставить под сомнение: в стихотворении есть признаки того, что послание адресовано Анне Андреевне: бледность её атласной кожи, её фарфоровое тело, – всё, что так восхищало поэта, ассоциация мёртвых дельфинов с мёртвыми соловьями, совместные прогулки

по горным хребтам Крыма, общие мечты. В его прощальных стихах читается крик раненой птицы, боль души, растерянность, досада. Ему привиделось, что поставлена последняя точка. Но оказалось, что это не так.

В этом же 1917 году он пишет стихотворение «Портрет», в котором угадывается образ его любимой «русалки»:

*...Её фарфоровое тело
Томит неясной белизной,
Как лепесток сирени белой
Под умирающей луной.*

*Пусть руки нежно-восковые,
Но кровь в них так же горяча,
Как перед образом Марии
Неугасимая свеча...*

И всё же их брак будет рас-
торгнут в 1918 году, оставив по-
сле себя погибшие надежды и
горечь расставания. Но Николай

Гумилёв навсегда сохранил привязанность к женщине, в которую влюбился ещё в ранней юности, к которой сватался трижды, кото-
рая всю жизнь вдохновляла его.

После расстрела Николая Степановича в 1921 году за участие в антисоветском заговоре Анна Андреевна сохранила у себя его рукописи, до конца жизни поддерживала память о нём, принёсшем ей так много душевных страданий, о нём, когда-то любимом, издавая его стихи. Поэтический диалог сопровождал больших поэтов до конца жизни, их духовная связь не прерывалась никогда. Судьбы Ахматовой и Гумилёва, замешанные на поэтическом вдохновении и юношеской влюблённости, будут сплетены воедино до последнего дыхания.

*Георгий Иванов.
Я отраженьем
вам вернусь*

*Поэт русской эмиграции
Георгий Владимирович Иванов*

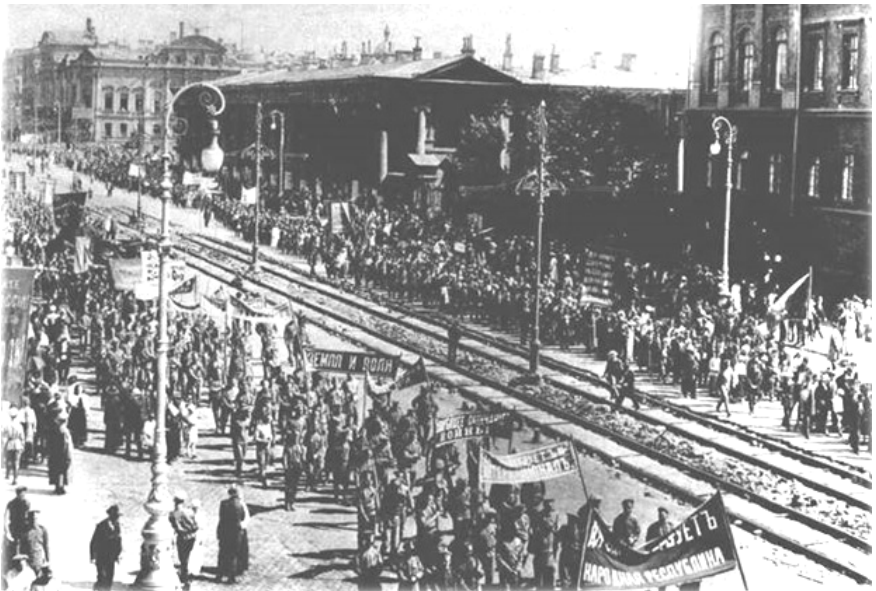
(род. 29 октября 1894 года в имении
Пуке-Барще, Литва,
умер 26 августа 1958 во Франции)

*Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.
Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.*

Стихотворение, пропитанное тоской и разочарованием, упадничеством, предчувствием конечности бытия, звучит, как музыка отчаяния, как – будто похоронный марш. Вместо клича «За Бога, Царя и Отечество!» русский поэт Георгий Владимирович Иванов, на глазах которого в одночасье разрушилось прошлое, настоящее и будущее, восклицает: нет ни Бога, ни царя, ни Отечества. Поэт, которого причисляли к последователям А. Блока и Н. Гумилева, вынужден был оставить Россию, умер в эмиграции. Он всегда мечтал вернуться в Россию, хотя бы отражением, хотя бы стихами. На рубеже XX–XXI веков мечта сбылась, – его стихи пришли в Россию.

*Россия счастье. Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.
И над Невой закат не догорал,
И Пушкин на снегу не умирал,
И нет ни Петербурга, ни Кремля -
Одни снега, снега, поля, поля...
Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.
Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.
Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия – только страх.
Веревка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.
Веревка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.*

Георгий Владимирович Иванов – один из ярких поэтов русской эмиграции, прозаик, публицист, переводчик. Родился в семье

потомственного военного, ветерана Русско-турецкой войны. Мать – Вера Михайловна Бренштейн – баронесса Бир-Брау-Браурер фон Бренштейн из голландской семьи. Георгий пошёл по стопам отца, учился в Ярославском кадетском корпусе, переведён в Петербург, уволился, посещал курс Петербургского университета. Стихи начал писать в юности, рано познакомился с А. Блоком, Н.А. Клюевым, Н. Гумилёвым, К.Д. Бальмонтом, Вас. и З. Гиппиус, О. Мандельштамом, Г. Адамовичем, И. Буниным, А. Ахматовой, К. Чуковским – поэтами Серебряного века, печатался в литературных журналах и газетах. Здесь он познакомился с будущей женой, «маленькой поэтессой с огромным бантом», Ириной Владимировной Одоевцевой (Ираида Густавовна Гейнике, латыш, поэт, прозаик), которая была любимой ученицей Николая Гумилева, озорная, жизнелюбивая, «сумасшедшая чайка».

Молодые люди настолько увлеклись друг другом, что оставили своих супругов и поженились в сентябре 1921 года. А через год Иванов выехал в Германию, затем перебрался в Париж; думал – ненадолго, оказалось – навсегда. Вскоре туда перебралась и супруга.

Революцию Георгий Иванов не принял никакую: ни Февральскую демократическую, радостно встреченную русской интеллигенцией и буржуазией, ни тем более Октябрьскую, а понимал её, как разгул стихии: «– Догорай, пожар огромный! / И не дрогнет факел темный, / Освеща ад». Георгий Иванов быстро понял, чем для него обернётся трагедия русского дома:

И.В. Одоевцева

*...Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность поражения.
Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья.*

А мечтал поэт об обыденном и простом: «Я хочу душевного покоя. Но душа, как взбаламученное помойное ведро... Я хочу чистого воздуха. Сладковатый тлен – дыхание мирового уродства – преследует меня, как страх».

Александр Блок творчество Георгия Иванова называл памятником эпохи, он не

осуждал злобный пессимизм молодого поэта – человека, «зарезанного цивилизацией, зарезанного без крови, – проявление злобы, нечеловеческой, с которой никто ничего не поделает, которая нам – возмездие».

Доказательством тому образ потускневшей царской России:

*Овеянный тускнеющей славой,
В кольце святош, кретинов и пройдох,
Не изнемог в бою Орел Двуглавый,
А жутко, унижительно издох.
Один сказал с усмешкою: «Дождался!»
Другой заплакал: «Господи, прости...»
А чучела никто не догадался
В изгнанье, как в могилу, унести.*

Образ советской России не менее ужасен:

*Холодно... В сумерках этой страны
Гибнут друзья, торжествуют враги.
Снятся мне в небе пустом
Белые звезды над черным крестом.
И не слышны голоса и шаги,
Или почти не слышны.
Синие сумерки этой страны...
Всюду, куда ни помотришь, – снега.
Жизнь положив на весы,
Вижу, что жизнь мне не так дорога.
И не страшны мне ночные часы,
Или почти не страшны...*

Образ русского зарубежья не менее трагичен: «Ласково кружимся в вальсе загробном / На эмигрантском балу». Георгий Иванов никогда не возвращался в Россию. Старая Россия его забыла, а новая не знала вовсе. Символом утраченной Отчизны для Георгия Владимировича стал ни русский многострадальный народ, ни его герои, а судьба Пушкина, чья преждевременная смерть на снегу, по мнению поэта, определила будущее России и судьбу самого Г.В. Иванова.

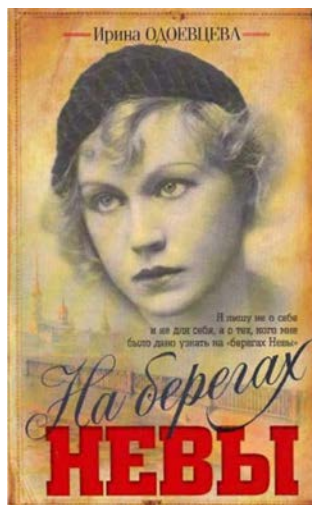
В поэме – прозе «Распад атома» (1938 г.) бессилие поэта выливается в гжучую обиду на Родину: «Пушкинская Россия, зачем ты нас обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала? Ох, эта пропасть ностальгии, по которой гуляет только ветер, донося оттуда страшный интернационал и отсюда туда – жалобное, астральное, точно отпевающее Россию, «Боже, Царя верни»...».

На этой грешной земле поэта держала ненависть к адской России и любовь к пушкинскому потерянному раю: – «кровь Пушкина вопиет к миру, что она не отомщена, что за нее надо мстить, мстить». Мечь и отчаяние сопровождали жизнь и творчество поэта. В сборнике стихов «Посмертный дневник» он в последний раз мысленно возвращается в туманный город на Неве, в эпоху утраченных иллюзий, оставшуюся по ту сторону семнадцатого года:

*... Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится –
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.
... Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты.*

Приснившийся в ранней юности сон, где божественный голос читал лермонтовское «Выхожу один я на дорогу», всю жизнь довлел над Георгием Владимировичем, как будто насильно загонял его в дальний путь, в одиночество – не дал доучиться в кадетском корпусе, помешал заняться практическим делом. Ещё юнцом, с подачи Александра Блока и Николая Гумилева, он бросился с головой в омут поэзии и до конца своих дней так из него и не выплыл; он ничего не умел делать, кроме, как писать стихи, которые приносили хорошие деньги. Когда-то завсегдатай заведений, типа «Бродячая собака» или «Привал комедиантов», избалованный славой богемный поэт дореволюционной России, вполне себе сытый и довольный, к концу жизни – опустившийся, потерявший опору в жизни, – жилец французских старческих домов.

И.В. Одоевцева

Георгий Владимирович часто бывал раздражён, скептичен, испытывая потерю идеалов и жизненных ориентиров, осознавал свою беспомощность и ничемность на чужбине. Его разрушительный пыл сдерживала неунывающая жена и верный помощник Ирина Владимировна Одоевцева, с которой они прожили 37 лет и которой посвящено много нежных стихов. До войны Ивановы полны творческих планов: они пишут сценарии, пьесы, мемуары, вышли две книги Одоевцевой «На берегах Невы», «На берегах Сены», имевшие большую популярность везде, кроме России. Гонорары текли рекой. Казалось – так будет всегда.

Началась война. Стали поговаривать об антисемитизме и «коллаборантстве» (сотрудничестве с оккупантами) семьи Ивановых во время войны, – тогда супруги жили на роскошной вилле под Парижем, полученной Ириной Владимировной в наследство от отца, где принимали дорогих гостей из высшего немецкого командования. Доподлинно это неизвестно, но слухи о сотрудничестве с фашистами шлейфом вились за ними, хотя и другие русские эмигранты, среди них

Дмитрий Мережковский и Иван Шмелев, тоже не были патриотами СССР и на первых парах не скрывали надежд на Гитлера, который приведёт к развалу «империю Сталина». Правда, быстро разобрались, что усилиями фашистов конец большевизма в России может привести к исчезновению самой России.

Но в русском зарубежье были и другие: генерал А.И. Деникин, организовавший сбор средств для изгнавшей его России, был готов вернуться и стать символом антифашистского движения, и Сталин был готов его принять. Известный писатель, лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин помогал пленным, бежавшим из нацистских концлагерей, – он оставался сыном своего Отечества. Знаменитый аристократ князь Ф.Ф. Юсупов, – организатор убийства Распутина, отказался стать «наместником» оккупированной России и открыто приветствовал победы русских над фашистами. Французское движение сопротивления организовал не генерал Шарль де Голь, который с первых дней войны покинул страну, а русские эмигранты. Кто-то готовился к крестовому походу против Советов, а кто-то помогал своей далёкой Родине. Русские учёные Борис Вильде и Анатолий Левицкий создали подпольную армию и газету сопротивления, оба были казнены фашистами. Анна Марли (русская дворянка Беталинская) – участница подпольного движения, казнена. Советский военнопленный, узник концлагеря лейтенант Василий Порик, перемещённый во Францию, организовал партизанский отряд, численностью в 200 человек из лиц разных национальностей. Отряд «Родина» создали русские женщины – узницы лагеря для перемещённых лиц Розалия Фритзон и Елизавета Лисовец. Русская эмигрантка Вера Оболенская была координатором подпольного движения, фашисты выследили княгиню и казнили отрубанием головы. Некоторые участники движения сопротивления были награждены советскими орденами Отечественной войны.

А в жизни Ивановых наступили тяжёлые времена: в 1943 году немцы реквизировали виллу, в 1944 году она была уничтожена во время авианалёта. После войны супругов преследовала бедность. Надежды на сытую жизнь рухнули, отца Ирины не стало, пресеклись доходы от рижского его имения, поскольку Прибалтика стала частью СССР. Сердитые и безнадёжные стихи русских эмигрантов скоро всем надоели, иногда их публиковали в нью-йоркском «Новом Журнале», тем и жили.

И.В. Одоевцева и Г.В. Иванов

стихами, хотя бы отражением в потерянном для них мире. Они хотели на Родине оставить память о себе.

Супруги часто обращались к знакомым за деньгами, лекарствами, одеждой. Они снимали дешёвые отели, скитались по богадельням, – после войны дома престарелых были не столь богаты, как сейчас, – последний приют обрели в красивом месте на Средиземноморье, в котором было много моря и солнца, но не было отдохновения усталому сердцу. В тайне они мечтали о славе в России, но диссидентская литература туда не проникала. Оба они лелеяли надежду на возвращение, хотя бы

*Распыленный миллионом
мельчайших частиц,
В ледяном, безвоздушном,
бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд,
ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь – отраженьем –
в потерянном мире.
И опять,
в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям
неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.*

Изъевшая душу обида, терзания от неразделённой любви к отгородившемуся Отечеству вылились в нездоровье, душевную усталость, в последний стон, возвестивший гибель всего того, что когда-то было дорого сердцу. Русский поэт «без своего лица» Георгий Владимирович Иванов ушёл из жизни, – не услышанный на Родине, с затаённым криком отчаяния, не простивший ни себя, ни Родину, ни народ русский, потерявшийся в исторических дебрях, который, в сущности, был ему неведом. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де Буа под Парижем.

Глубоко обожаемая подруга жизни не осталась одна, она вышла замуж за писателя Якова Горбова и прожила с ним до его смерти. На закате жизни в пансионате её нашла журналистка и писательница Анна Колоницкая, которая по заданию Союза писателей СССР отправилась в Париж с единственной целью – разыскать Ирину Одоевцеву. Судьбоносная встреча изменила жизнь Одоевцевой, она привязалась к новой знакомой и стала надиктовывать ей строки будущей книги воспоминаний о встречах с Есениным, Буниным, Гумилёвым. У Одоевцевой возникло желание вернуться в Россию, побывать в любимом Петербурге. На волнах «перестройки» осмелевший Союз писателей, узнавший о бедственном положении Ирины Владимировны, пригласил её в Советский Союз. Давнему желанию помогло исполниться участие Горбачёвой Р.М. Все мы были свидетелями радостного обретения Родины и советского паспорта весной 1987 года, когда, несмотря на преклонный возраст и тяжёлое состояние здоровья, прикованная к инвалидному креслу после неудачных операций, похоронившая третьего мужа, Ирина Владимировна вернулась на берега Невы последним приветом Серебряного века. Здесь её окружили заботой, бесплатным лечением и квартирой на углу Невского проспекта. Одоевцева не была обделена вниманием впервые узнавших о ней российских читателей, о котором мечтали все эмигрантские писатели: «Более, чем хлеба, им не хватало любви читателя, и они задыхались в вольном воздухе чужих стран», – говорила Одоевцева. Она выступала на телевидении, диктовала новую книгу воспоминаний; быстро разошлись мемуары, переизданные огромным тиражом в 200 тысяч экз. Давшая себе в юности заклинание: всегда и везде быть счастливой, Ирина Владимировна и в самом деле всю жизнь сохраняла оптимизм и чувствовала себя счаст-

ливой даже на краю жизни. Старость должна быть достойной, – такового правила в годы увядания придерживалась Ирина Одоевцева.

Третья книга мемуаров – «На берегах Леты» – осталась недописанной. Скончалась Одоевцева И.В. в 1990 году в Ленинграде на 95 году жизни, захоронена на Волковом кладбище.

Не зря говорится: «где родился, там и содился». На изломе эпох тысячи людей оказались за бортом русской цивилизации; но там, в эмиграции, они тоже были лишними, никому не нужными, даже самим себе. Сознывая это, они страдали от своей бесполезности, пустоты души, лишённой природных истоков духовной пищи. На первых парах их согревала ненависть, боль и обида, придавала силы популярность среди ненавистников России. Но скоро стало ясно, что весёлый «эмигрантский бал» блистает на краю пропасти их собственной судьбы. Да, принять оторвавшуюся от собственных культурных и исторических корней Россию было трудно, для кого-то оказалось невозможным, и всё же Родина для каждого из нас – это животворящий родник вдохновения, залог самосознания. Многие поэты и художники не смогли найти себя на чужбине, но нашли силы принять новую Россию, вернуться домой через годы, найти своё место в обществе. Отечество любят не потому, что оно хорошее или плохое, а потому, что оно Отечество. Пожалуй, в этом проявляется истинный патриотизм. А на ум так и просится пушкинская строка:

*Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Стихи Георгия Владимировича Иванова

Туман. Передо мной дорога...

*Туман. Передо мной дорога,
По ней привычно я бреду.
От будущего я немного,
Точнее – ничего не жду....*

Тяжелые дубы, и камни, и вода...

*Тяжелые дубы, и камни, и вода,
Старинных мастеров суровые виденья,
Вы мной владеете.
Дарите мне всегда
Все те же смутные,
глухие наслажденья!...*

Туман

*Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу,
Как далеко до завтрашнего дня!..
И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.*

У окна

*На портьер зеленый бархат
Луч луны упал косой.
Нем и ясен в вещих картах
Неизменный жребий мой...*

Увяданьем еле тронут...

*Увяданьем еле тронут
Мир печальный и прекрасный,
Паруса плывут и тонут,
Голоса зовут и гаснут....*

Романс на стихи Иванова:

*– Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой.
Мы жили тогда на планете другой,
И слишком устали, и слишком мы стары
И для этого вальса, и для этой гитары.*

Уже бежит полночная прохлада...

*Уже бежит полночная прохлада,
И первый луч затрепетал в листьях,
И месяца погасшая лампада
Дымится, пропадая в облаках....*

Цвета луны и вянущей малины...

*Цвета луны и вянущей малины –
Твои, закат и тление – твои,
Тревожит ветер пустынные долины,
И, замерзая, пенятся ручьи....*

Чем больше дней за старыми плечами...

*Чем больше дней за старыми плечами,
Тем настоящее отходит дальше,
За жизнью ослабевшими очами
Не уследить старухе-генеральше....*

Эмалевый крестик в петлице...

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно....*

Эоловой арфой вздыхает печаль...

*Эоловой арфой вздыхает печаль
И звезд восковых зажигаются свечи
И дальний закат, как персидская шаль,
Которой окутаны нежные плечи....*

Это только синий ладан...

*Это только синий ладан,
Это только сон во сне,
Звезды над пустынным садом,
Розы на твоём окне....*

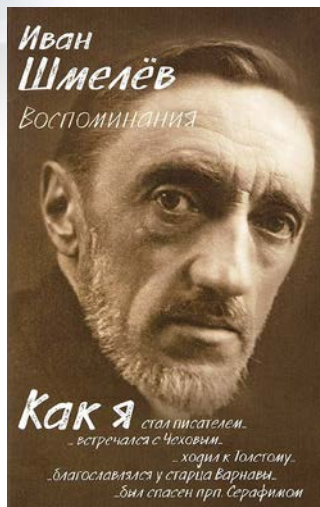
Иван Шмелёв

Лето господне в сияющей душе

(3 октября 1873 г. – 24 июня 1950 года)

Иван Сергеевич Шмелёв тяжело переживал отчуждение от Родины, тосковал по русскому быту и широкой масленнице, мечтал о возвращении в Россию, в любимую Москву. Вдали от родного дома разве может быть так сытно и благостно? На чужбине всё другое, – и солнце светит не так, и ветер дует иначе... Мечта писателя сбылась, – он вернулся – после смерти.

Мощный по силе слова и эмоциональности удивительный, уникальный роман «Лето Господне» написан о русских и для русских, для тех, кто любит народную традицию, культуру, – чужим его не понять. Соотечественники познакомились с произведениями писателя только в конце 80-х, – до того в СССР произведения Шмелёва были запрещены. И не только потому, что автор – эмигрант, но и потому, что тот всей душой ненавидел большевистский строй, подрывивший под корень историческое дерево патриархальной Руси, а ещё потому, что вместе с другими обиженными «пилигримами» он восторженно приветствовал «рыцаря на белом коне» – Адольфа, который поднял меч на Дьявола и который обязательно восстановит Святую Русь, и тогда все они – отверженные, вернуться в родной дом, счастливые и довольные, и будут жить – поживать, да добра наживать. Но у Гитлера таких планов не было, а были планы уничтожения СССР «Ост» и «Барбаросса». О том, что нацизм – сата-

нинское зло, эмигранты поняли, когда фашисты стали истреблять советских людей, сжигать деревни и сёла, стирать с лица земли города; глубокое разочарование раздавило Ивана Сергеевича, потрясение было так велико, что писать он больше не мог, – силы оставили его и он умер – в полной нищете.

Спокойно, уютно, благостно ощущаешь себя в ауре автобиографического романа Ивана Сергеевича Шмелёва «Лето Господне», здесь нет конфликта отцов и детей, государства и церкви, человека и государства, а есть сладостное чувство безмятежного детства, любви между отцом и сыном, покой и надёжность внутри старинной русской семьи, гармония с миром природы. Ребёнок растёт в ласке, доброте, семейном тепле: – *«В самоварах, на долгих дужках, – сбитень. Сбитень? А такой горячий, лучше чая. С мёдом, с имбирём, – душисто, сладко. Стакан – копейка. На снежку, в лесу... приятно! Потягиваешь понемножку, а пар – клубами, как из паровоза. До ночи прогуляешь в ёлках. А мороз крепчает. Небо – в дыму – лиловое, в огне. На ёлках иней. Морозная Россия, а... тепло!..»*

Ах, как хорошо и радостно жить на свете, – читается в романе, – и каждый день Господь среди нас! В моленной комнате Животворящий Крест серебрится в лампадках под образом Спасителя, в церкви «Всех скорбящих радостей» Благовест поёт, и будто ангелы поют в небесах. А Москва такая нарядная с храмами, хоромами боярскими да княжескими! Здесь и живёт мальчик Иван Шмелёв.

Родился Иван Сергеевич в Замоскворечье, в старинной купеческой семье с почтенными традициями: ещё во времена царя Алексея Михайловича и царевны Софьи московские купцы Шмелёвы славились как ревнители веры и знатоки Писания. Не удивительно, что Ивана Сергеевича станут называть «певцом сияющей православной души».

«Лето Господне» – одно из немногих произведений русской литературы, где автор с трепетом и восторгом глазами пятилетнего ребёнка описывает православную Святую Русь – изначальную, корневую, в которой сохранились религиозные праздники, старинные обычаи, традиции, быт простых людей. Думал ли Иван Сергеевич, что вся жизнь его вернётся из детских далей через много лет, всё вспомнится, как живое – до голоса, до слезинки, до запаха, и сложится в могучий роман? Не зря его дважды, среди прочих русских писателей, представляли к Нобелевской премии, – премию получил Иван Бунин.

Мальчик сильно привязан к отцу, доброму и энергичному; тот берёт сына с собой на подрады, учит общаться с мастеровыми, наблюдать за работой артельщиков, его учат понимать, почему надо хорошо ухаживать за коровами, курами и свиньями, умело тащить баржи по вздыбленной льдом Москва – реке, строить добротные дома, – и всякое дело надо делать честно, с душой.

Иван любил бывать на Воробьёвых горах, с высоты такая благодать, аж дух захватывает, Москва величавая распласталась внизу в золочёных храмах, среди лужков – Новодевичий монастырь. А кругом сады яблоневые, льётся аромат грушевых – пятак ведро, огорода ломятся от огурцов и репы: *«Мы сидим в замятой траве; пахнет последним летом, сухой горечью, яблочным свежим духом; блестят паутинки на крапиве, льются-дрожат на яблоньках. Кажется мне, что дрожат они от сухого треска кузнечиков».*

А яблок-то, яблок сколько в Воробьёвых садах растёт: «*вот белый налив, – «если глядеть на солнышко, как фонарик!» – вот ананасное-царское, красное, как кумач, вот анисовое монастырское... А я дышу и дышу этим сладким и липким духом... Солнце уже косится. Вдали золотеет темно выдвинувшийся над крышами купол Иван-Великого. Окна домов блистают нестерпимо, и от этого блеска, кажется, текут золотые речки, плаваются здесь, на площади, в соломе. Все нестерпимо блещет, и в блеске играют яблочки. Смотрю на небо: такое оно спокойное, так бы и улетел в него. Праздник Преображения Господня.... Едем с яблоками мимо Казанской, крестимся. Едем по пустынной Якиманке, мимо розовой церкви Ивана Воина, мимо виднеющейся в переулке белой – Спаса в Наливках, мимо желтеющего в низочке Марона, мимо краснеющего далеко, за Полянским Рынком, Григория Неокессарийского. Над низкими крышами и садами горит на солнце великий золотой купол Христа Спасителя. И везде крестимся».*

Приехали в церковь яблоки святить, а там весело, будто в гостях: «*и церковь – совсем ни церковь. И Господь здесь со всеми, и Он тоже думает об яблоках: Ему-то и принесли их – посмотри, Господи, какие! А Он посмотрит и скажет всем: «ну и хорошо, и ешьте на здоровье, детки! И будут есть уже церковные яблоки, святые. Это и есть – Преображение. А знакомый дьякон нарочно, будто, три раза хлопает меня мокрой кистью по голове, и холодные струйки попадают мне за ворот. Все едят яблоки, такой хруст. Певчие даже жуют на клиросе».*

Вся Москва Яблочный Спас празднует: – «*Спас Нерукотворный пойдет из Кремля в Донской монастырь крестным великим ходом, а Пречистая выйдет Ему навстречу в святых воротах. И поклонятся Ей все Святые и Праздники, со всех хоругвей, и все воспоют... Начинается Крестный ход... Кольшется-плывет сонм золотых хоругвей, благословляет нас всех, сияет Праздниками, Святými, Угодниками, Мучениками, Преподобными... Что-то я постигаю в этот чудесный миг... – есть у людей такое... выше всего на свете... – Святое, Бог!*

...За народом идут разносчики: мороженщики, грушники, пышечники, квасники, сбитенщики, блинчики, пирожники, с печеными яичками, с духовитой колбаской жареной; везут тележки с игрушками, с яблоками, с арбузами, с орехами и подсолнушками; прохо-

дят парни с воздушными шарами. У монастыря раскинутся чайные палатки, из монастырского сада яблоки будут продавать».

А как дело на весну пойдёт – будет ледоколье, с Москва – реки лёд повезут в погреба для сохранности закромов, везут и себе, и в подряд артелью работают, торопятся, отец сам руководит, по четыреста вozов в день возят. А потом пойдут баржи с товарами по чистой воде, и мальчик целый день с работниками, – учится купеческому делу.

А в масленицу бывало так: «И Бог на небе, за звездами, с лаской глядел на всех: масленица, гуляйте! Оттепели все чаще, снег маслится. С солнечной стороны висят стеклянною бахромою сосульки, плаваются-звякают о льдышки. Прыгаешь на одном коньке, и чувствуется, как мягко режет, словно по толстой коже. Прощай, зима! Масленица в развале. Такое солнце, что разогрело дужи. Сараи блестят сосульками. Идут парни с веселыми связками шаров, гудят шарманки»

А Москва праздничная, вся в церквях – нарядных куполах: – *«Гляди, Кремль-то наш, нигде такого нет. Все соборы собрались, Святители-Чудотворцы... Спас-на-Бору, Иван-Великий, Золота Решетка... А башни-то каки, с орлами! И татары жгли, и поляки жгли, и француз жег, а наш Кремль все стоит. И довеку будет. Крестись... А это – Башня Тайницкая, с подкопом. С нее пушки палят, в Крещенье, когда на Ердань ходят»,* – это с гордостью за Москву рассказывает простонародным языком приставленный к ребёнку Михаил Горкин, – человек старинный, заповедный, уже не мог работать плотником и был воспитателем и первым учителем мальчика, – он привил интерес будущего писателя к природе, религии, следил за соблюдением в первостатейном виде строгих правил долгого поста и короткого разговения, религиозных правил в семье, вместе они читали Евангелие, ходили в церковь. В прощёное воскресенье Горкин *«кланяется мне в ноги и говорит – «прости меня, милоч, Христа ради». Я знаю, что надо делать, хоть и стыдно очень: падаю ему в ноги, говорю – «Бог простит, прости и меня, грешного», и мы стукаемся головами и смеемся, и делается легко, будто грехи очистились... Нельзя сердиться – прощенный день».*

Отец щедро одаривает работников деньгами: стряпухам – по целковому, остальным по двугривенному, праздник всё-таки большой! В доме широкое застолье: *«Стол огромный. Чего только нет*

на нем! Рыбы, рыбы... икорницы в хрустале, во льду, сига в петрушке, красная семга, лососина, белорыбица-жемчужница, с зелеными глазками огурца, глыбы паюсной, глыбы сыру, хрящ осетровый в уксусе, фарфоровые вазы со сметаной, в которой торчком ложки, розовые масленки с золотистым кипящим маслом на камфорках, графинчики, бутылки... Архиерей сухощавый, строгий, – как говорится, постный. Кушает мало, скромно. Протодьякон – против него, громаден, страшен. Я вижу с уголка, как раскрывается его рот до зева, и наваленные блины, серые от икры текучей, льются в протодьякона стопами. Плывет к нему сиг, и отплывает с разрытым боком. Льется масло в икру, в сметану. Льется по редкой бородке протодьякона, по мягким губам, малиновым. За ухом и расстегаями – опять и опять блины. За ними заливное, опять блины, уже с двойным припеком. За ними осетрина паровая, блины с подпеком. Лец необыкновенной величины, с грибами, с кашкой... наважка семивершковая, с белозерским снетком в сухариках, политая грибной сметанкой... блины молочные, легкие, блинцы с яичками... еще разварная рыба с икрой судачьей, с поджарочкой... желе апельсиновое, пломбир миндальный – ванилевый...». К утру наелись – напились, в праздник позволяется. Можно ли такое спокойно читать, не захлебываясь слюной?

А под стенами Кремля ярмарка постная, – всё пахнет, дышит, дымит, сочнеет, – невозможно устоять, так и хочется разносолы попробовать: – «Несут вязки сухих грибов, баранки, мешки с горохом. Везут на салазках редьку и кислую капусту. Какой же великий торг! Широкие плетушки на саях, – все клюква, клюква, все красное. Ссылают в щепные короба и в ведра, тащат на головах. И синяя морошка, и черника – на постные пироги и кисели. А вон брусника, в ней яблочки. Сколько же брусники! – Вот он, горох, гляди... хороший горох, мытый. Розовый, желтый, в саях, мешками. Широкие кади капусты на саях, кислый, вонький дух. Золотится от солнышка, сочнеет. Валят ее в ведерки и в ушаты, гребут горстями, похрустывают – не горчит ли? А вот и огурцами потянуло, крепким и свежим духом, укропным, хренным. Играют золотые огурцы в рассоле, пляшут. Вылавливают их ковшами, с палками укропа, с листом смородинным, с дубовым, с хренком. А вот вороха морковки – на пироги с лучком, и лук, и репа, и свекла, кроваво-сахарная, как арбуз. Пьем сбитень, обжигает. – Постные блинки, с

лучком! Греци-щневые-луковые блинки! Дымятся луком на дощечках, в стопках. – Великопостные самые... сах-харные пышки, пышки!.. Противни киселей – ломоть копейка. Трещат баранки. Сайки, баранки, сушки... калужские, боровские, жиздоринские, – сахарные, розовые, горчичные, с анисом – с тмином, с сользой и маком... переславские бублики, витушки, подковки, жавороночки... хлеб лимонный, маковый, с шафраном, ситный весовой с изюмцем, пеклеванный– Ешь, Москва, не жалко!..А вот и медовый ряд. Пахнет церковно, воском. Малиновый, золотистый, – показывает Горкин, – этот называется печатный, энтог – стеклый, спускной... а который темный – с гречишки, а то господский светлый, липнячок-подсед. Липонки, корыта, кадки. Варенье. А там великопостный сахар, похожий на лед зеленый, и розовый, и красный, и лимонный. А вон, чернослив моченый, россыпи шепталы, изюмов, и мушмала, и винная ягода на вязках, и бурачки абрикоса с листиком, сахарная кунжутка, обсахаренная малинка и рябинка, синий изюм кувшинный, самонастояще постный, бруски помадки с елочками в желе, масляная халва, калужское тесто кулебякой, белевская пастила... и пряники, пряники – нет конца. А вот и масло. На солнце бутылки – золотые: маковое, горчишное, орешное, подсолнечное... Пахнет сольным, крепким. Как знамя великого торго постного, на высоких шестах подвешены вязки сушеного белого гриба. Боровички можайские! Архиерейские грузди, нет сопливей!.. Лопаснинские отборные, в медовом уксусу, завалены грибами сани, кули, корзины...»

Едал ли ты такое, постное, дорогой читатель? Какой архаичной стариной, стабильностью веет от московской жизни! И кажется, никаким ветрам безверия, порухи не свалить вековые устои первопрестольной Москвы, патриархальной семьи. Но случилась революция и гражданская война, раздавили они основы многовековой святой Руси, рассыпался Дом Российской империи. Куда деваться?

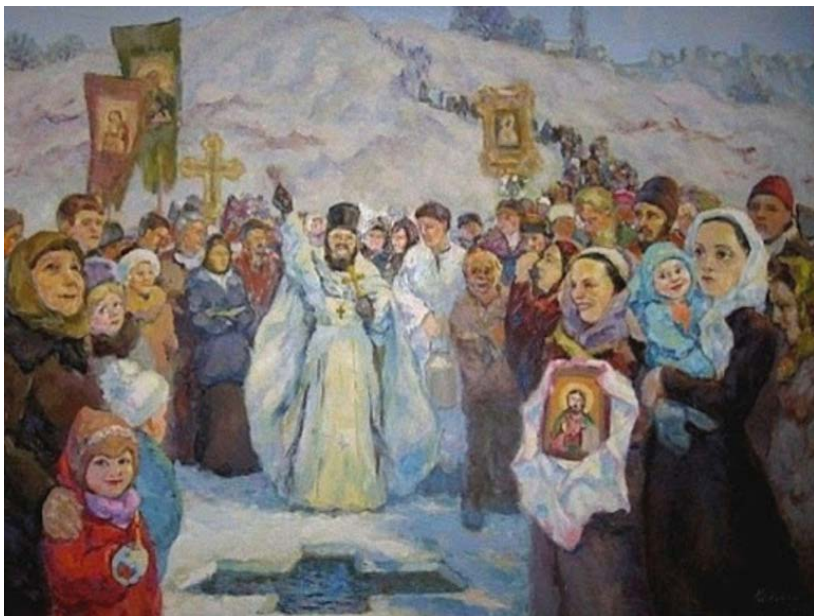
Искренне и тепло Иван Сергеевич вспоминает счастливое детство, которое скоро закончится, а следом закончится и история святой Руси. Сильный удар патриархальной укладу в своё время нанесла Никоновская реформа церкви, следом петровские преобразования рушили основы православия, – тогда Россия выстояла – выдержала удары под дых, но внутренние раздоры, когда все против всех, когда брат против брата, сын против отца войной пошёл, – рухнула. Вздыбилась Тройка – Русь, растоптала корневой уклад

жизни; надеялись – ненадолго, уверены были – не качнётся Русский Дом, в фундаменте которого крепкая вера, незыблемость самодержавия и труд во благо Отечества, а нет – рухнул колосс российский. Понять, смириться, – не было сил, – полагались на вражескую подмогу, – уж лучше чужеземцы на престоле, чем народные Советы. Не дождались часа отмщения, ринулись в эмиграцию, думали – к сытным пирогам, а оказалось – в нищету. А пироги остались дома.

Вместе с Иваном Сергеевичем наполняешься приятностью «розовых» воспоминаний о праздничном звоне колоколов, о широте и богатстве московской ярмарки, о великом празднике Рождества. Вот уж когда сытно-то было: – *«Шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче – белугу, осетрину, судачка, наважку; победней – селедку, сомовину, леща... У нас, в России, всякой рыбы много. Зато на Рождество – свинину. В мясных, бывало, до потолка навалют, словно бревна, – мороженые свиньи. Окорока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами... А мороз такой, что воздух мерзнет. Инеем стоит, туманно, дымно. И тянутся обозы – к Рождеству. Мужики здоровые, тамбовцы, с Волги, из-под Самары Везут свинину, поросят, гусей, индюшек. Рябчик идет, сибирский, тетерев-глухарь... Все распродадут, и сани, и лошадей, закупают красного товару, ситцу, – и домой. Перед Рождеством, на Конной площади, в Москве, – там лошадьями торговали, – стон стоит. И вся – в снях. Мороженые свиньи – как дрова лежат на версту. Завалит снегом, а из-под снега рыла да зады, поросячий ряд, на версту. А там – гусиный, куриный, утка, глухари-тетерки, рябчик... Прямо из саней торговля. Широка Россия, – без весов, на глаз... Богато жили... Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, – лес елок. А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. Мужики, в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Костры горят, погреться. Дым столбами. В Сочельник, под Рождество, – бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар – из чернослива, груши... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто – дар Христу. Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. А звезд все больше. На черном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звезды!.. Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе-то мерзлость, через нее-то звезды больше, разными огнями блещут, – голубой хрусталь, и синий, и зеленый, – в стрелках. И звон услышишь. И будто это звезды – звон-то! Морозный, гулкий, –*

прямо, серебро. В Кремле ударят, – древний звон, степенный, с глухотцой. А то – тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет. Идешь из церкви. И все – другое. Снег – святой. И звезды – святые, новые, рождественские звезды. Рождество! Посмотришь в небо. Где же она, та давняя звезда, которая волхвам явилась? Вон она! И – на душе тепло, от счастья».

И солнце в Рождество совсем другое, морозным шаром всплывает, пламенеет. И в доме радостно: полы натерты мастикой, зажжены лампадки, елка горит огнями, вся семья отправляется в храм. Вот оно счастье!

Печки трещат-пылают, в котлах кипит – варится угощение: «*Какие запахи! Пахнет мясными пирогами, жирными щами со свиной, гусем и поросенком с кашей... – после поста так сладко. Это густые запахи Рождества, домашние. Священные – в церкви были... Жарко, светло и сытно. Входит похожий на монаха, в суконном колпаке, с посохом, сивая борода в сосульках. Колпака не снимает, начинает закрепивать все углы и для чего-то дует – «выдувает нечистого»? Глаза у него рыжие, огнистые. Ему все кланя-*

ются, и он садится под образа. ...Он страшно кричит на всех будто по-петушиному: – Кури-коко тата, я сирота, я сирота!.. Едят горячую солонину с огурцами, свинину со сметанным хреном, лапшу с гусиными потрохами и рассольник, жареного гуся с мочеными яблоками, поросенка с кашей, драчену на черных сковородах и блинчики с клюквенным вареньем. Все наелись, только певчий грызет пороссячью голову и просит, нет ли еще пирогов с капустой... Я засыпаю в натопленной жарко детской. Приходят сны, легкие, розовые сны... из розового детства».

А потом наступает Крещение – Богоявление, будет весёлое купание в ледяной воде, и опять дух захватывает от счастья: – «из Кремля крестный ход на реку пойдет. Животворящий Крест погружать в ердани, пушки будут палить. А кто и окунается будет, под лед. И я буду, каждый год в ердани окунаюсь. Мало что мороз, а душе радость... Отец сводит меня на лед и ставит на ледяную глыбу, чтобы получше видеть. Из-под кремлевской стены, розовато-седой с морозу, несут иконы, кресты, хоругви, и выходят серебряные священники, много-много. В солнышке все блестит – и ризы, и иконы, и золотые куличики архиереев – митры...Валит за ними по сугробам великая черная толпа, поют молитвы, гудят из Кремля колокола». Палят пушки, все окунаются и соревнуются: кто дольше в воде просидит. Хорошо! И такая чистота в душе разливается, будто и ты, читатель, с Христом покрестился!

Когда у Ивана Шмелёва проявилась склонность к писательству? Родилось это в детстве, в семье уделялось внимание образованию под руководством матери, особенно русской литературе. Правда, позднее писатель поведал миру совсем не благостную картину: *«Задёрванный дома, я ничего не понимал по русской грамматике, и мать наказывала меня розгами... Призывалась кухарка, – здоровущая баба – она держала жертву, а мать секла меня до – часто – моего бесчувствия. После наказания пол был усеян кусками берёзовых веток, всё моё тело было покрыто рубцами, а меня силой заставляли ходить в баню! Понимаешь? Когда меня силой втаскивали в комнату матери, и шли где-то приготовления к пытке (искали розог) я, маленький, худой, с кулачками у груди молил чёрную икону Казанской Божьей матери – спаси, помоги! И так иногда три раза в неделю... Потом, годы спустя, я уже мог бороться. Помню – мне было тогда 12 лет – схватил хлебный нож. Тогда – кончилось...».*

Но в «Лете Господнем» нет и намёка на истязания, а лишь благодать и семейное тепло: *«Усталый от строгих дней, от ярких огней и звонов, я вглядываюсь за стеклышко. Мреет в моих глазах, – и чудится мне, в цветах, – живое, неизъяснимо-радостное, святое... – Бог?.. Я прижимаю к груди яичко, – и усыпляющий перезвон качает меня во сне»,* – такой в романе предстаёт Пасха. На самом деле Пасха выглядела совсем иначе: – *«И ещё помню – Пасху. Мне было тогда лет 12. Я был очень нервный, тик лица. Чем больше волнений, тем больше передёргиваний. Разговлялись ночью, после ранней обедни. Я дёрнул щекой – мать дала мне пощёчину. Я – другой – опять. Так продолжалось всё разговение, слёзы мои капали на пасху – солёные, наконец я выбежал в чулан под лестницу и плакал».*

Через много лет обиды утихли, слёзы высохли, Иван Сергеевич сумел переплавить в себе жестокий мир взрослых в мир детский грёз, и родилось другое – счастливое «Лето Господне», в котором красной нитью проходит понимание того, что страдания и смерть

не так страшны, как грехопадение, и что самое важное – покаяние, души спасение.

Когда Ване было семь лет, в дом постучалась беда: всегда занятый работой по хозяйству и на подрядах отец упал с лошади, сильно разбился и больше не вставал, скоро умер. Все заботы о семье, шестерых детях, о сохранении хозяйства в надлежащем виде взяла на себя мать. Артель распустили, подрядов не брали, небольшой доход давали бани, сдача в аренду третьего этажа и подвала их дома, и всё. Детство мальчика закончилось в одиннадцать лет, когда не стало денег оплачивать частный пансион, пришлось искать дешёвую гимназию. Учёба давалась нелегко, не нравились преподаватели, – сухие, равнодушные. Однако, из стен Московской гимназии он вышел совершенным отличником, до золотой медали не дотянул полбалла. Первым писательский талант мальчика заметил учитель словесности Фёдор Цветаев, дядя Марины Цветаевой, за лирическую зарисовку *«Летний дождь в лесу»* будущий писатель получил пятерку с тремя плюсами.

Потом Иван стал студентом факультета юриспруденции Московского университета, первые произведения появились на страницах литературных журналов. Максим Горький, сам хлебнувший через край насилие в семье, понял молодого писателя и поддержал его литературное творчество.

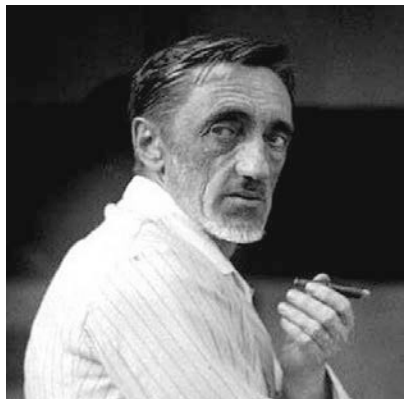
Пока учился – женился на Ольге Охтерлони, в ее жилах текла кровь знатных шотландских дворян, отец участвовал в обороне Севастополя. В свадебное путешествие молодые отправятся на святой остров Валаам. Вскоре выйдет его первая книга *«На скалах Валаама»*. После учёбы год служит в армии. Вместе с семьей Иван Сергеевич поселяется во Владимире, поступает на казённую службу, но скоро возвращается в Москву, вступает в литературный кружок *«Среда»*, посещает Общество Любителей Русской Словесности, тут-то и произойдёт судьбо-

носное знакомство с Александром Куприным, Иваном Буниным, Львом Толстым, Федором Шаляпиным, с Антоном Павловичем Чеховым.

Ранние произведения Шмелёва носили критический характер, ему не свойственно было слащавое словоблудие. Но в эмиграции, соскучившись по России и прозрев, силой своей ясной мысли он воскрешает из небытия потерянный рай и создаёт приятное, благостное, русским духом пропитанное «Лето Господне» в его сияющей душе.

Как Шмелев оказался в эмиграции? Он увидел, что революция в России день ото дня нарастает, рушится стабильность, в столицах хаос и жестокость, он забирает жену и сына Сергея, офицера царской армии, прошедшего Первую мировую войну, и отправляется с ними в Крым, покупает там дом с участком, много пишет. В это время Красная армия разбила Деникина, с боями отвоевала у Врангеля Крым, сына писателя арестовывают и казнят, – молодому человеку было 25. Иван Сергеевич тяжело переживает гибель сына, он эмигрирует во Францию, до конца жизни проживает в Париже, общается с писателями русской эмиграции.

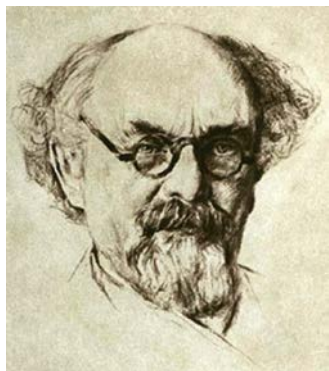
Иван Сергеевич сильно скучал по России: – *воздуху мне нет, я чужой здесь, в этой страшной шумом Европе. Хоть в пустыню беги – на Афон – ищи Бога*, – сетовал он. С годами материальное положение писателя становилось все хуже, особенно после смерти жены, – мода на озлобленных, страдающих русских писателей – поэтов прошла. Конец жизни он встретил в полной нищете, местом упокоения

стало кладбище русских эмигрантов – Сент-Женевьев-де-Буа.

После распада СССР советский строй рухнул, тогда вспомнили о русских эмигрантах, – в алуштинском доме, где писатель жил с семьей до отъезда за границу, открыли музей. С тех пор Иван Сергеевич Шмелев получил признание в России. Он так мечтал вернуться на родину! Мечта сбылась – в 2000-м году останки его перевезли в Россию и предали земле в Донском монастыре Москвы, рядом с ним супруга и сын. Тут же покоятся и другие возвращенцы, – хоть так, но домой, – те, которые беззаветно любили Россию, ту, дореволюционную, но во время войны не остались в стороне, – собирали деньги в помощь России, организовали движение Сопротивления.

P.S. Когда В.В. Путину показали могилы Антона Деникина с супругой, Ивана Ильина, Ивана Шмелева с семьей, чьи надгробия требовали реставрации, – деньги были выделены немедленно.

Михаил Пришвин

Неоскорбляемая часть души

*Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле – по сёлам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильнее,
И я нигде не мог остановиться!*

Николай Рубцов

Свято хранимая, чистая, светлая, непотопляемая часть души, полная человеческого достоинства, терпения, милосердия, которую невозможно осквернить грязью – она попросту не пристанет, никакое дурное, лукавое слово и злое действие её не разрушит, потому, что это «неоскорбляемая часть души», – так Михаил Михайлович Пришвин назвал самобытный, независимый уголок души, в котором струится неиссякаемый источник красоты, – самого гармоничного, истинного, ценного, что есть в каждом человеке, спасающего от греха и падений. Но не каждый знает об этом. Эта кладезь души даётся нам во спасение жизни на земле. Даже в безнравственном, грешном мире можно сохранить незапятнанной свою душу, излучая бескорыстную любовь. Посмотрите на лилию в застоявшемся болоте: – кругом гниль, прель, а она красуется – незамаранная, как ангел чистой красоты.

Беречь «неоскорбляемую часть души», – вот рецепт, который дал Михаил Пришвин каждому, живущему в условиях давления, угрозы насилия, выбора между добром и злом. Писатель, философ Пришвин придумал способ, как спастись, не поступившись совестью, достоинством, как удержаться на плаву и двигаться вперёд, – он исследовал вопросы человеческого бытия, смысла жизни, религии, взаимоотношений мужчины и женщины, связи человека и природы.

Может быть, не все одарены «неоскорбляемой частью души»? Тогда, как не оскорбить несуществующее? А если она есть, – то как сохранить её самобытность, благородство? Какой привратник – цербер должен стоять на охране души, чтобы защитить её чистоту? Каким бульдозером выгрести хлам, комьями летящий в наши души? Михаил Михайлович знал ответ – это дано нам свыше, никакое внешнее проявление не властно над ней, *«в охране этого родника не участвует ни добро, ни зло: эта радость жизни находится по ту сторону добра и зла».*

Как рождается неоскорбляемая часть души? Михаил Михайлович утверждал, что *«обида и оскорбление – это всем, но у одних – это «я», враждебное миру, у других «я» ищет выхода этого «я» из скорлупы обиды и оскорбления, ... соприкасаясь с природой, я научился расширять душу».*

Вылупиться из скорлупы собственного «я», научиться широким взором осязать многообразие мира, понимать объективность существования природы и себя её малой частицей, – всё это рождает и расширяет сокровенную часть души, так, как это понимал Михаил Михайлович. Умение вживаться в природу, тонко чувствовать её звуки, запахи, насыщенность и бесконечность рождает широту восприятия окружающего мира. Михаил Михайлович умеет замечать то, что ускользает от невнимательного человеческого глаза, он открывает не только природу, но и прекрасные стороны души, которая преобразуется от соприкосновения с природой, он насыщает читателя теплотой, добротой, любовью, *«бесконечной радостью постоянных открытий».* *«Слова у Пришвина цветут, сверкают. Они то шелестят, как травы, то бормочут, как родники, то пересвистываются, как птицы, то позванивают, как первый лед, то, наконец, ложатся в нашей памяти*

медлительным строем, подобно течению звезд», – говорил Константин Паустовский.

К преодолению трудностей Михаил Михайлович приучился с раннего детства. Его отец, проиграв в карты, продал конный завод и заложил имение. Он умер, разбитый параличом, когда будущему писателю было семь лет. В романе «Кашеева цепь» Пришвин рассказывает, как здоровой рукой отец нарисовал ему «голубых бобров» – символ мечты, которой он сам не смог достичь. Мать будущего писателя, происходившая из старообрядческого рода, после смерти мужа с пятью детьми на руках и с имением, дважды заложившим, сумела выправить положение и дать детям достойное образование.

В Первую мировую Пришвин служил военным корреспондентом, в годы революции прохладно принял советскую власть, полемизировал с Блоком по поводу примирения творческой интеллигенции с большевиками, которых Блок поддержал. Михаил Михайлович работал агрономом, библиотекарем, школьным учителем, занимался литературным трудом, пытался напечатать автобиографическую повесть «Мирская чаша», но издательства не хотели рисковать. И тогда Пришвин отправил свой труд Льву Троцкому, на что получил отказ за контрреволюционность произведения. И опять пришлось смириться, не выстраивать непроницаемый забор высокомерия, чтобы потом всю жизнь тайком не подглядывать в щель.

Омар Хайям с присущей ему мудростью философствовал:

*Не зли других и сам не злись.
Мы гости в этом бренном мире,
А что не так, то ты смирись.
Холодной думай головой.
Ведь в мире всё закономерно:
Зло, излучённое тобой,
К тебе вернётся непременно.*

Пришвин отбросил претензии к Отечеству, считая, что «*колоссальные жертвы явились результатом чудовищного разгула низшего человеческого зла, которые высвободила мировая война, но когда-нибудь наступит время молодых, деятельных людей, дело которых – правое.*» (он был сторонником эсеровских взглядов, осо-

бенно в крестьянском вопросе). Пришвин был прав: народ не виновен в нарастающем разгуле революции: первая мировая война обострила все социальные противоречия, копившиеся веками. Обижаться не на кого: мы ведь не обижаемся на погоду, а принимаем её такой, какая она есть, и одеваемся по погоде.

Пришвин понял: обладая большими краеведческими знаниями, он может быть полезным обществу, занимаясь детской литературой, что и принесло ему всеобщую любовь. В 1925 году вышел первый сборник произведений «Матрёшка в картошке», в журнале «Мурзилка» напечатан рассказ «Гаечки».

В 1930-е годы он приобрёл фургон, на котором много путешествовал по Дальнему Востоку, центральной России, побывал на Соловках в лагере для заключённых, на строительстве Беломорско-Балтийского канала, в Карелии, Лапландии, – он жил в ожидании всеобщего «светозарного утра». В результате родились многочисленные повести и рассказы, такие, как «Кладовая солнца», похожие на сказку-быль, впечатление добавляли фотографии автора. Большую ценность имеют его дневниковые записи, рассчитанные на прочтение между строк и в далёком будущем: – *«Наша республика*

похожа на фотографическую тёмную комнату, в которую не пропускают ни одного луча со стороны, а внутри всё освещено красным фонариком». Надмогильный памятник «певца русской природы» венчает вещая птица Сирин – символ райского счастья. *«Каждая строчка Пришвина вечно будет дарить людям счастье»*, – размышлял архитектор Коненков, высекая из камня памятник.

Вот так – широта души помогла писателю стать лицом русской, советской литературы. В трудные времена он спасался классической музыкой, любил слушать Шаляпина, был с ним знаком, представляя его русским Богом: – *«Он мне является чудом, утверждающим мою любовь к родине и веру в себя»*, восхищался

Дмитрием Шостаковичем: – *«Сам Шостакович маленький человек, капризное дитя современности, вместивший в себя весь ад жизни с мечтой о выходе в рай. Но то ли будет, когда люди пробудятся!»*

Жизнь в нашей стране в последнюю треть века изменилась настолько, что порой кажется, – исчезла необходимость сохранения в чистоте неоскорбляемой части души, в ней даже нет потребности; изнеженный эгоизм, самолюбование стирают способность к преодолению, к созиданию, к подвигу – физическому, духовному, комфорт многих делает творчески скучными, бесцветными, плоскими, измельчается человеческая порода. Как говорится: раньше вечные мысли записывали гусиным пером, а теперь вечным пером записывают гусиные мысли. К счастью, болезнь самолюбования поглотила не всех, ещё теплится надежда на возрождение.

Возможно, большие личности с широкой душой рождаются только в переломное время? Да, жестокое время рождает не только подлецов, но героев и мечтателей, будит глубоко спрятанную непотопляемую часть души. К примеру, в болезненное для России время октябрьского переворота возникло много талантливых современников, – Есенин, Алексей Толстой, Булгаков, Платонов, Пришвин, Твардовский, Симонов, художники, театральные деятели, исследователи Арктики, учёные. Мы сами строим свою жизнь и счастливы настолько, насколько хотим. Александр Грин не заблудился в лабиринтах истории, – борющийся с жизненной несправедливостью, переболев холерой, сыпным тифом, проказой, туберкулёзом, раком желудка, не ожесточился, не захлебнулся в ненависти, не закрылся в скорлупе своего «я»; преодолевая физические и душевные страдания, он влюблялся и жил мечтой, – в недрах своего романтического воображения писатель нашёл эфирную «Бегущую по волнам» и «Алые паруса». Достижения и подвиги, яркие судьбы современников той эпохи, как свидетельство творческого вдохновения, душевного подъёма на крутых изломах истории, останутся на века.

Разными способами – бунтарством, молитвой, терпением и надеждой на лучшие времена, умением вжиться в новые обстоятельства – они сумели пропустить себя через мясорубку смутного времени, не таить обиду на Родину и сохранить неоскорбляемую часть души. Испуганные – ринулись за границу, получили свободу

на краю чужого рая, но растеряли сокровенные родники, питающие душу. Сумели ли они войти в вечность?

Советский поэт Эдуард Асадов не рассуждал о неоскорбляемой части души, когда шёл в атаку, жертвую жизнью, когда мужеством и волей к победе поделился с Отечеством. Сердце доблестного воина – участника Великой Отечественной войны Эдуарда Аркадьевича Асадова, по его завещанию, захоронено на Сапун-горе в Севастополе, где он был тяжело ранен и потерял зрение. Потомков слепой поэт напутствовал:

*Будет трудно – крепись!
Будет больно – не плачь!
Будет ветер – не гнись!
Глаза в ладони не прячь!
Если грозы – смотри!
Если слёзы – сотри!
Если страшно – держись!
Помни! Жизнь – это жизнь!*

Финансовые пирамиды, бандитские сериалы, песни про «три кучека колбаски», попса, существование в нереальном интернет – пространстве, пустая художественная литература, – захлестнувшие нашу жизнь в 90-е, оскорбили – обесценили человеческие души. Тогда виделось, что всё это скоро схлынет, как грязная пена, но оказалось – не схлынуло, а приобрело глянец и превратилось в смысл жизни. Личная свобода превыше всего, – стратегия индивидуализма, где «я» – есть индивидуальность, вечный свет, непогрешимость, главный критерий истины. В конечном итоге это приводит к разобщению, нежеланию придерживаться общепринятых норм, к изоляции от общества, что разрушает личность, нацию, государство, человеческую цивилизацию. Разделяй – и властвуй! Современные западные стратеги этого и добиваются, поглощая Россию сетями псевдоценностей и мультикультуры.

Как выжить в духовной пустыне, когда размыты критерии морали? Что считать хорошим искусством, литературой? Это не значит, что надо возвращаться к гусиному перу, керосиновой лампе, соломенной крыше и скрипучей телеге, преодолевать непомерные трудности в борьбе за выживание. Теперь, когда каждый может издать

книгу, организовать художественную выставку, вся надежда на профессиональные конкурсы, фестивали, премии, которые указывают правильные вехи, расставляют красные флажки, – чётко обозначая стратегию развития страны.

Вечной опорой служит родовая память времён, которая формирует личность, она несёт потомкам искру Божьего огня, нить, связующая прошлое, настоящее и будущее своего народа, её нельзя оборвать без ущерба для себя.

Главный ориентир – это люди с чистой, светлой, незамутнённой душой, полной достоинства, терпения, милосердия, очищающие человеческое сознание от невежества, живущие во имя великой цели – сохранения духовных ценностей и укрепления родного Отечества, – с ними дорога в будущее. Забота о благе Отечества без любви к нему – это ложь.

Бывают нерасплескаемые души, – глубокие, бездонные, как океан, в котором хочется искупаться. А бывают души, как лужи, в которых боишься испачкаться. Есть люди, пообщавшись с которыми, понимаешь, что мир ещё не сгнил, их мудростью хочется насыщаться. Таких людей становится всё меньше; ищите их, берегите их!

*Если в твоей душе осталась
хоть одна цветущая ветвь,
на неё всегда сядет певчая птица.*

(Восточная мудрость).

Бурлацкий Сын Иван Горюшкин

Открываем забытые имена.

*Русский художник Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов
(1873–1954)*

Мало кому сегодня известно имя замечательного русского живописца и педагога Ивана Горюшкина-Сорокопудова. А ещё сто лет назад, в начале XX века, бурлацкого сына, очарованного русской стариной, знали, а картины его ассоциировали с культурой древней Руси. Прошли с тех давних пор года и исторические вехи, не та страна, не те и нравы, но всякий раз душой обмираешь от заснеженных маковок деревенских церквей и простоты бытия русской глубинки на картинах И.С. Горюшкина-Сорокопудова, дух захватывает от гремучей силы снежного сугроба, и сердце стучит в унисон весенней капели.

В судьбе художника Горюшкина-Сорокопудова было много крутых поворотов. Сын бурлака чудесным образом поступил в Академию художеств в С.-Петербурге

*Александр Вахрамеев.
Портрет художника
И.С. Горюшкина-Сорокопудова.
1900-е годы*

и учился у самого Репина. Большую часть жизни прожил в Пензе, где не только картины писал, но и преподавал в местном художественном училище, а в годы Великой Отечественной был директором училища и Пензенского художественного музея.

На портрете художника Вахрамеева Иван Силыч выглядит настоящим щёголем; аристократ, да и только. Трудно представить его «низкое» происхождение. Иван Силыч вспоминал, что родился в селе Нащи Тамбовской губернии в семье солдата и бурлака Силы Васи-

льевича Горюшкина, что родителей своих он мало помнит, после четырёх лет сиротского приюта попал на воспитание к дальним саратовским родственникам Сорокопудовым, которые сдали его в услужение купцу Кузьмину. А потом тяжёлый труд в буфетах на пароходах, которые плавали по Волге, где он выкраивал время на своё увлечение – рисование.

Однажды на живописные наброски буфетного мальчишки обратил внимание Павел Пясецкий, врач, путешественник, художник-любитель, он посоветовал одарённому юноше идти учиться к астраханскому художнику Власову, среди учеников которого был Борис Кустодиев. Позже Кустодиев и Горюшкин сдружатся, будут учиться в Академии художеств в С.-Петербурге, им повезёт: станут учениками выдающегося мастера кисти И.Е. Репина. Творчество обоих учеников схоже по тематике и манере письма, хотя набираться опыта разъехались в разных направлениях. Дороги приятелей разошлись: молодой рисовальщик Кустодиев на практику отправился в Европу, где в лучших музеях мира изучал творчество старых мастеров. Иван Горюшкин выбрал русскую глубинку, путешествовал по старинным городам центральной России; будущего художника влекли ростовские, суздальские, угличские храмы и монастыри, где он делал эскизы для будущих работ. Илья Репин отмечал в талантливых учениках любовь и верность русской культуре, ту самую любовь, которая яркими красками сияет на их полотнах. Жизнь обоих художников закончилась трагично. Широко известный член Академии живописи Кустодиев сделал блестящую карьеру, казалось: впереди безбрежная слава. Но после операции на спинном мозге в 1916 г. отказали ноги, мало поживший живописец творил прикованным к инвалидному креслу, в 1922 году писал свою последнюю работу – портрет Ф.И. Шаляпина, лёжа в постели. Горюшкин, в отличие от Кустодиева, при жизни не был оценен в полной мере и умер, гонимый, всеми забытый и нищий.

Иван Силыч – большой любитель русской зимы с высокими сугробами по самые окна, писал заснеженные крестьянские избы, укутанные снегом купола церковей, колокола Благовест поют, санный путь на полотне дороги, румяные от мороза красавицы в красных полшубках спешат по своим делам. Таким предстаёт убедительной силы полотно «Солнце на лето, зима на мороз». Видно – сам художник, очарованный покоем околдованной природы, умиля-

ется звону бубенцов и размеренной жизни своих персонажей; шурит от ослепительного солнца и яркого синего неба, восхищается непокорной речкой со студёной водицей, спрятанной дымкой инея на заснеженных ветвях. Притихшее приволье, дома, часовня, покосившиеся заборы – всё, заботливо укутанное снежным покрывалом, – приятно душе живописца.

«Солнце на лето – зима на мороз»

Горюшкину-Сорокопудову хорошо давались портреты, пейзажи. Любил он не только зиму, но и весну, расцветенную белыми цветами яблонь и вишен, напоминающими запорошенные снегом деревья. Но больше всего его интересовала русская история, костюмы, архитектура, обряды. Он, может быть, и не открывал заново старую Русь, а как – будто бережно сдувал пыль с былого.

Ярмарка

«Приезд боярина монастырь»

Ученики пензенского художественного училища, где после Академии преподавал Иван Силевич, хорошо понимали своего учителя, – за суровой внешностью ощущается не только большая физическая сила и крепость духа, но и скромность и доброта. Жил он в деревне Ивановка под Пензой, и ребята часто ходили к нему гости. Учеников забавляло увлечение педагога черепами: на заборе висели старые конские черепа, на указательном пальце – перстень с черепом, запонки тоже с черепом, хотя сам художник считал себя поклонником Карла Брюллова. Полы в доме чисто вымыты, Клавдия Петровна, жена художника, застилала их ткаными половиками. Много старинных икон, лампы. Супруга художника сажала учеников за стол и угощала чаем с пирогами.

Выпускники после выпускного вечера шли пешком в усадьбу Горюшкина, разводили костер, кипятили чай, пекли картошку. Хозяйка выносила огурцы и помидоры. Потом все вместе фотографировались в мастерской, где Иван Силевич хранил большую коллекцию исторических костюмов – арсенал старинного воинского облачения, народные, боярские, купеческие одежды. Педагог читал стихи, любил Есенина, особенно «Край любимый», в котором наиболее точно угадываются собственные чувства мастера: трепетное отношение к русской глубинке, незатейливым сельским окрестностям, старинным церквям, затерявшимся во времени улочкам древних городов.

«Сцена из 17-го столетия», 1930 г.

Когда началась Отечественная война, Иван Силович делился с учениками своим урожаем картофеля и квашеной капусты, чтобы те не голодали, выделил им часть своей земли под посев картофеля и овощей. Картошку, выращенную у Горюшкина, любовно называли «сорокопудовка». Училище работало даже в войну, его пытались закрыть ввиду несовременности традиций, но Горюшкин не побоялся написать письмо Сталину и попросить не только сохранить учебное заведение, но и вернуть с фронта художников, которые после войны смогут сохранить национальные традиции русской школы живописи. Зимней ночью 1943 года в далёкую Пензу к художнику Горюшкину примчал посыльный с письмом от вождя, в котором извещалось, что вопрос о судьбе училища решён положительно. Художнику присвоили звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Коллеги отмечали колючий, прямолинейный характер Ивана Силыча, к одним педагогам он был добр, к другим – вежливо снисходителен, а третьим мог сказать: «Меня просили вас терпеть».

В годы двух мировых войн он не спешит писать сцены кровопролитных баталий, а создаёт образы торжествующей жизни. Такой является трогательная картина (1916 год) «Из века в век», – это размышления о вечном, о мирской суете, о терпеливой монашеской братии. В солнечный денёк на старой звоннице два монаха в полном душевном покое, как – будто и нет войны, – один беседует с голубями, подкармливая их хлебушком, другой вглядывается в беспредельные просторы, – извечное стремление человека вглядываться за горизонт. Живописец как бы спрашивает: что несёт нам новый век?

Приверженность русскому историческому коду сыграла с Горюшкиным – Соропудовым злую шутку: жизнь его закончилась печально. Дело в том, что художнику пришлось творить на стыке эпох, противоположных друг другу по сути, ломающих истинный дух русского человека. Он не сумел или не захотел изменить мировоззрение и приспособиться к новым реалиям жизни. С приходом Советской власти Иван Силыч остался верным старине и не торопился изображать новых героев. Возможно, для него значимо было вечное, неизблемое, а современное казалось временным, цены для него не имеющим. Его патриотизм проявлялся не в суетности современной жизни, а в преданности историческим корням. Во вре-

мена оголтелой борьбы с инакомыслием и с церковью, вытравливания из русского человека природной сути и православной веры, он пишет трагическую картину «Упавшие колокола»: – руины разрушенного храма, колокол, опрокинутый на бок, и старики, склонившиеся в глубоком поклоне. Думается, что Горюшкин не был противником народной власти, скорее, ему претили методы становления этой власти.

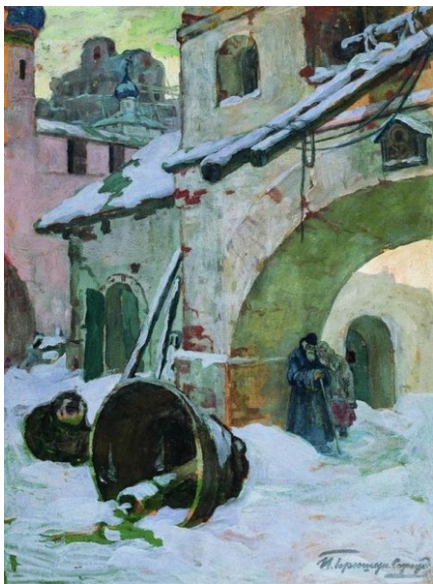

«Из века в век»

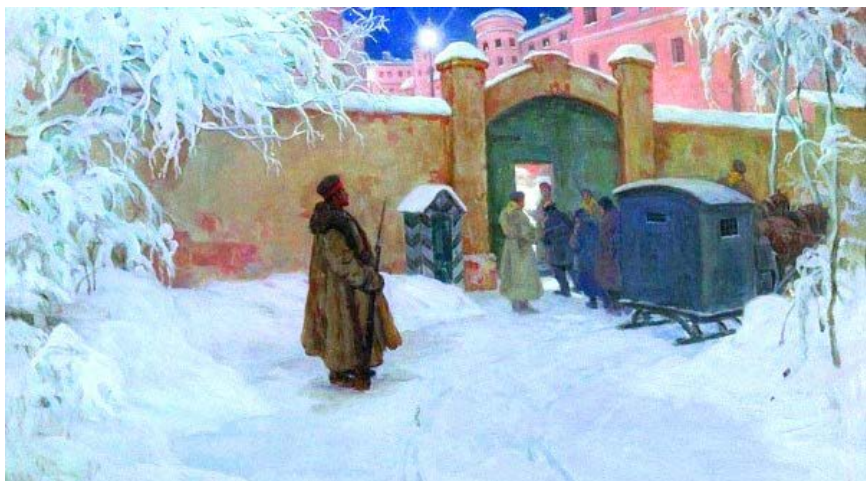
А следом ещё одна подножка, его полотно «Привоз арестантов»; кто они, эти арестанты, когда успели стать врагами народа?

Художник пытался писать о Ленине, партии, революции, но законченных полотен нет, пожалуй, можно отметить работу «Ворошилов у гроба Ленина», где из головы Сталина пальма растёт. К чему бы это? В трудные 30-е годы героями полотен Горюшкина, как бы в насмешку, становятся куры, разгребаящие на проталинах остатки рыхлого снега в поисках зёрнышка, вороньи гнёзда, облепившие деревья, разомлевшая от летнего зноя кошка, портреты художников. Кому понравится идеологически вредный художник?

После войны советская власть больно ударила носителя русской традиции: живописца отстранят от директорства училищем и руководства Пензенским художественным музеем. Но только бы это. Самым страшным ударом стало отстранение от преподавания, сочтя опасным для молодежи общение с приверженцем старых ценностей, с которыми власть вела беспощадную борьбу. Ученики, друзья, художники боялись навещать учителя, друга, коллегу. В годы торжества интернационализма, стирания национальных особенностей народов, прежде всего русского, формирования общности – советский народ, – жизненная философия Ивана Силыча вступила в противоречие с машиной нового времени. И он проиграл.

«Упавшие колокола», 1930 г.

«Привоз арестантов». 1932 год

«Ворошилов у гроба Ленина»

Художник умрёт в одиночестве, в нищете и в полном забвении. Похоронен в Пензе на Митрофаниевском кладбище возле первого директора училища К.А. Савицкого. Ученики Ивана Силыча мечтали открыть мемориальный музей педагога. В 1986 году такой музей откроется в стенах Пензенской картинной галереи.

Иван Силыч Горюшкин-Сорокопудов, не гонявшийся за фанфарами славы, посвятивший своё творчество провинциальной Пензенской губернии, навсегда остался преданным летописцем своей эпохи. Сюжеты его полотен, теперь, как и сто лет назад, несут людям «русский дух», в них «Русью пахнет». Это не значит, что нам, замороженным стариной, следует возвращаться в лапотную Русь, к телеге, соломенной крыше, покосившимся заборам, керосиновой лампе и похлёбке. Нет. Надо только помнить: кто мы, каковы наши природные корни, где истоки духовной культуры, «Откуда есть пошла земля русская»? – такими словами начинается первая русская летопись «Повесть временных лет».

Уважение к предкам, преемственность времён и поколений – залог будущих успехов.

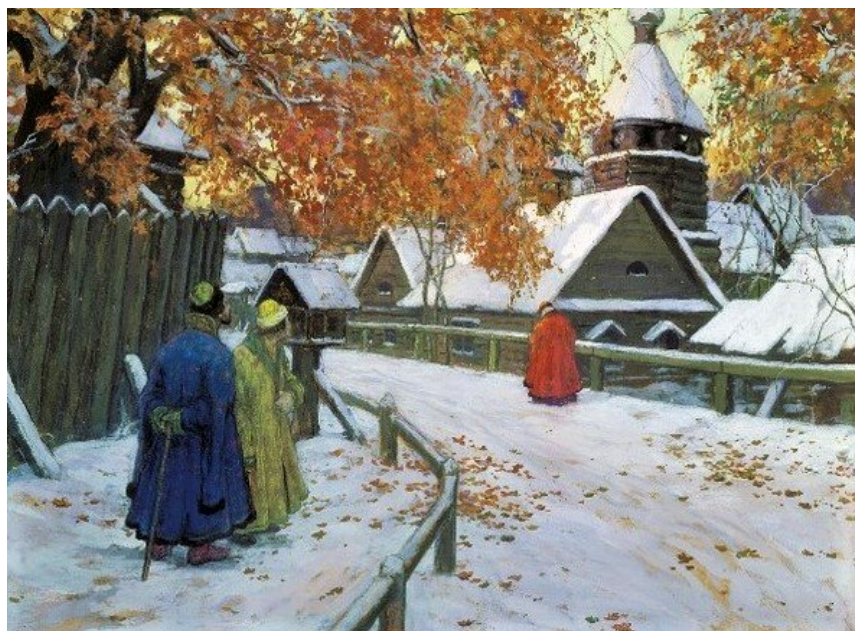

«На даче»

«Скит»

«Праздник языческой мордвы»

*Батрацкий Сын Андрей Егоров –
Вдохновенный Кудесник Зимы
(1878–1954)*

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

*Использованы стихи
Александра Сергеевича Пушкина*

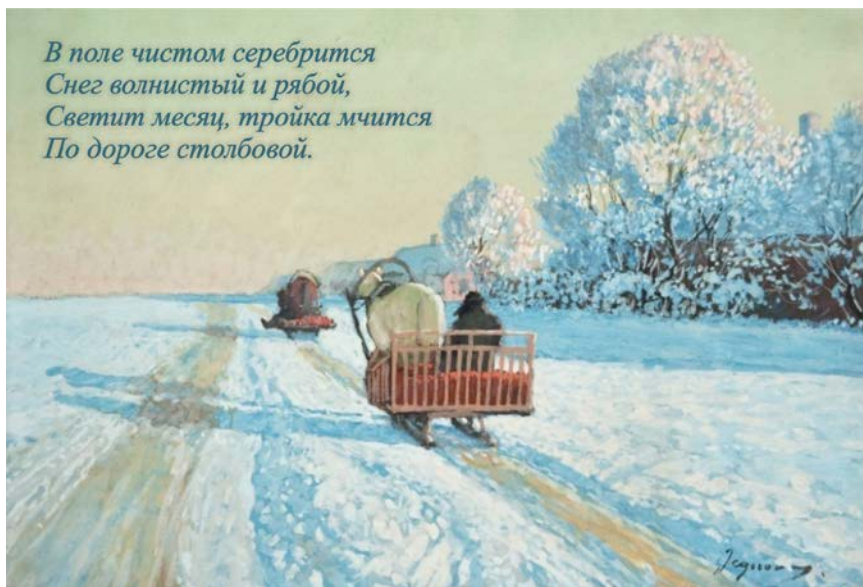
Вот и зима долгожданная, под самый новый год пришла, снежная, нарядная. «Мороз и солнце – день чудесный», – так и просятся пушкинские строки на восторженные полотна живописца Андрея Афанасьевича Егорова. Будто сговорились два гения, – купаются в роскоши русской зимы.

Сани катят по заснеженному тракту, морозец подгоняет лошадей по ухабистым дорогам, избы по колено в снегу, берёзы в кружевном уборе, сосны разлапились под тяжестью снега, вода потемнела и укуталась наледью, рыбацкие лодки в ледовом плену, бабы полощут бельё в быстрой речке. Нет здесь суеты и шума большого города, а есть свежесть морозного утра, тишь и благодать укромного уголка природы. И холодно становится от созерцания зимних полотен, как будто снегом умылся и руки искупал в ледяной воде, так и хочется укутаться тёплой шалью и накинуть овчинный тулуп, и будет тебе счастье.

*Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.*

Будущая знаменитость – художник-пейзажист Егоров Андрей Афанасьевич родился 2 июля 1878 года в деревне Арукюла Эстляндской губернии Российской Империи. Семейство Егоровых, как и многих других тверских крестьян и ремесленных дел мастеров, переселил в Прибалтику Пётр Первый для обживания отвоёванных у Шведского королевства ревельских земель. Из-за полученной в раннем детстве травмы мальчик стал глухонемым. На способного к рисованию Андрейку обратил внимание местный священник, он отправил мальчишку в Петербург в училище для глухонемых, где тот получил начальное образование и специальность столяра. Как много значит воля случая! За девять лет учебы подросток хорошо изучил технику масляной живописи и акварели. Писал всё, что виделось, а особенно зиму снежную. Петербургское общество попечительства предоставило юному дарованию возможность учиться в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, через которое прошли многие русские живописцы, а сле-

дом в 1901–1909 гг. он стал вольнослушателем Петербургской Академии Художеств. Вскоре сын эстонского батрака направит в Совет Императорской Академии художеств прошение, в котором попросит о допущении к испытательному экзамену на живописное отделение, сопроводив письмо своими работами. И был принят! Так начинающий рисовальщик чудесным образом попадёт на обучение в репинскую мастерскую. Несмотря на увечье, юноша не замкнулся в себе. Глухота и немота не лишили его художественного зрения, а наоборот, обострили око тонкого созерцателя природы.

Традиции русской школы реализма были близки художнику, они определили направление его живописи. В русской манере он расписывал церкви в Таганроге и Саратове.

Педагоги отмечали талант и огромное старание необычного юноши, который мог рассказать о своей любви к жизни только языком рисунка. В 1908 г. его пригласили участвовать в выставке Академии Художеств, Андрей Егоров впервые выставил свои работы на всеобщее обозрение и был высоко оценён, он стал членом Общества художников им. А.И. Куинджи, в 1913 году его картины

экспонировались в Лондоне. Успех сопутствовал молодому живописцу, и всё бы шло своим чередом, если бы не трагедия в Русском доме: разорительная для России Первая мировая война, революция и гражданская война изменили многие судьбы, богомненные поэты и художники ринулись в эмиграцию. Но Андрей Афанасьевич пошёл добровольцем в Красную армию и нашёл себя в 1-й Конной армии Будённого в должности художника; отсюда глубокое знание приёмов рисования лошадей, конников, сабельных батальонов.

После окончания кровавых сражений гражданской войны художник заторопился в спокойную Эстонию, получившую от России подарок – независимость, – подальше от русских столиц и исторических потрясений. Но чем жить глухонемому живописцу? Егоров занимался «торговлей вразнос», он отбирал несколько картин и шел с ними по редакциям газет, государственным учреждениям и магазинам, а то и просто на рынок, где дёшево продавал маленькие картинки, выполненные на фанере или картоне. Его грошовые рисунки расхаживались, как жареные пирожки. Вскоре и

мир узнал его: в 30-е годы он выставлял свои работы, как эстонский художник, в Хельсинки, Париже, Кёльне, Копенгагене, Гааге, в Москве.

В 1940 году Эстония вновь вернётся в состав России, станет частью СССР. В годы Отечественной войны Егоров уедет на Урал, где в сельской школе будет преподавать рисунок. Вернётся на родину в 1944 году после освобождения Прибалтики, напишет ряд

картин на военные темы: «Освобождение Таллина советскими войсками в 1944 году», «Взятие в плен фашиста». И опять обратится к пейзажам. Вскоре он будет удостоен звания заслуженного деятеля искусств Эстонии.

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь.*

На полотне мотивы сельской жизни: возвращаются охотники с крупной добычей, завалили в глухих лесах медведя могучего; распаренные лошади похрипывают, собаки потявкивают, эх, хороша была охота!

«Мелькает, вьется первый снег, Звездами падая на брег»

И везде у художника реальность, словно волшебная сказка: лошадки резвые паром дышат, рыхлый снег копытами клубит, избы вдоль дороги разбегаются, скрипят сани полозьями, дымок вьётся из заснеженных труб, пахнет хлебом, сеном сухим, снегом замороженным, иней сияет серебром, звенит застывший воздух, лес притих околдованный, солнце сочится золотыми лучами – словно ангелы с небес спускаются. Ах, какая зима стоит, как ликует – поёт, и плещет радостью душа художника, а с ней и наша – от чистоты и непорочности первозданной природы!

*Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл и вот сама
Идет волшебница-зима,
Пришла, рассыпалась клоками
Повисла на суках дубов,*

*Легла волнистыми коврами
Среди полей вокруг холмов.
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз, и рады мы
Проказам матушки-зимы.*

Ах, зимушка – зима, до чего ж ты хороша! Но не всё зиме ворожить, снегом заносить: какая природа без летнего солнцестояния и осеннего великолепия, без полевых цветов, васильков да ромашек? Красота, она во всём: в цветении и увядании, в умиротворении и в грозных раскатах сотрясений.

Художнику свойственны жизнеутверждающие, не приукрашенные картины простого сельского быта, где много света, воздуха, домашнего тепла, доброты, любви, труда крестьянина, для которого работа на земле не каторга, а священнодействие. При всех благах цивилизации душа человека всегда будет стремиться к естественному существованию в гармонии с первозданным миром.

В России художника знают мало, с десяток небольших работ представлены в Государственной Третьяковской галерее и столько же в Русском музее в Петербурге; но и то, что есть, обогатило русскую живопись шедеврами искусства мирового значения. Картины Андрея Егорова – теперь история, память о традиционной народной культуре.

Оказывается, красоту можно воспевать, не имея голоса и слуха. Андрей Афанасьевич Егоров вдохновлялся природой, каждому мигу радовался и ценил то, что имел. «Кудесник зимы» поделился с людьми своей любовью к жизни, оставив потомкам большое наследие акварельных и живописных работ. Порадуемся и мы вместе с художником благодати земной!

Аркадий Рылов

Картины Торнего Эффира

*Вспомним забытые имена.
К 150-летию русского художника
Аркадия Александровича Рылова*

(17 (29) января 1870 – 22 июня 1939 гг.)

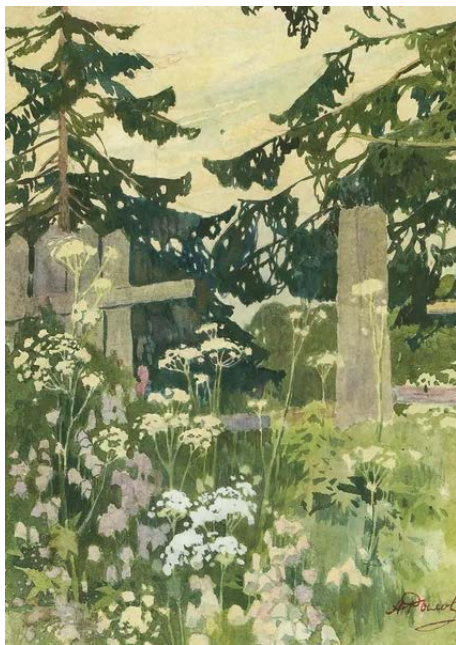

В голубом просторе, 1918 г.

Лучезарность неба, лёгкость облаков, трепет заплывавшего в ветрах ветра, ароматная насыщенность воздуха, шум листвы, благодать солнечного света, насупленность пасмурного дня, неуловимое томление тишины, грохот речных перекаатов – всё это неодошевлённое в картинах очарованного природой русского художника Аркадия Александровича Рылова поёт, шумит, осязается, олицетворяется в

одушевлённые художественные образы. Картины его дышат тонким эфиром – чистым, горным воздухом, которым дышат только святые и ангелы. Каждая работа художника – это ода жизни, гимн торжества добра и справедливости.

Жизнь и творческая биография Аркадия Александровича Рылова совпала с переломным периодом русской истории, раскололась на «до» и «после». Его дореволюционные работы сочли нежностью, восхищением первозданной природой, волшебными красками неба, воды, света.

Полевая рябинка, 1901, акварель

Красное отражение

В лесу, 1905

Умиляется природа белоствольным берёзкам в волшебном лесу, умиляется художник юной красавицей в белом наряде и белотелой лошастью с нежным взглядом, обращённым к родному жеребёнку, умиляемся и мы свежестью, чистотой и гармонией человека и природы, будто попадаем в русскую сказку про Василису Прекрасную, ожидающую своего Ивана-царевича.

На стыке исторических эпох художник, как ни пытался, не сумел приспособиться к реалиям Первой мировой войны и русской революции, воспеть героев советского времени. Нетрудно догадаться, какая буря бушует в душе пейзажиста, на глазах которого развернулась человеческая трагедия вселенского масштаба. Но Рылову хватило таланта переплавить в себе сложный и противоречивый мир людей в мир природы. В суровые годы войны и пролетарской революции от лёгкости и безмятежности пейзажа мало что осталось: на смену пришёл многозначительный символизм, драматизм, экспрес-

сия, насыщенность цвета, эмоциональная напряжённость. Так появилась «Гремящая река» (1917 год), где в грохоте вспененных волн, ломающихся громады льдин, легко угадываются бурлящие страсти революции.

Гремящая река, 1917 г.

Суровая картина «К ночи. Море у Соловецких островов», 1916 год, ассоциируется с человеческой трагедией. Гнетущее грозное небо, взволнованное море, тревога, тревога, тревога...

В 1916 году Рылов получил заказ от Военного музея на батальную картину, посвященную Брусиловскому прорыву; художник отправился на фронт, чтобы увидеть своими глазами театр военных действий; потрясение было так велико, что он ничего не смог написать, кругом война, война, война... При этом он успешно писал

пейзажи и охотно принимал плату от продажи. Так за картину «Ласки на пне» покупатель заплатил ему тридцать фунтов белой муки и двадцать фунтов сахарного песка. За картину «Чайки при закате» ему выделили сажень дров и гуся...

К ночи. Море у Соловецких островов, 1916 г.

Немцы приближались к Петрограду. Было тревожно, опасно, непонятно. Рылов уходил в Эрмитаж и часами прощался со святынями искусства. Святыни спасли, немцев остановили. Трагедия войны и революции изменили характер творчества мастера лирического пейзажа. «В. И. Ленин в Разливе в 1917 году» – пожалуй, единственная известная картина, изображающая лицо новой эпохи; на первый взгляд, неумелая работа, где вождь, окружённый тревожной природой, не менее тревожно ожидает грандиозных перемен.

Столько трагического багрянца в солнечном отражении на воде! Как – будто кровью залитый закат семнадцатого года.

Закат, 1917 г.

В стране свирепствует холера, голод. От голода лицо начало отекает, – вспоминал художник, – колени выступали, как у индуса. Спасал Дом искусств на Мойке, созданный в бывшем доме купца Елисеева, где можно было получить скромный, бесплатный обед. Здесь же устраивались персональные выставки.

Принято считать, что самая известная его картина «В голубом просторе» создана в 1918 году как радостный отклик художника на события пролетарской революции, как романтический образ борьбы и победы. Эту картину будут считать первым советским пейзажем. На самом деле, над мотивом лебедей художник работал ещё в 1911 году на Каме. Получился эпический сюжет, где крупные, сильные птицы на фоне сочного неба со сказочными белоснежными облаками, как бы врезааясь в беспокойную речную гладь, парят широко, привольно, наслаждаясь свободой, борьбой с ветром, они летят наперекор стихии, навстречу новой жизни. И мы ощущаем себя частью стремительного потока вольных птиц, способных преодолеть любые преграды. Картина рождает прекрасные чувства: счастье, любовь, безмятежность, победу добра и справедливости.

В советское время искусство попало под жёсткий контроль со стороны чиновников, ликвидировано училище Штиглица, музей Академии художеств, школа Общества поощрения художеств, – где учился Аркадий Рылов, уничтожено всё то, что формировало характер русской живописи начала XX века. Художники рекой потекли в эмиграцию, там выживали, как могли. Но Рылова среди них не было; он взялся за создание художественных союзов в советской России. Слава Аркадия Александровича была не так велика, и всё же он стал олицетворением новой эпохи. Несмотря на отсутствие революционно-патриотических работ, советская власть отнеслась к нему благосклонно: Рылов стал профессором Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств, получил звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

На страже, 1918 г.

Каковы истоки духовной культуры Аркадия Рылова? Где он черпал вдохновение? Откуда глубокая преданность русскому пейзажу?

Родился будущий художник в селе Истобенск Вятской губернии; в русской глубинке с провинциальным бытом прошло его детство.

Отчим радовался художественным успехам мальчика и повёз его в Петербург в художественное училище барона Штиглица. На пароходе по живописным рекам – Вятка, Кама, по Волге до Нижнего Новгорода, а там Москва и Петербург, – так началось путешествие в большую жизнь будущего художника Аркадия Александровича Рылова. В промышленном училище Штиглица царил строгость и европейские правила художественного ремесла, но живописи было мало. И тогда юноша поступил в рисовальную школу Общества поощрения художеств. Он совмещал учёбу и всегда был занят творчеством. Товарищи по училищу видели в сокурснике застенчивого юношу с голубыми, лучистыми глазами, с доброй улыбкой, влюблённого в искусство. Поначалу усердие начинающего рисовальщика не было высоко отмечено. Юноша понял, что лёгкого хлеба не будет, а будет кропотливый труд.

На рубеже веков русская культура искала новые пути творческого мастерства, иные подходы искали и художники, среди них Аркадий Рылов. И вдруг призыв на воинскую службу в 1891 году, которая изменит жизнь ещё не окрепшего живописца. Но и на службе он не мог не рисовать; здесь впервые юноша примет участие в художественной выставке, где представит два вятских пейзажа. И вот чудо: в первый же день обе работы были проданы. Так началась его «известность» в батальоне; начальство командировало Аркадия в Академию художеств. На вступительных экзаменах Рылов увидел своих кумиров: И.Е.Репина, Вл. Маковского, знаменитого химика Дмитрия Менделеева и таинственного волшебника Куинджи, который завораживал лунным светом, разлитым на пейзаж. Рылов совмещал воинскую службу, учёбу в Академии и в мастерской обожаемого им А.И. Куинджи. Работы Рылова Архип Иванович выделял особо, поскольку молодой живописец понимал душу природы, вдыхая в неё свою очарованную душу. Куинджи относился к ученикам внимательно, оказывал им материальную поддержку, организовал поездку в Крым на этюдные работы, привил любовь к славянской истории, к русской народной музыке; не удивительно, что дипломная картина Рылова изображает набег печенегов на славянскую деревню. Вскоре педагога уволили за участие в студенческих волнениях, и всё же Архип Иванович за свой счет везёт выпускников в Германию, Францию, где те получили колоссальный опыт. После Академии Рылов с чемоданами рисунков и этюдов вернулся в Вятку

и понял, что писать хочет не исторические баталии и библейские сюжеты, так популярные в Европе, а родную природу; всё заграничное само собой исчезло из его творчества.

Аркадий Рылов

Однако жить на обочине «столбовой дороги искусства» набирающему мастерства художнику наскучило, он вернулся в Петербург под крыло любимого педагога. Началась активная творческая жизнь: он участвует в зарубежных выставках, выставляется в Петербурге, любители живописи его заметили, оценили. Началось увлечение русским Севером, – Рылов с товарищами Рерихом и Борисовым побывал в Карелии, Финляндии, за Полярным кругом на Новой Земле. Художников привлекал суровый климат, громадьё могучих скал, порожистые реки, буйство морской волны и смелые, отважные рыбаки.

Художники увидели иную красоту – дикую, таинственную. Рождались картины со скандинавскими мотивами, в которых звучала музыка ветра, тайги, морской волны. Не зря Михаил Нестеров назвал Рылова «русским Григом», ассоциируя живопись с музыкой.

В лодке. Смельчаки

Лесная река

И вот, наконец, родился «Зелёный шум», – картина, принесшая громкую славу её автору. Весёлый шелест крон сменяется свистящим хохотом неукротимого Сивера – ураганного северного ветра, заплутавшего в густой шевелюре ветвей, порывами ветра, уносящего вдаль сорванные листья. Беззащитные берёзки живы лишь потому, что прижались к могучему дубу. Разбушевавшийся проказник раскидал по небу облака, взбурявил реку, поднял взволнованные волны. Всё это приобретает былинный характер. Кажется, будто в стругах с туго натянутыми парусами плывут отважные русские богатыри на битву с неприятелем.

Когда Рылов показал картину Куинджи, тот рассыпался в похвалах. Сергей Дягилев обратил внимание на художника и пригласил принять участие в выставке Академии художеств, где живописец познакомился с московскими коллегами Левитаном, Архиповым, Васнецовым, Нестеровым. Преданность своему кумиру ограничила участие Рылова в тех выставках, которые не нравились Куинджи, – всё это вносило напряжённость в отношениях с другими художниками. Но Дягилев сохранил хорошие отношения с ним и включил «Зелёный шум» в выставку русского искусства в Париже в 1906 году, в результате Рылов был избран членом парижского «Осеннего салона».

Зелёный шум

Зарабатывал художник не только продажей картин, – он брал дополнительную работу делопроизводителем в художественном музее, давал частные уроки, преподавал в художественной школе, директором которой стал Рерих. После ухода из жизни Куинджи в 1910 году Рылов занялся систематизацией наследия любимого педагога. Теперь Рылов чаще бывал в Москве, ему нравилась атмосфера московских выставок – гостеприимная, без петербургской чопорности, с самоваром и закусками. Здесь он показал работы «Лебеди над Камой» и «Зелёный шум», которые наделали много шума.

Лебеди над Камой

Глушь, 1920 г.

Осень на реке Тосне, 1920 г.

Лето, осень художник проводил вместе с семьей сестры в родной деревне в трех верстах от Вятки, среди равнин и пихтовых лесов, бывал в живописных местах Воронежской губернии и обязательно возле воды. В русской глубинке он чувствовал себя частью природы, сливаясь с миром нетронутых лесов, непуганых зверей и птиц. Деятельный Аркадий Александрович в 1925 году был избран председателем Общества имени Куинджи. Он возобновил рисовальные вечера, открывал выставки в Академии художеств, организовывал концертные «пятницы», где любили выступать маститые артисты и студенты консерватории. Художественная жизнь закипела с новой силой. Но «куинджисты» подверглись нападкам со стороны конкурентов. Чтобы сгладить противоречия живописцев, чиновники закрыли Общество Куинджи, а картины передали в Русский музей.

«Зеленое кружево», 1928 г.

В 30-е годы Аркадий Александрович успокоился, да и в стране стало потише, революционный накал иссяк, остались позади кроваво-красные закаты, бурные стремнины и грозные речные перекаты, ушла излишняя экспрессия и нервозность. Певец русской природы вернулся к тихим пейзажам, залитым солнцем, насыщенным аро-

матным воздухом. Теперь в его работах торжествует томление, смирение, покой.

Ах, как сочится зеленью листвы кружево поляны, спрятанной в густом лесу! Какой хрупкой нежностью веет от полевых цветов, купающихся в щедрых солнечных лучах!

К 65-летию юбилею А.А. Рылова Академия художеств устроила персональную выставку, где на суд зрителей представили всё сохранившееся; в Ленинградском отделении Союза художников, созданном Рыловым, состоялось его чествование.

В последние годы мастер русского пейзажа ощущал полную гармонию с миром людей и природы, забыты тревоги и душевные метания; любовь к жизни, уверенность в вечности неба, солнца, леса, воды и его собственной души, растворённой в природе, воплотились в трогательном пейзаже «Предвечерняя тишина», ставшим последним напутствием, завещанием потомкам. Сюда, в храм природы, в заповедную глушь, в райский уголок, в блаженную страну покоя и благодати приглашает нас художник за отдохновением от земной суеты.

Последняя работа «Предвечерняя тишина», 1938 г.

*Кто он – Вениамин Блаженный:
гениальный поэт или пророк?*

*И шепнул мне Господь, чтобы боле
не ведал я страха,
Чтобы божьей защитой считал
я и гибель свою,
Не над гробом моим запоёт
исступлённая птаха –
Исступлённую птахой над гробом
я сам запою!..*

Вениамин Блаженный

Казалось, потрясений в своей долгой жизни бывало так много, что уже ничто не может взволновать. Однако случайная встреча с поэтическим творчеством мало известного поэта Вениамина Блаженного (*благодного, счастливого человека*), юродивого мытаря, стала приятным потрясением.

Кто он, Вениамин Михайлович Блаженный: гениальный поэт или пророк с душой безгрешного воробушка? Непризнанный поэт, распинаемый в писательской среде, считал себя свободным, как птица, бесстрашным бродяжкой, гонимым странником, «сораспаятым» с Христом:

*...Как дожди и как снег, я шатался с рассвета по полю,
Грозовые раскаты застряли в оврагах ушей...*

Вениамин Блаженный (Вениамин Михайлович Айзенштадт, 1921 г. – 31 июля 1999 годы жизни) родился в местечке Копысь Витебской области (Белорусь) в бедной еврейской семье щетинщика (мастера по изготовлению изделий из щетины). До войны В. Блаженный окончил один курс учительского института, в эмиграции в Горьковской области работал школьным учителем истории, где единственной отрадой была Богом забытая библиотека с книгами А. Белого, Ф. Сологуба, Т. Манна и другими никому не нужными авторами. Эти книги долгими месяцами он переписывал

своим бисерным почерком и, обладая уникальной памятью, знал их почти наизусть.

Вернувшись в Минск, был чертежником, переплетчиком, художником-оформителем в инвалидной артели, женился. И ежедневно писал убористым почерком в толстые общие тетради. Одарённый от природы, он не мог не писать. Таких тетрадей собралось шестнадцать. Последняя запись оборвалась в ночь смерти с 30 на 31 июля 1999 года.

Его поэтическое творчество – о женщинах, родителях, «братьях наших меньших». Но в основном – о Боге и Смерти, тогда запретных темах в литературе. Поэт, не вписывающийся в стандартные рамки, ощущал себя гонимым мытарем, как Христос, шутком Христовым, борцом с сатанинскими кознями:

*...Пусть устал я в пути, как убитая вёрстами лошадь,
Пусть похож я уже на свернувшийся жухлый плевок,
Пусть истёрли меня равнодушные ваши подошвы, –
Не жалейте меня: мне когда-то пригрелся Бог.*

Святой Иов

Его религиозная лирика носила интонацию некоторого юрдыства, непосредственного диалога с Богом, как с равным, с горним миром, чем-то напоминающая Ветхозаветную Книгу Иова. Как и святой Иов, В. Блаженный как-то усомнился в праведности дел Господних и проклял своё появление на свет, нарушив замысел Божий на каждого из нас:

*Прости мне, мать. Я проклял день рожденья,
Тот грешный день, когда повсюду ночь...*

Не удивительно, что серьёзные литературные журналы отказывали самоучке в публикациях. Вениамин Михайлович как – будто и не писал стихов, а «сморкал в ладошку кровавую душу стиха». Он всегда пребывал в состоянии творчества, воспалённого воображения и не выходил из ощущения вдохновлённого человека, постоянно ищущего Бога:

*...Когда бы так заплакать бедственно,
Чтобы смешались в этом плаче
Земные вздохи и небесные,
Следы молений и палачеств.
Заплакать с тайною надеждою,
Что Бог услышит эти звуки –
И сыну слабому и грешному
Протянет ласковые руки...*

Отсюда псевдоним «Блаженный» – не от мира сего.

*Я не просто пришел и уйду,
Я возник из себя не случайно,
Я себя созерцал, как звезду,
А звезда – это Божия тайна...*

Поэты называли его «настигнутым вдохновением». Отсюда – уличное философствование, бродяжничество, душевное одиночество при наличии жилья, работы и жены:

*Один, один лишь я стоял
под грозным небом,
Устав от суеты и горестных погонь,
И то, что в слепоте вы называли хлебом,
В худых моих руках клубилось, как огонь...*

Им владела потребность слиться с природой:

*... Что же делать, коль я загляделся в овраги и в омут.
И, как старого пса, приласкал притомившийся день...*

Всё это роднит его с античным философом Сократом. Может быть, поэтому его признали психически нездоровым?

*Уже из смерти мать грозила пальцем:
Связался сын с бродягою-Христом
И стал, как он, беспамятным скитальцем,
Спит без семьи, ночует под кустом...*

Наказание в виде лечения не заставило долго ждать. В. Блаженного поместили в психиатрическую больницу с диагнозом вялотекущая шизофрения с записью в медицинской карте: «Больной считает себя поэтом...». К слову сказать, с уличным мудрецом Сократом афинские власти обошлись куда строже: его казнили...

*Окно в решетке, двери на ключе,
Убогость койки и убогий разум...
Свирепость отчуждённая врачей,
Свирепость санитарок яроглазых...*

Из земного ада доносились рвущиеся к Богу стихотворные стоны души:

*Прибежище мое – Дом обреченно-робких,
Где я среди других убогих проживал,
Где прятал под матрац украденные корки
И ночью, в тишине – так долго их жевал.
...Вот эта корка – Бог, ее жуют особо,
Я пересохший рот наполню не слюной,
А вздохом всей души, восторженной до гроба,
Чтобы размякший хлеб и Богом был, и мной...*

Отпущенный на свободу по ходатайству известных людей, В. Блаженный встречался с почитающими его своеобразное творчество литераторами. «Нищесброд», как он называл себя, дружил с Борисом Пастернаком, часто бывал в доме известного писателя. Однажды Пастернак протянул поэту пачку денег – четыреста рублей, несметное по тем временам богатство: «Не ходите, ради Бога, голодным, берите, это не последнее...» – Я не могу есть на деньги Па-

стернака, – отвечал поэт, но купюры взял. Так они и пролежали у него всю жизнь в одном из шекспировских томов. Хотя всю жизнь бедствовал...

В.М. Блаженный переписывался с В. Шкловским, А. Тарковским, Ю. Олешей, А. Межировым, Н. Панченко, И. Лиснянской, Т. Бек, Д. Мережковским и др., высоко ценившими его творчество.

К тому времени в его творческом багаже была книга стихов «Возвращение к душе», изданная при участии Арсения Тарковского в лучшем издательстве страны «Советский писатель». Были публикации в «Новом мире», «Знамени», «Дружбе народов», других изданиях. Был и тощий минский сборник «Слух сердца». Потом за тишь.

Поэт был заведомо обречён на массовую не востребованность, на непечатанье. Он понимал это, но не мог писать иначе. Какая «странность» мешала Вениамину Михайловичу быть «рукопожатным» в литературе? – безжалостная прямолинейность слова, неприкрытая откровенность души, уход в запредельные глубины бессознательного, дурашливое юродство, детская непосредственность, порой *«изъяснялся, сумасшедший, / На языке зверей и птиц»*, а бездомные собаки и кошки были роднее человека. Всё это приводит читателя в смятение:

*Воробушек, воробушек,
Душа играет в теле,
Хоть с веточки на веточку,
А все же мы взлетели.
Я тоже вскинул ноженьки
И взмыл, как птенчик, в небо!
Я тоже видел Боженьку –
Он был как птица-лебедь!*

Понятия Бог и Смерть были его сутью. Спокойное отношение к смерти не означало нежелание жить, скорее, наоборот – неодолимую жажду жизни. В двадцать лет он считает себя умудрённым стариком, крещёным самим Христом, а церковный обряд крещения принимает только в 75 лет. Он, как странствующий пророк, не замечает своей нищеты: *«Мой дом везде, где нищему ночевка... Мой дом везде, где побывала боль, / Где даже мошка мертвая кричала... Я живу в нищете, как живут скоморохи и боги...»*, и как – буд-

то гордится своей нищетой. Ему ничего и не надо, только б рядом Бог, как воробышку – той самой малой твари, милой его сердцу:

*Ключу, ключу, воробушек,
Господнее зерно.
А Бог рассыпал рядышком
И жемчуг, и янтарь.
Не надобно мне жемчуга –
Ведь я богат давно.
А чем богат воробушек?
А тем, что нищ, как встарь...*

Всё его богатство – в золоте восхода, в серебре заката да «в лохмотьях души я сберег Тебе сердца комочек».

В своих фантазиях поэт откровенно разговаривает с Богом, как с приятелем, идёт босой под палящим солнцем по голой пустыне рядом с Христом, ощущает Его страдания, как свои:

*Сколько лет нам, Господь?..
Век за веком с тобой мы стареем...
Помню, как на рассвете, на въезде в Иерусалим,
Я беседовал долго со странствующим иудеем,
А потом оказалось – беседовал с Богом самим...
...А потом до меня доходили тревожные вести,
Что распят мой Господь, обучающий мир доброте,
Но из мертвых воскрес – и опять во вселенной мы вместе,
Те же камни и тропы, и овцы на взгорьях всё те...*

Прожив в Минске почти пять десятилетий, поэт тяжело переживал свою оторванность от писательских союзов, от общего литературного движения:

*...Мне недоступны ваши речи
На людных сборищах столиц.
Я изъяснялся, сумасшедший,
На языке зверей и птиц...*

И всё же, несмотря на свою изолированность, он повлиял на литературную жизнь. Никому не подражал, не имел учеников, и, тем не менее, сумел занять заметную нишу в русской поэзии, оцененную, правда, после его смерти.

В Союз белорусских писателей Вениамин Михайлович решил вступить в семидесятилетнем возрасте. Принимали его весьма специфически: десять голосов – «за», десять – «против». И всё же, после «промывки мозгов», приняли, для того, чтобы быстро забыть...

*Ухожу равнодушно от ваших возвышенных истин,
Корифеи искусства, мазурики средней руки...
Как похабный товар, продающие лиры и кисти,
У замызганных стоек считающие медяки...*

.....

*Я родился изгоем и прожил по-волчьи изгоем,
Ничего мне не надо из вашей поганой руки...*

Всю жизнь поэт «блуждает» в поисках Бога идеального, милосердного, справедливого, любящего:

*...По пыльной дороге – и кличу Христа на дороге,
И вяжут мне зори кровавыми путами ноги....*

.....

*Охромевшие версты меня загоняют под дула.
И ружейный загон – мой последний из жизни уход...*

.....

*...И струится в глаза мои мертвые вечное небо,
И блуждает на небе огонь моих плачущих глаз...*

После смерти творчество поэта стали признавать уникальным. Его изучали по сборнику избранных стихов «Сораспятье», который увидел свет благодаря помощи известного певца Юрия Шевчука и его товарищей, выпущенному в 1995 году незадолго до кончины автора. Так случилось, что в Минске оказался с гастролями поэт и музыкант Юрий Шевчук, который познакомился с Блаженным. Потрясённый глубиной философских размышлений, Шевчук бурно отреагировал на творчество неизвестного автора и упрямил продюсеров издать большим тиражом книгу минского поэта. Так появился лучший сборник стихов «Сораспятье». Это была книга всей его жизни. Более двадцати стихотворений положены на музыку.

В годы «перестройки», когда многое стало «можно», московский журнал «Вопросы литературы» заинтересовался творчеством Блаженного и посвятил объёмистое, в полсотни журнальных страниц, исследование. Следом «Литературная газета» причислила непри-

знанного поэта к когорте ярких авторов двадцатого столетия. Некоторые стихи попали в составленную Евгением Евтушенко антологию «Строфы века». Хотя бы так: лучше поздно, чем никогда...

Судя по творчеству поэта, может сложиться впечатление, что его близкое к Богу вольное существование приготовило уход в мир иной тихий и благостный. Но это не так: всей своей жизнью с безногой женой он был приговорён к своим и её страданиям, как Гомер к слепоте, как Бетховен к глухоте...

Клавдия Тимофеевна, казачка, разорвавшая связи с родными, не принявшими её брак с нищим евреем по фамилии Айзенштадт, все эти годы была ему женой, нянькой, секретарем и защитницей от всех невзгод. Сама инвалид первой группы, потерявшая ногу на войне, она не смогла вернуться к профессии медсестры и провела всю свою трудовую жизнь в инвалидной коляске в инвалидном бюро за печатной машинкой... Когда ее разбил инсульт и настигла смерть, тяжело больной поэт утратил всякий интерес к своему существованию, даже не вышел из дома вслед за гробом жены... Не от бессердечия, – у него не было сил. Он впал в беспомощность, пережив свою страдальницу – супругу всего двенадцать дней. Завершил свою брэнную связь с этим миром в больнице Минска в ночь с 30 на 31 июля 1999 года.

В последние минуты жизни *«вечный мальчик с седеющей душой»* обращается к давно ушедшей матери:

*...Не губи же голову мою,
Не смущай, родимая, молвы...
...Я стою у смерти на краю, –
И не жалко буйной головы...*

И как завещание, уже «на краю» вслушиваясь в вечность, он просит нас заплакать вместе ним:

*...Заплачьте и вы над моими стихами,
Я сам, сочиняя их, плакал
На тощей груди моей мамы.

Я сам, сочиняя их, плакал, как заяц
С отрубленной лапой; я плакал,
Как лев со слепыми глазами...*

Неугомонный, вечно ищущий поэт «с незрячими на мир глазами» ушёл в небытие, «как та берёза, которая вырвала себя из земли», ушёл, как хотел сам: как – будто растворился «седою полынной золою» в придуманном им мире, в надёжные руки придуманного им Бога:

*Что же делать, коль мне не досталось от Господа-Бога
Ни кола, ни двора, коли стар я и сед, как труха, ...
...И по торной земле как блаженный бреду босоного,
И сморкаю в ладошку кровавую душу стиха...*

Он слился с природой в полной уверенности в сопричастности с Богом, в бессмертие своей души, – «получивший благословенье и сан святого дурака», «сораспятый» вместе с Христом.

*Пусть бессмертье моё будет самую слабой былинкой,
Пусть ползёт мурашом... И, когда я неслышно уйду,
Я проклонусь сквозь землю зелёным бессмысленным ликом
И могильным дыханьем раздую на небе звезду.*

Так кто же он, Вениамин Блаженный, гениальный поэт, который держит читателя в объятиях магии пронзительного слова, или «святой дурак» с душой одинокого мытаря? А может быть – пророк?

*...Но никто никогда не бывал до конца одиноким,
Оттого-то и тяжек предсмертный мучительный вздох...
И когда умирает бродяга на пыльной дороге,
Может, гнойные веки целует невидимый Бог.*

2Коринфянам 12:9

*Господь сказал мне:
«сила Моя совершается в немощи»*

Николай Губенко.

Я родом из войны

*К 80-летию актёра, режиссёра
Николая Николаевича Губенко*

(1941–1920 гг.)

Замечательный фильм светской эпохи «Подранки» режиссера Николая Губенко – не частый гость на наших экранах, – вероятно, не вписывается в формат развлекательных шоу и пустых фильмов – однодневок, которыми пичкают одуревших от катаклизмов россиян. В чём значимость этого фильма? Зачем он нам, детям и взрослым?

Обратиться к фильму стоит и современному зрителю, и потомкам через 100 лет после войны, чтобы задуматься – кто виновен в сиротстве детей? Почему до сих пор сохранились детские дома? Войны давно нет, а сиротство не убавляется. Почему в благополучной стране родители бросают своих детей?

Вышедший в 1976 году фильм тщательно готовили к показу в Каннах. Приглашённые гости пришли в вечерних платьях и дорогих костюмах, потому что после фильма для них устраивали вечер с блинами, икрой и деликатесной рыбой. Перед показом нарядная публика прогуливалась по залам с бокалами шампанского и недоумевала: почему неизвестный миру режиссёр Губенко привёз фильм с непонятным названием «Подранки». Вероятно, про какого-то недобитого зверя. И потому приняли приглашение холодно.

Но после просмотра, когда в зале зажгли свет, – все увидели, как модная публика прячет за веерами и программками заплаканные лица. На самом деле, – это ничего не значило: война прошла, переживания стёрлись, да Европа и не знала таких трагедий, как наша страна. На пресс-конференции непонятливая публика задавала вопросы не по содержанию фильма, а про политику Советского Союза, не будет ли у режиссёра проблем оттого, что он купил джинсы за рубежом, и почему русские через тридцать лет после войны делают фильмы про войну. Вам не надоело? – спрашивали гости. На что Губенко жёстко ответил:

– А про что я должен делать кино, если я родом из этой войны?

И в самом деле, сценарий «Подранков» Николай Николаевич писал с себя, – про мальчишку, который родился в катакомбах Одессы в августе 41-го, его отец погиб в боях за Одессу, когда ребёнок еще не появился на свет, а мать умерла, когда ему было 11 месяцев. Про голод, страх, одиночество он знает лучше других, как и про интернат для сирот. Для Губенко это фильм стал шансом высказаться об ответственности взрослых, которые вершат судьбы мира. Он и артистов подобрал, рождённых в войну: Будрайтис – 1940 год, Калягин 42-й, Болотова, как и сам Губенко, – 41-й.

Фильм посвящён детям войны, оставшимся без родителей, погибших на войне, переданным на попечение воспитателей детского дома. Испытавшие на себе бомбёжки, голод, ранения, – непомерные тяготы судьбы своей страны, – «подранки» получили самое тяжёлое ранение – душевное одиночество. Николаю Николаевичу Губенко повезло – его сердце отогрелось возле любимой супруги, актрисы Жанны Болотовой, которой всю жизнь был благодарен за поддержку и понимание. Но многие так и останутся «подранками» с замороженными душами, – это «увечье» не отпустит их никогда.

Изломанные войной судьбы рождали не только озлобленное сиротство, но и талантливых людей. Среди них герой фильма – мальчик Алексей Барсенев, в будущем ставший писателем. Алексею по-

везло: он не бродяжничал, как его брат и сестра, отец погиб на фронте, мать, не выдержав испытаний, повесилась. Воспитатели пытаются заменить родителей, но сами они – участники войны, не имеют педагогических способностей. Но только бы это: они не могут дать самое главное – родительскую любовь. Герой Николая Губенко – учитель физкультуры, участник войны, многократно раненый, потерявший семью, отличался особой жестокостью, – из-за ранения руки – всегда в кожаных перчатках, – он готов ударить любого. Как он, озлобленный на жизнь, может воспитывать сирот? Учитель не понимает, что его подопечные – не узники тюрьмы, а дети войны. Душа его самого – «подранка», кровоточит от собственной горя, безысходности и тоски, и он прикрывает незаживающую рану сердца беспощадной грубостью. Оскорблённый мальчик называет учителя фашистом, и вдруг большой и сильный дядя начинает рыдать навзрыд, в голос, как ребёнок.

За кадром проникновенно и к месту звучит стихотворение Геннадия Шпаликова «По несчастью или к счастью» в исполнении самого режиссёра под звуки бес-

смертного Adagio Марчелло. С поэтом и сценаристом Шпаликовым Николай Николаевич подружился на съёмках фильма «Застава Ильича». Фильм «Подранки» посвящён и Шпаликову в том числе, потому, что тот в раннем детстве остался без отца, погибшего на фронте, потом учился в суворовском училище; Геннадий погиб незадолго до начала съёмок фильма.

Где искали юных актёров? В детских домах! И потому сироты, сами пережившие немало страданий, так успешно вписались в образы своих героев. Посмотрите эмоции погибающего от взрыва мальчика Вальки! Это измученное лицо ребёнка, растерянного, обиженного несправедливостью, как бы вопрошающего – почему за забором интерната пленные немцы мирно живут, сытно едят, громко хохочут, поют свои гимны, весело играют на губной гармошке, а он, недокормленный ребёнок, прошедший муки ада в устроенном фашистами концлагере, где была расстреляла его семья, должен им завидовать? Роль сына героя войны – Вальки, с лагерным номером на руке, погибшего от взрывного устройства в детском доме, сыграла девочка Зоя Евсева. На роль Алексея Бартенева нашли мальчика в московском интернате для сирот, его имя Алексей Черствов. Тысячи детей детских домов прошли тщательный отбор. Режиссёр искал глаза – выражение – пронзительное, настрадавшееся, – и нашёл.

Главный герой фильма, писатель Алексей Бартенев, возвращается в город, где в детском доме прошло его детство, он предаётся воспоминаниям и разыскивает родных. Судьба разбросала всех. Один брат умер в детстве, другой был усыновлён состоятельными людьми, стал успешным архитектором, третий – вор-рецидивист. Сестра, после гибели на фронте отца и самоубийства матери, заботилась о самом младшем – о рассказчике. Они вместе голодали и воровали пропитание. Потом она умерла. Мальчику повезло – он попал в детский дом, расположенный в разрушенном старинном особняке. И там, в окружении искалеченных войной детей и не менее искалеченных педагогов, формировалась его личность. Братья нашлись, но встречи никому из них не принесли радости: родные по крови, они остались чужими, – им не о чем было говорить, нечего вспоминать – у них не было общего детства, общих игр и забав, они не помнили родителей. Своих родных братьев Николай Николаевич Губенко разыскал через 20 и 30 лет. И эти встречи с близкими людьми оказались невыносимо тяжелыми.

Фильм поднимает вопросы детского одиночества. После войны сиротства стало меньше, но потребность в детских домах не исчезла. В советское время, когда вся страна была коммуной – большой коммунальной квартирой, было больше коллективизма, сострадания, понимания, что помогало решать проблему сиротства. С распадом СССР, с разрушением духовной – культурной среды в России,

разбежались не только страны, но и родственные связи, в душах поселилась разобщённость, нетерпимость, агрессия, безответственность за стариков и детей, – что привело к росту числа «ненужных» людей, которые не вписываются в стандарты сытого благополучия. Когда в скудеющих душах мало места для любви, освобождается место для бездушия.

Пока живы наши много повидавшие родители, умудрённые огромным жизненным опытом, потомки могут быть спокойны, – у них есть будущее. В раннем детстве родители прокладывают тропки, по которым ты пойдёшь в большую жизнь, своим примером формируют личность ребёнка, учат нести ответственность за себя и за семью, понимать радость труда и счастье творчества. Бабушка вяжет чулок, дедушка читает книгу, внучка заботится о стариках, родители усердно трудятся, кошка ластится к ногам, огонь пылает в печи, – вот оно счастье! Никакие шторма не страшны семье, где правит бал душевное тепло, забота о ближнем, ответственность за каждое своё дело и за общее дело в своём Отечестве. На семье базируется устойчивость страны, преемственность поколений. Обруби корни семейного уклада, и засохнет родовое дерево, облетят пожухлые листочки на ветру, и останутся потомки неприкаянными сиротами, словно былинки в непаханом поле бытия.

Вот и сейчас, через 80 лет от войны, детские приюты не пустеют. И какие бы хорошие люди ни окружали детей в детском доме, и какие бы события не происходили с ними – влюбленность в красивую учительницу, радости детской дружбы – ничто не сможет сокрушить бетонную стену душевного одиночества.

Пронзительный фильм, чистый, честный, он рвёт душу своей искренностью, достоверностью, заставляет задуматься о многом отвратительном в мире взрослых. Кажется, живут сироты обособленно, нас не беспокоят, и хорошо. И вдруг начинаешь осознавать трагедию ни в чём не повинного ребенка, выдернутого из родового корневища, с оборванной родовой нитью, соединяющей

в единый поток прошлое, настоящее и будущее, посаженного в одиночную камеру души на пожизненный срок, из которой никуда не вырвешься. Растерянные, не понимающие жизни сироты, ощущают себя ненужными, лишними на этой земле, ущербность прячется в складках их искаленных душ. Лишённые семейной любви и ласки, «подранки» и сами не умеют любить, благодарить, заботиться. Что станет с ними? Какими вырастут? Чем заполнят душу взамен любви? Сумеют ли прервать нить сиротства на своих детях?

Вот почему фильм Николая Николаевича Губенко «Подранки» – учебник жизни для каждого из нас.

Геннадий Шпаликов

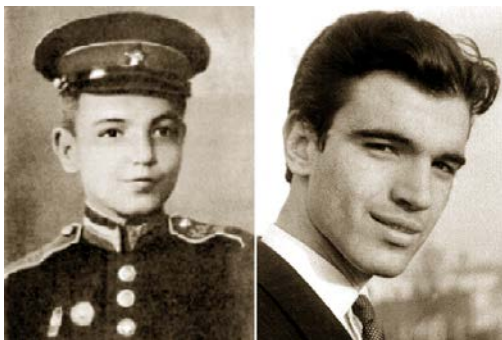
Он жил, как жил и любил, как умел

*Размышления о судьбе и творчестве поэта, сценариста,
режиссёра Геннадия Шпаликова к 45-летию его гибели*

(6 сентября 1937 г. – 1 ноября 1974 г. 37 лет)

«А я иду, шагаю по Москве...». Ах, какое это было время: закончилась война, наши родители восстанавливали страну и строили новую жизнь. Люди, опьянённые победой, счастьем свалившейся свободы, шли в светлое будущее с полным доверием, открытыми душами. Детство наше пусть бедненько одетое и не всегда сытое, но не омрачённое ужасами прошедшей войны, было весёлым и радостным. Мы катались на портфелях с заснеженной горки, бегали по ледяным дорожкам на коньках – снегурочках, прикрученных к валенкам, осваивали единственный на всю улицу старенький велосипед, выпрашивали десять копеек на кино, подглядывали в окна клуба, где под духовой оркестр танцевали взрослые, ходили с родителями на Первомайскую демонстрацию, – ах, как мы были счастливы! Кажется, это было совсем недавно – время всеобщего восторга от мирной жизни, трудового подвига, созидания, стабильности. Но как это было давно! А что же случилось потом? Ах, да, подул ветер перемен, заморозилась «хрущёвская оттепель». Но трудовой энтузиазм от этого не иссяк, страна и не заметила «закручивания гаек». Но были и те, кто заметил и всё понял. Кто-то ринулся за кордон к сытным кормушкам, а кто-то полез в петлю, среди них Геннадий Шпаликов.

В память о Геннадии Фёдоровиче Шпаликове написаны книги, воспоминания. Вспомним и мы в год 45-летия его гибели без назви-

даний, осуждений за грехи человеческие когда-то широко известного поэта, режиссёра, сценариста, которого переменчивое время подняло на пьедестал славы, а потом равнодушно выбросило из творческой жизни.

Родился Геннадий Федорович в городе Сегежа (Карелия) в 1937 году. Мама, Людмила Никифоровна, сестра генерала Семёна Никифоровича Перевёрткина, отец, Федор Григорьевич, инженер, в начале войны ушёл на фронт, погиб в 1944 году.

Примеряя на себя роль военного, Геннадий выработывал бойцовский характер, учился в суворовском училище, затем в Московском командном училище, но из-за травмы комиссован. Увлечение поэзией, тяга к литературе позвали его во ВГИК на сценарный факультет. На одном курсе с ним учились Андрей Кончаловский и Андрей Тарковский, молодые люди дружили. В 1955 году поэт врывается в литературу мощным стихотворением:

По несчастью или к счастью,

Истина проста:

Никогда не возвращайся

В прежние места.

Даже если пепелище

Выглядит вполне,

Не найти того, что ищем,

Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно

Я бы запретил,

Я прошу тебя, как брата,

Душу не мутит.

А не то рвану по следу –

Кто меня вернёт? –

И на валенках уеду

В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,

Там, где – боже мой! –

Будет мама молодая

И отец живой.

Стихотворение проникновенно и к месту звучит в исполнении режиссёра Николая Губенко в его кинофильме «Подранки» под звуки бессмертного Adagio Марчелло.

Во время учебы Геннадий написал свой первый сценарий, с режиссером Марленом Хуциевым они сняли жизнеутверждающий кинофильм «Застава Ильича» (вышел на экран с названием «Мне 20 лет»). А потом молодой кинодраматург, 25 лет от роду, создал сценарий к зеркалу эпохи – легендарному фильму «Я шагаю по Москве», снятому в 1962-м Георгием Данелия. Оба фильма не сходят с телеэкранов по сей день, они несут в себе запах «хрущёвской оттепели», как потом оказалось, обманной. Романтические строки

оптимистичной песни ещё не битого жизнью Шпаликова рождались прямо на съёмочной площадке: *Над лодкой белый парус распушу, / Пока не знаю, с кем, / Но если я по дому загрушу, / Под снегом я фиалку отыщу / И вспомню о Москве.* Будущее казалось безоблачным, под белым парусом, усыпанное весенними фиалками...

Шпаликов стал режиссёром фильма «Долгая счастливая жизнь», на главные роли пригласил обожаемых Кирилла Лаврова и Инну Гуляя. Несмотря на то, что в СССР лента не была широко раскручена, на Международном фестивале авторского кино в итальянском Бергамо фильм завоевал главный приз «Золотой щит».

Геннадий развёлся с первой женой. Уникальная актриса Инна Гуляя, известная по фильмам «Тучи над Борском», «Когда деревья были большие», «Хождение по мукам», «Крейцера соната» и др., стала второй женой. Она тоже развелась с мужем Иваном

Бортником и бросилась в новую любовь, «как в омут с головой», родилась дочь Даша. Это была пылкая любовь, замешанная на творческом вдохновении талантливых людей. Инна считала мужа гением. Гений и сгубил ее...

Бойцовский характер, настойчивость, талант помогли Шпаликову пробиться на вершину славы. Он стал узнаваем. В 1966 году зрителю полюбилась его правдивая, искренняя картина «Я родом из детства». Но последний, пятый его фильм «Ты и я» 1971 года показал крах иллюзий сценариста, от восторженности не осталось и следа: фильм получился незавершённым, непонятным, идею автора сценария и режиссёра Ларисы Шепитько не поняли, фильм не пришёлся по душе начальству, зрителю не дали с ним познакомиться. Но на Венецианском кинофестивале он получил награду молодёж-

ной программы. Но надо вспомнить, в какое время он снимался: это было время исторического перелома от оптимизма, вызванного прорывом в космосе, в спорте, кинематографе, к пессимизму, вызванному вводом советских войск в Чехословакию, волной гонений на науку и учёных; от безоговорочного доверия власти – к растерянности и разочарованию. Возможно, авторы хотели показать политическую подоплёку времени, но испугались и размыли образы неопределённостью. Картина «Ты и я» испортила биографию Шпаликова; спрос на режиссёра и сценариста – правдолюба падал. Громогласный бунтарь стал нерукопожатным, перед ним закрылись двери киностудий. Началось безденежье, стихи и прозу перестали печатать. Чем это объяснить? Рупор «оттепели», бросившийся в неё с головой, ушибся ею, потому что «оттепель» – ещё не свобода личности и вседозволенность. Сам Хрущёв резко отзывался о фильмах Шпаликова как несоответствующих образу жизни советской молодёжи. «Оттепель» скоро закончилась, сценарист остался не у дел, от него отвернулись враги и друзья: – «велика Россия, а позвонить никому». А тут ещё необузданный характер и пьяные застолья, к которым присоединилась и Гулая. Жить вместе стало опасно для ребёнка, супруги разъехались, ребёнка отдали на воспитание бабушке, Шпаликов перебивался у друзей. О семейном счастье он писал пронзительно откровенно:

*Жила с сумасшедшим поэтом,
ОтпITYм давно и отпетым.
И то никого не касалось,
Что девочке горем казалось.*

*О, нежная та безнадежность,
Когда всё так просто и сложно,
Когда за самой простотою –
Несчастья верста за верстою.*

*Несчастья? Какие несчастья –
То было обычное счастье.
Но счастье и тем непривычно,
Что выглядит очень обычно.*

*И рвано, и полуголодно,
И солнечно или холодно,*

*Когда разрывалось на части
То самое славное счастье.*

*То самое славное время,
Когда мы не с теми – а с теми,
Когда по дороге потерей
Еще потеряться не верим.*

*А кто потерялся – им легче, –
Они все далече, далече.*

Последней каплей в непростой судьбе Геннадия Фёдоровича стал отказ Госкино снимать новый фильм по его сценарию «Девочка Надя, чего тебе надо?» Первого ноября 1974 года после установки мемориальной доски на могиле Михаила Ромма на Новодевичьем кладбище, где Шпаликову не дали сказать прощальное слово о любимом педагоге, он отправился в дом творчества в Переделкино, сделал петлю из шарфа и ушел из жизни в 37 лет. Страшную картину первым увидел Григорий Горин.

«Завещаю вам только дочку, – писал в своём дневнике Геннадий Фёдорович. И далее его прощальная записка: «Если бы мне сказали: ты умрешь через пять дней, я бы что-нибудь успел, поговорил со всеми. Но мне не сказали. Я почувствовал, что умру сегодня, и вот пишу вам это, всё прекрасно сознавая. Меня пугает равнодушные времени и чужие люди, чем дальше, тем больше чужих, и некому поклониться и не с кем быть. Велика Россия, а позвонить некому. Я понимаю, что это заблуждение, но совершенно искреннее. Я не знаю, зачем жить дальше».

В студенческие годы кумир 60-х думал иначе:

*Даже, без рук и ног
И с пустотой впереди
Я б добровольцем не смог
В небытие уйти.*

Но теперь всё изменилось. Он очень хотел творить, но жизненная пустота и профессиональная невостребованность поглотили его. Творческий человек имеет склонность идеализировать общество и

людей вокруг себя. Но разочарование более чем разрушительно для равнодушного сердца, душа поэта томится и страдает. И всё же было время, когда Геннадий допускал возможность добровольного ухода из жизни. Его однокурсники вспоминали наивную студенческую клятву трёх закадычных друзей: поэт не должен жить долго, если до 37 лет (возраст гибели Пушкина) не достигнет намеченной планки. И все трое умерли в 37. Один из них – муж Галины Польских.

Завещание поэта коротко:

*Не прикидываясь, а прикидывая,
Не прикидывая ничего,
Покидаю вас и покидаваю,
Дорогие мои, всего!
Всё прощание – в одиночку,
Напоследок – не верещать.
Завещаю вам только дочку –
Больше нечего завещать.*

Ранняя смерть мужа потрясла женщину. Ей было 33. И тогда Инна Иосифовна поняла, что снимать в кино её больше не будут. Так оно и случилось. Инну винили в его смерти: одни за непонимание, другие – за то, что не лечила. Душевные переживания привели женщину в психиатрическую лечебницу, из которой она вышла совершенно инвалидом. Вскоре она покончила собой, напившись «особых» таблеток, спасающих от тоски и одиночества.

Дарья Шпаликова

Судьба их дочери не менее трагична. В мае 2019 года мы увидели Дарью Геннадьевну в программе «Пусть говорят» на Первом канале ТВ, где она обращалась с единственной просьбой – привести в порядок заброшенную могилу матери на Домодедовском кладбище. Психологическая травма детства, связанная с самоубийством скандально известного отца (девочке было 11 лет) и с самоубийством матери, сказались на

её здоровье. Девушка бросает карьеру в театре и отправляется в Свято-Троицкий монастырь в Коломну. Оставшись без работы, без родителей и любимой бабушки, не приспособленная к жизни и к борьбе за существование, Дарья теряет две квартиры в Москве и вот уже двадцать с лишним лет живёт в психиатрической лечебнице.

Интересен ли сегодня Шпаликов – легенда советского кино? Только на любителя. Новым поколениям, не знавшим войну, теперь не надо *на валенках въезжать в сорок пятый год, когда мама молодая и отец живой*, да и фильмы про людей наивных, доверчивых, какими мы были тогда, теперь не в моде. Ушла эпоха, изменились потребности, кумиры, жизненные ориентиры. И всё же, когда показывают «Я шагаю по Москве», сердце замирает у тех, чьё детство пришлось на послевоенное время, когда мы беззаботно гуляли по Москве, когда было *«рвано и полуголодно»*, но радостно и спокойно, когда над головой трепетал парус свободы, а под снегом рождались фиалки надежды, когда вся жизнь впереди, и можно всё начать сначала. Ностальгию ещё никто не отменял.

А на прощание всем нам пророчество поэта. Ему очень хотелось жить и возродиться вновь, хотя бы травой, осенним листом на ветру:

*Я к вам травую прорасту,
Попробую к вам дотянуться,
Как почка тянется к листу
Вся в ожидании проснуться,*

*Не приоткроет мне оно
Опущенные тяжело веки,
И обо мне грустить смешно
Как о реальном человеке.*

*Однажды утром зацвести,
Пока ее никто не видит, –
А уж на ней роса блестит
И сохнет, если солнце выйдет.*

*А я – осенняя трава,
Летящие по ветру листья,
Но мысль об этом не нова,
Принадлежит разряду истин.*

*Оно восходит каждый раз,
И согревает нашу землю,
И достигает ваших глаз,
А я ему уже не внемлю.*

*Желанье вечное гнетет –
Травой хотя бы возвратиться.
Она из мрака прорастет
И к жизни присоединится.*

Похоронен Г.Ф. Шпаликов на Ваганьковском кладбище. На памятнике высечены его строки:

*Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.*

В 2009 году Геннадия Фёдоровича вернули из забвения, не могли не вернуть, через сорок лет стена запрета рухнула, – возле здания ВГИК открыли памятник Геннадию Шпаликову, Андрею Тарковскому и Василию Шукшину, как трём выпускникам, определившим художественное лицо отечественной и мировой кинематографии второй половины XX века.

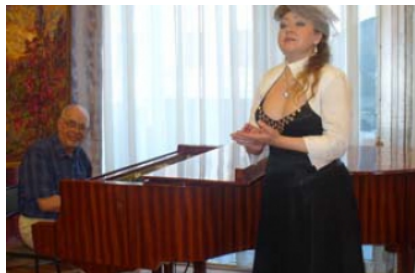
Мы все уходим в память потомков, о ком-то скоро забудут, а кто-то возвратится вновь, потому что нельзя стереть важный этап жизни нашей страны, нельзя забыть людей, сделавших это прошлое легендарным.

Долгой дороги нашим кумирам в памяти людской, светом далёких звёзд сиять им вечно в пространстве и времени!

2019 год

Юрий Адрианов

Интерпретация стихов в музыке Анны Колевайнен

Выступление Анны Колевайнен

В культурном Центре Вооруженных Сил РФ прошла премьера литературно-музыкальной оратории «Интерпретация стихов Юрия Адрианова» в исполнении автора музыки, заслуженной артистки России Анны Колевайнен.

«Интерпретация стихов Юрия Адрианова» – это попытка композитора и певицы Анны Колевайнен языком музыки расшифровать духовный код стихотворений Юрия Андреевича Адрианова. Многогранные, проникновенные произведения русского поэта сами просятся в нотное пространство.

Автор стихов полон надежды на покровительство Всевышнего, на Его жертвенный подвиг во славу России: «И страданица наша – земля / Не отторгнута Господом Богом». Он уверен, что исповедью и молитвой можно заслужить Господнее благословение:

*«Господь, молю, спаси мою страну,
Что отдана на боль и на закланье,
На смутные слова, на испытанья.
Какие Русь не знала в старину!...»*

Автор музыки Анна Колевайнен хорошо чувствует поэтическое слово, она была знакома с Юрием Андреевичем Адриановым (18 июня 1939, Горький – 12 августа 2005, Нижний Новгород).

Советский и российский поэт, прозаик, публицист, краевед, член Союза писателей СССР, сын участника войны, пропавшего без вести в Севастополе в 1942 году, Юрий Андреевич впитал с детства любовь к Отечеству, к родному краю, которому беззаветно служил и которому посвятил свою жизнь. Его творчество пронизано дыханием исторической памяти, преданиями Нижегородской земли, где собраны воедино красота огненной Хохломы, чистота священного озера Светлояр, тишина осеннего Болдино, величие таёжного За-волжья.

*Смысл жизни – в сбирании памяти,
Смысл жизни – в храненье ее.
И если вы память утратите,
Бессмысленным станет житьё!*

Здесь в Болдино творил великий разум Пушкина и возносился Дух Святой во имя крепости своей Отчизны:

*Когда в Сарове, зажигая свечи,
Премудрый старец нес святой обет,
Лишь в ста верстах
(Для русских недалече!)
В господском доме пробуждался свет.
Над Болдином дожди нещадно лили...
Но, чтобы мир России не потух,
Одновременно в тишине творили
Великий Разум
И великий Дух!
И Серафим в обители, в Сарове,
И Пушкин в кабинете у стола, –
То были братья,
родичи по крови,
Два устремленных к вечности крыла.
В глухом, глубинном уголке России,
Средь ночи, погруженной в тишину,
Они слова и думы возносили,
В тревоге за великую страну!*

*...На мокрых склонах умирало лето,
Во тьму ушла дорожная верста.
И Бог услышал исповедь поэта
И старца преподобного уста!*

Философские стихи Адрианова полны христианской мудрости, они пронизаны искренней верой, любовью и поклонением Богу, за что Юрий Андреевич подвергался осуждению в атеистическое время, его христианская поэзия не нашла поддержки ни в одном популярном журнале, а он продолжал взывать к Его слову:

Печерский монастырь

*Не странник я, не праздный зритель,
Но вновь на встречу позвала
Меня Печерская обитель –
Под листопадом купола.
Восстав у Волги, под горою,
Стеною низкой оградясь...
Здесь между мной и стариною
Незримая простерлась связь.
Она то явственна и зрима,
То растворяется в тиши.
То вдруг прозреньем опалима,
То стынет хладностью души.*

*...Мох равнодушно свел с надгробий
Каких-то жизней давний счет.
...В поношенном, худом салопе
Береза ко вратам бредет.
И выхожу я к ней навстречу.
Мы потолкуем поутру,
Окинув взорами заречье,
Продрогнув на лихом ветру.
Здесь наш уют и наши думы,
Скорбь панихид,
Пасхальный свет...*

*А нынче день такой угрюмый,
Что кажется исхода нет!*

*Но есть святитель и учитель:
В живое злато облачась,
Стоит Печерская обитель –
С надеждою святая связь.*

Стихотворному слогу вторит музыкальное сопровождение, выполненное в жанре хорала, звучит оно печально, сдержанно, скорбно. В его основе – распятие, крест, страдание. Но постепенно всё громче, всё сильнее возрастает молитвенный возглас к пробуждению новой жизни, к воскресшему Христу. Призывный звон колоколов, церковное песнопение создают светлый образ небесного Храма, в котором возносится проникновенная молитва, где одновременно существуют прошлое, настоящее и будущее, где пересеклись Начало и Конец всего.

«Вера есть осуществление ожидаемого», – говорит в послании Апостол Павел. И эти слова звучат в оратории. Произведение Анны Колевайнен наносит мощный удар по безверию, бездуховности – бедности душ Духом Святым в каждом из нас и в обществе в целом. И потому на земле так много бед и страданий.

Идея интерпретации стихотворения в литературно – музыкальном жанре – это перспективное направление художественного творчества. И всё же, музыку лучше слушать, чем говорить о ней. Господа, слушайте музыку композитора и исполнителя Анны Калевайнен на стихи поэта Юрия Андрианова, в созвучии которых гармония поэтического слога и музыкального канона. Вместе они обогащают духовной радостью, наполняют верой скорбные сердца, укрепляют щитом спасительным, удобряют неокрепший дух потомков Святой Руси.

Литературно – музыкальное произведение «Интерпретация стихов Юрия Андрианова» имеет большое будущее. Пожелаю ему счастливого пути!

Неотправленные письма Александра Гусакова

Нехватка бумаги для растопки печи на даче в начале двухтысячных годов побудили меня обратиться в библиотеку за старыми газетами. Библиотекарь вынесла кипу газет и связку списанных книг с благодарностью, – не надо самой разводить костёр. Подарок царский.

Поджигая очередной клочок бумаги, взгляд остановился на не-большом сборнике стихов «Трилистник» (1980 года) карельских поэтов Алексея Ливанова, Дмитрия Свинцова и Александра Гусакова. Вместо печки книга легла на письменный стол. От тонкой лирики Александра Гусакова, художественных образов, наполненных выразительными эпитетами, метафорами, олицетворениями, захватывает дух. Пронзительной чистоты строки обнажают тонкую, чувственную душу поэта, его острый внутренний взор глубоко проникает в самую суть вещей. К примеру:

«Не спят деревья осенью глухой. Они скрипят и стонут от натуги». «Волна, распятая на камне», «Я соскучился: Здравствуй, море!..», «Всю ночь ревели непогода», «Стынет север в еловых лапах», «Еще в снегу по пояс ели», «Моя Сибирь, сугробы в пол-окна» – это его, гусаковские строки, издающие аромат первозданной природы.

Как могло случиться, что поэтический сборник попал в опалу? На этот вопрос с грустью отвечал сам невостребованный автор: «Книжный рынок забит беллетристкой. Кому нужна сейчас поэзия? Вот если бы криминальное чтиво или крутой боевик, тогда может быть, и спонсоры нашлись бы».

В пылу исторических изломов девяностых, в горниле пылающих страстей, в огне идеологических баталий сгорели не готовые к боям русские самородки с чистой душой и пламенным сердцем. Среди них поэт Александр Гусаков. Ненужные, лишние люди, талантливые, но непризнанные, оказались за бортом новой России. Алек-

сандр, закалённый душой и телом в морских передрягах и штормах, на жизненных изломах судьбы, держался до последнего. Но однажды сломался.

Родом А. Гусаков из Белоруссии (род. в 1950 г.), детство и юность прошли в городе Барановичи Брестской области. После школы учился в Ленинградском арктическом училище, работал электромехаником Беломорско-Онежского пароходства, ходил в заграничные плавания, и уже тогда писал стихи на морские и земные темы. Бывалый моряк прикипел душой к русскому северу, к таёжным лесам, карельским заснеженным сопкам и поседевшим от древности скалам. Списался на берег, учился на филфаке Петрозаводского государственного университета, работал на Онежском тракторном заводе электриком, печатался, получил квартиру, женился. Казалось, жизнь удалась. В литературный отдел Союза писателей республики Карелия молодой поэт принёс стихи:

*...Последний выбрали швартов,
В последний раз крутнулась вьюшка.
И только пена вдоль бортов,
Как отработанная стружка.*

А. Гусаков быстро влился в литературное объединение при союзе писателей и редакции газеты «Комсомолец», руководимого поэтом Валентином Устиновым. Печатался в журнале «Север», в петрозаводских газетах, в сборниках «Молодые голоса» (Петрозаводск, 1977 г.) и сборнике «Трилистник» (Петрозаводск, 1980 г.), тот самый, отданный для растопки печи). Александр руководил литературным объединением при заводе. Публиковался в Москве, в Ленинграде, в Белоруссии. Стихов и прозы накоплено не на одну книгу. Но ни одной книги так и не вышло.

Подарком судьбы для Александра стала случайная встреча с известным поэтом Борисом Шмидтом. Александр попросил нового знакомого почитать свои стихи, на что тот отправил его в библиотеку, где его творчества в изобилии. Между начинающим и знаменитым поэтами завязалась творческая дружба. В одном из писем Б. Шмидт писал: «Дорогой Саша! Получил твоё письмо с милыми лирическими стихами... Человек ты, несомненно, талантливый. И я от всей души желаю одного – чтобы ты правильно распорядился своим

талантом. Жму руку. Б. Шмидт». Борис Андреевич обратился к директору издательства «Карелия» с высочайшей характеристикой творчества А. Гусакова: «В жизни я знал троих талантливых поэтов – Владимира Морозова, Роберта Рождественского и Александра Гусакова». Стихотворение молодого поэта было принято журналом:

*Где ж эти улицы-улучки
Тихих, окраинных мест,
С вытертой лавкой у булочной –
Древних старушек насест?
Хочется сердцу и колется –
Грянуть бы в колокола,
Там, где когда-то околица
Буйно и шумно цвела.
Чтобы взметнулись деревья
Снова во весь оком!
Вымерли наши деревни,
Рухнул отеческий дом...
Взглянешь окрест – и не надо
Славить лукавый уют –
Люди в бетонных громадах,
Как в саркофагах живут...*

Александр сразу заставил говорить о себе. Заведующий отделом поэзии журнала «Звезда» поэт Вячеслав Кузнецов, выступая на Карельском радио, заметил: «У Гусакова два крыла – жизненный опыт и мастерство». Молодой поэт был полон сил, творческого полёта, у него были мужество и бойцовский характер, ведь в прошлом – он трижды чемпион Брестской области и призер Белоруссии по боксу.

А потом был еще сборник «Волны трав. Стихи поэтов Карелии» (Петрозаводск, 1998), в котором Александр Гусаков представлен тремя стихотворениями:

*Я помню временный дощатый,
Насквозь прокуренный барак,
Мужчины, бывшие солдаты,
Махру курили натоцк.*

*А жены их и без помады –
Лиловой моды наших лет,
С губами были – то, что надо! –
Лилчее помады нет.
Но не забуду, не забуду
До дней последних, до конца,
Как петь умели эти люди,
Те люди, сверстники отца!
Смеялись как и как любили,
Какой огонь несли в груди.
За все, что выстрадано было
На отвоеванном пути.
А впереди была (не сразу,
Но все ж романтикам видна)
Непокоренная – ни разу! –
В бетон одетая страна...
Так детство шло мое и пело,
Так шло и пело належке,
В пальтишке, сшитом из шинели,
И в теплом мамином платке.*

В 1999 году газетой «Северный курьер» проводился литературный конкурс, посвященный 200-летию А.С. Пушкина, победителем стал Александр Гусаков. Каждое произведение Гусакова высвечено глубиной взгляда, жадным интересом к миру. Александр стал кумиром любителей поэзии 80–90 годов. Лирика его была нарасхват:

*Из заколдованного круга
Земле не вырваться пока –
Опять зализывает вьюга
Ее шершавые бока.
И часто за полночь не спится,
Когда всю ночь, пугая сон,
Колотят крылья белой птицы
В глазницы черные окон...
А утром видишь перемены:
Хоть стужей скована земля,
Бредут, в сугробах по колено,
Весне навстречу тополя...*

Александр любил веселить друзей, рассказывая байки из своей жизни. Друг и товарищ по перу Василий Вейкки, работавший корреспондентом газеты «Северный курьер» и некоторое время проживший с Александром под одной крышей, вспоминает байку о крещении Александра в костёле. А дело было так: Саша рос слабым ребёнком, много болел. В семье решили, что его надо крестить. Мать беспокоилась за здоровье сына: ведь его придётся испускать в купели! А вдруг заболит? Подруга матери – Ядвига надумала крестить Сашу в костёле, – католики ограничиваются омовением лица. Дело было сделано. Ожидая мужа с работы, мать накрыла на стол, чтобы отметить сыновье крещение. Когда отец переступил порог дома, жена торжественно заявила, что сегодня Сашеньку окрестили. «Где?», – спросил муж. « В костёле...», – робко сообщила супруга. И тогда Гусаков старший в ярости опрокинул стол. Весь праздничный ужин полетел на пол, обеденный стол ворвался в сервант, перебив хрусталь. Мать – ребёнка в охапку, через огороды – и бегом к Ядвиге. Переждать бурю. А через два дня отец за ними пришел... Так Александр Гусаков стал католиком, – как он сам себя называл. Вероятно, этому периоду жизни Александр посвятил строки:

*Налево церковь и костел,
Направо площадь с пьедесталом,
Где длань державную простер
Под бронзу выкрашенный Сталин.*

О родителях говорил с восторгом:

*Отец красив, как полубог,
И мать божественно красива...*

И вдруг всё рухнуло. На изломе лихих девяностых – двухтысячных бывало всякое. Фортуна отвернулась от Александра. Молодая и красивая богиня с переменчивым нравом сегодня поднимет на вершину успеха, а завтра опустит на самое дно. С повязкой на глазах, (иногда изображена без неё), Фортуна не умеет оценивать ситуацию, сочувствовать, сострадать, она щедро одаривает из рога изобилия своего избранника деньгами, славой, а потом забывает о нём. Так случилось и с Александром. Личная и творческая жизнь

талантливому поэту дала трещину. Теперь его не печатали, он часто бывал в унынии и не спешил записаться в спасательный круг: ни в Союзы писателей, ни в круг местной «богема», о чем шутил: «... Стихи, кривляния – богема, точней, мышьяная возня. И все одна и та же тема – любите, женщины, меня...».

В это самое время произошло событие, нанёсшее глубокую сердечную рану – измена жены. Предательство самого близкого человека оказалось тяжёлым испытанием, с которым Александр не справился. Душевная боль не утихала до конца его дней. Что же произошло? Придя однажды домой, Александр застал свою любимую в объятиях другого. Бывший боксёр не выдержал: крепко досталось и жене, и любовнику. А дальше – суд и всё, что следует за этим. Скоро освобождён из мест лишения свободы. Но кому теперь нужен такой пиит? Пусть даже трижды гениальный... Квартира досталась жене. Остаток жизни А. Гусаков скитался по общежитиям, добрым словом вспоминая свою крохотную каюту на корабле:

*Как неприкаянный, брожу
Среди домашних атрибутов.
И всё удобней нахожу
Свою суровую каюту...*

Тогда и наступили времена, когда не остаётся ни сил, ни мужества, ни характера, чтобы в одиночестве переносить удары судьбы. Александр пытался стойко держаться. А потом сильный и волевой человек сломался. Его таланту было тесно. Но в его творчестве никто не нуждался. Это чувствуется в письме к матери, полном грусти и разочарования:

*Здравствуй, мама, здравствуй!
Как ты без меня?
Видишь, как нечасто
Пишут сыновья.
Помнишь, ты не раз
Хвасталась порой:
«У меня сын – ласковый
И послушный... Мой!»
Твой я... Без остатка!*

*Твой я был, когда
В крохотной кровати
Плакал... без стыда.
А теперь не плачу,
До сих пор, поверь,
Ту же ласку клянчу
У жены теперь.
Что ж это такое?
Или, наконец,
Захотел покоя,
Или я подлец?
К празднику б косынку –
Вот и благодать...
Стыдно, мама, сыну
Твоему писать,
Что забыл он клятвы,
Растерял себя...
Здравствуй, мама, здравствуй!
Это тоже я...*

И тогда приятель Василий Вейкки забил тревогу: Сашку надо спасать. В первую очередь от него самого... Люди! Рядом с вами Гусаков! – писал он в 2012 году друзьям в Петрозаводск, – Создайте для него нормальную жизнь, и он своим творчеством отблагодарит вас! Он сильный, талантливый и гордый... Но его никто не услышал...

«Письма без конвертов», – так назвал автор не вышедший сборник стихов, зрелых, выверенных судьбой. Но вот парадокс: название есть, рукопись есть, а издать книгу так и не удалось. Почему? Александр не сумел встроиться в новую жизнь, «места под солнцем» – не для всех. Он много писал, переделывал свои стихи и ждал, когда позовут. Но наступили времена, когда каждый спасался, как мог, когда никто никого никуда не звал...

Александр пил, тяжело заболел, жил, где придётся. Для издания книги нужны были деньги. Но богатых любителей творчества А. Гусакова не нашлось. «Письма» написаны, а на конверты денег нет...», – шутил автор, –

*Я свободен как сокол
и я гол как сокол...*

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне вышел сборник стихотворений карельских поэтов «Днём победы наградила». Автор подборки поэт Василий Судаков. В сборнике нашлось место для стихотворения уже ушедшего, быстро забытого поэта Александра Гусакова. Намыкавшись в лабиринтах своей неприкаянной судьбы, потерявшись в безысходности своей бессмысленной жизни, Александр Гусаков отмутился и ушёл в неизвестность.

С годами житейская шелуха забылась, жизненная пена растворилась. Что осталось от поэта? Трогательные и романтические, полные душевной боли и отчаяния стихи в памяти его немногочисленных друзей. И всё! Старые книги, газеты, журналы с его произведениями давно выброшены, как многое советское, на свалку истории. Рукопись неизданной книги «письма без конвертов» исчезла. Прочитать стихи Гусакова теперь негде, нет его и в интернете.

Неизвестно кем, неизвестно где и когда похоронен Александр Александрович Гусаков. Товарищам по перу это неизвестно.

Стрела, пропитанная ядом равнодушия, отравила измученную душу, пронзила незащитное сердце поэта. Жизненные силы покинули его, он устал жить, устал бороться.

Вот так уходят непризнанные поэты, так стираются из памяти кумиры – скромные мастера пера с чистой душой и пламенным сердцем.

Александр Кочетков

*С любимыми
не расставайтесь!*

(1900–1953 гг.)

«Баллада о прокуренном вагоне»

*Ты понесёшь с собой, любимый, –
Ты понесёшь с собой повсюду
Родную землю, милый дом...*

*– Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями, –
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастёт на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана –
Прольется пламенной смолой.
– Пока жива, с тобой я буду –
Душа и кровь неразделимы, –
Пока жива, с тобой я буду –
Любовь и смерть всегда вдвоем.
Ты понесешь с собой повсюду –
Ты понесешь с собой, любимый, –
Ты понесешь с собой повсюду
Родную землю, милый дом.
– Но если мне укрыться нечем
От жалости неисцелимой,
Но если мне укрыться нечем
От холода и темноты?
– За расставаньем будет встреча,
Не забывай меня, любимый,
За расставаньем будет встреча,
Вернемся оба – я и ты.
– Но если я безвестно кану –
Короткий свет луча дневного, –
Но если я безвестно кану
За звездный пояс, в млечный дым?
– Я за тебя молиться стану,*

*Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.*

.....

*С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, –
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!*

Александр Кочетков, 1932 год

Хотелось включить маленький фрагмент баллады, и не получилось, – слишком большая и важная по значению эта поэтическая глыба.

Отшумели, отгремели новогодние праздники, побаловали нас сюрпризами, фейерверками, весельем и фильмами, один из которых так прочно вошёл в нашу жизнь, что и праздник – не праздник. Речь идёт о фильме Эльдара Рязанова «Ирония судьбы или С лёгким паром». Давайте вспомним стихотворение «С любимыми не расставайтесь», которое закадровым текстом звучит тихо, ненавязчиво, но так пронзительно ярко, как будто громогласный горн трубит гимн любви и верности!

Кто автор замечательного, мало известного стихотворения? Это **Кочетков Александр Сергеевич** – советский поэт первой половины XX века, когда-то известный в культурном пространстве, но быстро забытый. И вот в 1975 году, с выходом сроднившегося с нами фильма, стихотворение зазвучало с новой силой.

Что известно о поэте? Совсем немного, да и прожил он короткую жизнь. При всей широте творчества писателя, Александр Сергеевич в людской памяти остался автором единственного стихотворения. На самом деле – прозаик, переводчик Александр Кочетков закончил филологический факультет МГУ, владел пятью языками, известная поэтесса Вера Меркурьева взяла начинающего писателя под своё крыло, она познакомила его с философом, драматургом и критиком Вячеславом Ивановичем Ивано-

вым, с которым сложилась хорошая дружба. С большим уважением к творчеству Кочеткова относилась Анна Ахматова, а летом 1941 года он пригласил погостить на дачу Марину Ивановну Цветаеву. Однако, как поэт и драматург, Кочетков не был оценен по достоинству, опубликовано только одно его стихотворение, – купаться в лучах славы ему не пришлось.

Александр Кочетков, как вспоминали товарищи, тихий, скромный, приветливый человек, любил тишину, природу, старушек, собак и кошек. Однажды летом в окно влетала птица и села ему на плечо. Александр Сергеевич отложил перевод Шиллера и сидел неподвижно до тех пор, пока птица сама не упорхнула, – птиц он считал священными посланниками.

Известные журналы периодически печатали его переводы с литовского, грузинского, немецкого, но природная застенчивость не позволяла обивать пороги издательств и настаивать.

Это случилось в 1932 году. Поводом для написания стихотворения «Баллада о прокуренном вагоне» послужил реальный случай, потрясший поэта своей трагичностью – крушение поезда, на котором он должен был вернуться из Ставрополя в Москву, где отдыхал вместе с женой. Погибли люди. Супруги не хотели расставаться, на вокзале жена настояла, чтобы муж сдал билет на поезд «Сочи-Москва», – так хотелось ещё побыть вместе! Оказалось, что любовь женщины спасла ему жизнь. Через три дня Александр Сергеевич сел в другой поезд и благополучно вернулся домой, друзья встречали, словно с того света. Эмоциональное стихотворение родилось быстро, сразу после железнодорожной катастрофы, потом созревало в поезде долгой дорогой домой, где он «полуплакал, полуспал», а в Москве превратилось в гениальное произведение. В нём такое поэтическое напряжение, сила любви, благодарность за жизнь, что мгновенно разлетелось по стране, его заучивали наизусть, передавали из рук в руки. Но опубликовано не было. Свой первый пик популярности стихотворение получило в годы войны; не зная автора, его читали солдаты в окопах, госпиталях, переписывали от руки. Вседоступным стало после смерти автора, благодаря чему Кочетков получил заслуженное признание.

В шестидесятые годы баллада была положена на музыку и стала шлягером того времени, она прозвучала в пьесе А. Володина

«С любимыми не расставайтесь...». Потом вышел одноименный фильм. Прошло время, заклинание поэта забылось, как и сам автор. Э.Рязанов вспомнил и использовал в своей «Иронии судьбы...». Вместе с популярным фильмом стихотворение вошло в наш дом как молитва, как символ любви, вернулось, чтобы остаться с нами навсегда.

На этом история не заканчивается. После выхода фильма энтузиасты решили найти могилу поэта и возложить цветы. Но оказалось, что это невозможно. Начались поиски. Прошло несколько лет, и совершенно случайно в 2014 году урна с захоронением обнаружилась в колумбарии Донского монастыря. Когда поисковики подняли урну, то ахнули, потому что чёткая надпись сообщала, что это поэт Александр Сергеевич Кочетков. Могила его жены, которая умерла четыре года спустя, не найдена.

Как много в нашей жизни зависит от случайностей, непредвиденных обстоятельств, когда не произнесённая вовремя молитва не может уберечь от беды. И потому поэт многократно повторяет, словно завет: «С любимыми не расставайтесь! С любимыми не расставайтесь! И каждый раз навек прощайтесь! Когда уходите на миг!».

*- Я за тебя молиться стану,
чтоб не забыл пути земного,*

*Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим.*

*Вячеслав Алдонясов
(Королёв)*

*Крик и песня
истомившейся души*

*Поэзия – это музыка и мудрость,
одетые в нарядные одежды Слова.*

Вячеслав Королёв

«Крик и песня истомившейся души», – так можно назвать готовящийся к печати сборник стихотворений поэта, прозаика, публициста, учёного, геополитика, академика РАЕН Вячеслава Ивановича Алдонясова, члена Союза писателей и славянских журналистов, автора книг по геополитическим вопросам. (литер. Королёв).

Нам, дорогой читатель, предстоит удивительная встреча с мало известным, уникальным поэтом, в последнее время громко заявившем о себе, поэзия для которого «*крик и песня истомившейся души*», «*музыка и мудрость*». Его стихи – исповедь грешника, молитва о Божьей благодати, лекарство от страданий и боли, надежда на спасение, бальзам от скудости души, таблетка от убожества мысли. По сути – это диалог, жаркий спор с самим собой.

Главное в поэзии – Слово. И этим магическим инструментом поэт владеет виртуозно. В его стихах – музыка поэтического слога и песня мудреца, далёкого от стяжания земных удовольствий. Здесь есть всё, что присуще русской литературе.

Автор пытается философски осмыслить главную истину – в чём основа мироздания, в чём тайна бытия? Выбор сделан: Божьему промыслу учёный с мировым именем вменяет ключ к существованию Вселенной и человека. Исповедальная лирика поэта далека от напускной, «лубочной» любви к Богу:

*...Тебе, загадка мирозданья,
В ком ключ и тайна Бытия,
К тебе я шлю свои посланья,
Тобой полна душа моя.*

Философски окрашенные стихи, – глубокие по своему значению, подвигают читателя к необходимости осмысления: каково место человека на земле, в чём смысл жизни? Суть духовных произведений созвучна Библейскому «Экклесиасту», написанному две тысячи лет назад на рубеже веков, исторических эпох эр, пронизанному мыслью о бренности человеческого пути, о бесконечности Всевышнего; и только в труде и самосовершенствовании мудрый Проповедник, а с ним и поэт, видят смысл человеческого бытия:

*... Уйми в себе всеядну страсть,
Пойми, что ты всего лишь часть
Того, чему ты не Творец,
Твой путь – Начало и Конец*

Христос говорит о слабости духа неверующего человека, который зависит от условностей, семейных и материальных ценностей, подвержен страху, унынию, соблазну, искушениям. Душа человеческая – это поле брани между добром и злом. Где граница того и другого? Кто победит? Автор в этом споре полагается на Бога. И только Он «самодовольную, ленивую плоть» наполняет чистым сердцем и безгрешной душой:

*... Но лишь душа в неё вселится,
Наполнив смыслом бытия,
Она взлетит свободной птицей,
В полете радость обретя.*

*И как заворожённый зритель
Слежу полёт души своей,
В её хрустальную обитель,
В сияньи ангельских лучей.*

Гражданская лирика Вячеслава Королёва несёт посыл добра, гармонии, незыблемых общечеловеческих ценностей. Читателю открывается поэт – гражданин, патриот России, которой он преданно служит, вся жизнь которого неотъемлема от противоречивой, порой трагичной на крутых изломах истории. И он об этом не жалеет.

Пронзительной силы стихотворение «Куда бредёшь моя Россия?» потрясает поверженный дух, окрыляет душу всякого искренне любящего свою страну. В чём спасенье России, что ждёт её впереди? – задаётся вопросом поэт.

КУДА БРЕДЁШЬ, МОЯ РОССИЯ?

*Блаженны изгнаны правды ради,
яко тех есть*

Царствие небесное. (Мат. 5:8)

*Россия! Милая Россия!
Дурнушка бедная моя.
Вокруг тебя народы злые
Шумят, обиды затая.*

*Ты всем на свете задолжала,
Раздав вокруг добро и честь,
Но благодарность не снискала –
В ответ тебе Кавказа месть.*

*Ты даришь свято, иступленно,
Восторг евангельской любви,
И оглушённо-ослепленно
Предчувствуешь кончины дни.*

*В чём тайна жертвенности русской,
В чём сладость грусти вековой,
В чём светлость дней кроваво-тусклых
Чредой грядущих над тобой?*

*Куда в молчании идёт
Христом отмеченный народ.
Куда несёт свой скорбный крест
Средь злобных, дьявольских окрест?...*

Или:

*...По ночам я брожу, как в тумане,
На коленях стою и молю,
Снять проклятье в безбожном дурмане
Мать Россию – кровинку мою.*

*За родных, за друзей, за святыни
Все стерплю и свой крест пронесу.
И в далеких краях, на чужбине
Вместе с Богом Россию спасу.*

Наряду с патриотической лирикой, гимном «Бессмертный полк», рождаются стихотворения острые, критичные, написанные с горечью и с болью в сердце за любимое Отечество. Одно из них «Блудливый Вавилон», которое я бы поставила в ряд наиболее эмоциональных, страстных его стихотворений. И вижу в нём «вещество поэзии», которое кроется в умении создать мощный, неповторимый, непредсказуемый образ: *мозги в болото превращают, Невзоров – скальпель Сатаны, пьёт кровь израненной страны*. От таких образов – кровь стынет.

БЛУДЛИВЫЙ ВАВИЛОН

*Москвы медийный Полигон
В арену схваток превращён.
В эфире бой идёт прицельный
За секс, разврат и запах хмельный.*

*Где наркота и мат в придачу,
Где не получишь в морду сдачу,
Где Мурку с Моцартом мешают,
Мозги в болото превращают.*

*Здесь либерал и демократ
Цензуру взаперти гноят.*

*Мораль забыта, долг и честь.
Москва – палата номер шесть.
А в голове сплошная каша,
Взамен России – Наша Раша.*

*Весь день эфирная борьба,
Где по мозгам идёт пальба.
Бои без правил, развлекуха
Ведущих трён дурманит ухо.*

*Смертельный яд вливают в уши
И экстрасенсы, и кликуши.
Компот из разных мемов, измов,
Прикрытых флагом популизмов.*

*Художник-псих на славу падкий
Мошонку пригвоздил к брусчатке.
Невзоров – скальпель Сатаны
Пьёт кровь израненной страны.*

*Их дом – Звериный легион,
Их Бог – шакал и скорпион.*

*Москва – приют грехопаденья,
Мозгов глумливых помутненье.*

*Здесь Лайтман – демон каббализма,
Под флагом неохасидизма,
Вставляет ключ в умы властей,
И нет у них иных путей.*

*Свою доктрину в мозг внедряет,
И Русь Израилем соблазняют.*

*Здесь правит миром Интернет,
Поработив на много лет
Доверчивых и простодушных
Соблазнам дьявольским послушных,*

*Всех честных, глупых россиян,
Так свято верящих в обман.*

*И, как в притоне на площадке,
Здесь девки пляшут на амвоне,
В шизофреническом припадке
Забыв себя в запретной зоне.*

*Здесь свил гнездо Златой Телец,
Любви убийца – Правды Лжец.*

4 мая 2019 г.

Жизнь и смерть... всегда были предметом философского и литературного исследования. Но понять тонкую грань между ними может тот, кто стоял возле этой черты. Рвущее душу стихотворение, мощное по глубине ощущения «Свидание со смертью» – не для слабонервных, – слышно, как звенит оголённый нерв. Душа поэта распахнута настежь: обжигающе обнажённая, пронзительно открытая, распятая на кресте греховного бытия. Здесь нет места житейской суете, пустословию, страху перед грядущим, наоборот, – испытываешь восхищение безграничной силой человеческого духа.

СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ

*За окном в полуночном смятеньи
Завывает пурги круговерть,
Не спросив моего позволенья,
Ко мне в гости повадилась смерть.*

*Из ночи, словно призрак, выходит
И садится бочком на кровать,
Мрачным взглядом подушки обводит
И мешает, проклятая, спать.*

*Сон пропал, рядом смерти дыханье
Смятых простынь тепло леденит.
Без любви со старухой свиданье
Ключья чувств до крови ворошит.*

*Вроде с виду старуха не злая,
Не кричит и не тычет клюкой.
Только смотрит, зрачками пронзая,
И манит в нетерпенье рукой.*

*Я старуху прошу, заклинаю:
Мол устал и в трудах изнемог,
Згинь! Уйди до утра! Умоляю!
Завтра планам моим выйдет срок.*

*Не успел долюбить, докричаться,
Не успел многим сделать добра,
Но с долгами сумел рассчитаться,
И сумел всех простить до утра.*

*Миг раздумья коснулся старухи.
Но не в силах сменить смертный час,
Простирает костлявые руки,
Оглашая жестокий приказ:*

*«С жизнью этой навеки прощайся,
Смерти близкой выброшена тень,
Сладким сном до утра наслаждайся,
Бог с тобой, дам тебе ещё день».*

*Завтра буду любить всех на свете,
Жадно пить жизни терпкий бальзам,
Чтобы быть пред Всевышним в ответе,
Когда я в Царстве Божьем преддам.*

Любовная лирика Вячеслава Ивановича – нежная, робкая, трепетная, словно первый подснежник, и настолько тонка, что едва осязаемо «дыхание чувств»:

*...Рукой богини вы меня коснулись –
Волненья дрожь ударила в виски.
Вулканы чувств во мне вдруг встрепенулись,
И забурлила кровь, зажата в тиски...*

И вот дыхание чувств обжигает пламень любви, страсть, обожание, поклонение женщине:

*Ты носишь трёх в себе одной
Мадонну-Мать, Жену в Венчанье,
И образ девочки святой –
Трехипостасное преданье...*

Поэт, влюблённый в жизнь, полон веры в лучшее будущее:

*...Но вот придёт весна, растопит солнце реки,
Младую жизнь пуская на простор.
Влюблённые сердца, соединясь навеки,
Весенний гимн споют, вливаясь в общий хор.*

Свидание с уникальным поэтом завершается. Но не с его поэтическим творчеством. Вячеславу Ивановичу пожелаю и дальше радовать читателей своим замечательным творчеством, успехов в поиске новых, уникальных образов и выразительных средств. Хотя давно известно и многократно повторено, что всё написано до нас, что самое уникальное уже создано, что нет места для новаторства, – оказывается, есть! И это радует.

Пожелаю читателям приятного, глубокого и вдумчивого чтения. Думаю, книга стихотворений Вячеслава Ивановича Королёва займёт достойное место в домашней библиотеке истинных ценителей поэзии.

Сергей Коротков

Дорога к Причастию

*Угасающие в зевоте,
Заслужили мы участь свою.
И орланы ликуют в полёте,
И змея замерла на краю.*

С. Коротков

«Сердце причастника», – так называется новый (2018 год) и последний прижизненный сборник стихотворений члена союза писателей России, лауреата литературных конкурсов и премий, основателя ЛИТО «Свежий взгляд» поэта Сергея Ивановича Короткова. Его стихи отличает немногословная многозначность. Название книги говорит о равнодушном сердце автора, его причастности ко всему, что беспокоит, требует осмысления. И прежде всего – сопричастность с судьбой своего многострадального Отечества. Молитва о его благе рождает пронзительные строки:

*Смотрит Россия больными глазами,
В душу глядит неспроста.
Ветрено, ветрено под небесами
Возле большого креста...*

Или:

*Молчи! Ни слова о России!
Уже заношены до дыр
Её одежды восковые,
Её пурпуровый поддир...*

Или:

*Лбами истёртые плиты.
Господи, Русь береги!
И Патриарха молитвы
Голубем из груди.*

Автор книги размышляет на извечные темы: о греховности и праведности, о движении души к причастию, о потребности в покаянии.

А готово ли сердце к причастию? И способно ли оно каяться? Душа *«угасающего в зевоте»* (С. Коротков) – не готова и не способна. Она ленива: – сойдёт и так, полюбят и так, похвалят и так. Путь к покаянию долог. Так долог, что мнение о своей непогрешимости может вообще затмить осознание своего несовершенства. Что побуждает человека «угасать в зевоте»? Гордыня и тщеславие, рождающие равнодушие. (тщеславие – пустая, ложная потребность в почитании). Тщеславие ложится костями поперёк дороги, так, что не перешагнуть без Божьей воли. Мы можем страстно рассуждать о страданиях Христа, о храмах и монастырях, о праведных великомучениках, о милосердии и греховности бытия. Но проложить свой собственный путь к покаянию затрудняемся. Или не хотим? Почему? Потому что в житейской суете, порой, теряем широко распахнутую душу ребёнка, сияющую благодатью, чистотой и непорочностью. Христос говорил: будьте, как дети. Сергей Иванович Коротков, широко распахивая свою поэтическую душу, делится с читателем неподдельной, бескорыстной любовью.

– *«Орланы ликуют в полёте»*, – о чём говорит поэт? Это пороки и грехи, ликующие от власти над нами, от того, что держат нас на крючке греховности. – *«Змея замерла на краю»*, – что за зверь такой? Это – то самое искушение, размышляющее: в чью бы душу заползти, где есть место для греха? Вспомним библейскую притчу о чистом доме. Когда мы готовимся к исповеди и причастию, вычищаем свой дом (душу) от грязи, выметаем мусор и не замещаем его крепкой Верой, чистотой помыслов и поступков, то грехи возвращаются в чистый дом и ведут за собой своих товарищей. Вот так они держат человека в прочных сетях. Где найти силы, чтобы высвободиться? Человек слаб. Человек-то слаб, но сила Господня велика! Поэт на этот вопрос ответил пророчески коротко и многозначно: *«Вместе с храмом свою душу строим,/ Чтобы бесы не просились на постой»*.

– Дано ли поэту быть пророком? И да, и нет. Когда Христа спросили, может ли человек стать пророком, он ответил – «никто из людей». Ученики интересовались, почему? Потому, что люди имеют привязанности: к имуществу, деньгам, к семье, им трудно бросить всё и нести от края до края слово Божье. Это дано немногим. И среди них – Богом избранные поэты. А что делать всем остальным? – Христос никого и не заставляет быть пророком. Но

предлагает встать на стезю праведности, которую избрал для себя поэт С. Коротков.

Возможно, мы уже на пути к покаянию, и даже к причастию, к широко открытой Господом заветной двери Веры и Правды, но боимся в неё войти. Почему? Потому, что обратной дороги к греху и к страстям уже не будет. Может быть, добрыми делами и молитвой мы «лбами истёрли церковные плиты» (С. Коротков), прошли длинный путь покаяния, возможно, даже умерли для греха? Но ещё не родились для праведности. Почему? Потому что, всякий раз, подходя к той самой распахнутой двери, мы топчемся на месте, сомневаемся и не можем войти, оставляем для порока и греха кривые, потаённые тропки в глубинах своей переменной души.

Творчество Сергея Короткова – это философски осмысленное, выстраданное и прочувствованное мироощущение поэта, пророчески глубоко проникающего в недра неразгаданной человеческой души. Его широкомасштабная, многозначная лирика изобилует яркими эпитетами, богатыми метафорами и олицетворениями, аллегориями (иносказание) и ассоциациями, благодаря которым создаются уникальные поэтические образы: «*Душа твоя на крест прибита*», или: «*Художник время ложкою хлебал/ И чёрный цвет из углей добывал*», или: «*Я сыграю вам сцену/ Перехлёснутым ртом*» т.д.

Сборник стихотворений Сергея Ивановича Короткова приурочен к 40 – летию творческой деятельности. Тогда, 40 лет назад, молодой поэт, мастерски владеющий пером, готовый ярко светить и страстно бороться за правду, громко заявляет о себе:

*Заслужите верёвку, чтоб прыгнуть,
Заслужите карниз, чтоб упасть.
Заслужите туннель, чтобы крикнуть,
Заслужите шинель, чтобы пасть.
Заслужите горячую пулю.
Заслужите холодный нож.
Или просто в паху пилюлю,
От которой по телу дрожь...
Заслужили – тогда валяйте:
И клеймите, и восхваляйте!*

1990 г.

Все эти годы поэт захлёстывает читателя широкими мазками поэтических образов. И благодарный читатель радуется соприкосновению с большой поэзией.

«Сердце причастника» – это взгляд на пройденный жизненный и творческий путь. Автор поэтической исповедью и молитвой причащается к делам праведным, готовый принять утешение и Господнее благословение на новые творения.

*Невыносимо белая сирень!
Как будто ангельские крылья.
А между тем, какой густою пылью
Их покрывает долгий летний день.*

*Ах, милый друг, мне не помочь слезами.
И жизнь пройдёт, как облачная тень.
Божественную белую сирень
Там, в небесах, везут, везут возами.*

KARTIK.ru

Пётр Гулдедава

Неопалимая Купина

*Неопально в купине Предстоящей,
От огня и бед Боронящей,
Матери щедрот Пресвятой
Припадем с усердной мольбой,
Вопрошая души покрыть,
От пламени страстей сохранить!
Пресвятая Богородице, Заступнице,
Усердно слава Тебе!*

(Молитва)

Сборник стихотворений Петра Георгиевича Гулдедава «Неопалимая Купина» стал моей настольной книгой – это книга-молитва, книга-покаяние, книга-откровение, исповедь, названная в честь одноименной иконы. Мимо такой книги пройти невозможно, волнением и радостью наполняешься от соприкосновения с большой поэзией, пронзительно глубокой и искренней.

П.Г. Гулдедава – заслуженный писатель МО Союза писателей России, член Академии российской литературы, лауреат ряда литературных конкурсов.

Его поэзия высокого стиля, хорошего вкуса, культуры стиха. Здесь есть всё, что присуще лучшим образцам русской литературы: бескомпромиссность, мелодичность, меткость слова и точность формулировок. Глубокое знание жизни, широкая эрудиция и мастерство владения русским литературным языком, помноженные на благородство и бескорыстие души, делают стихи уникальными. Автор щедро делится с читателем богатством и чистотой помыслов своей широко распахнутой души. Высокую поэзию Петра Гулдедава отличает значимость слова и сила духа, – поэт раскрывает самые сокровенные тайны бытия, дарит читателю философский камень – ключ к пониманию гармонии мира, предназначения человека на земле, даёт возможность каждому найти свой путь к истине.

В Ветхозаветном толковании Библии Неопалимая Купина упоминается как пылающий неиссякаемым огнем в бескрайней пустыне терновый куст. Вечно горящий куст – это явившееся Моисею пламенное слово Господне, взывающее к человеку, указывающее путь к спасению.

В православном монастыре «Святой Екатерины», что на Синайском полуострове, растёт тот самый куст, считающийся, по преданию, Неопалимой Купиной. Паломники, приезжающие со всего света поклониться великому чуду, увозят с собой крупицу Божьего огня – зелёный листочек купины. Древние славяне неопалимой купиной называли горящее растение – яснец гори-цвет.

Как появилась на Руси икона «Неопалимая Купина»? В средневековье, когда православие стало набирать силу, появилась икона заступнице Божьей Матери «Неопалимая Купина», как символ совершенства, чистоты и непорочности. Образ заступницы Купины был обретён Русью в XIV веке. Его принесли в Москву иноки из Палестины. И рассказали, что образ Богоматери явился людям на горе Хорив, под которой и стоит тот самый несгораемый терновый

куст. Икона пришлась по душе на Руси, с тех пор она является чудотворной, обороняющей от бед, очищающей души.

Икона выполнена в огненном ярко-красном цвете. В центре – Дева с Младенцем на руках, в правой руке её – лестница, символизирующая сход на землю сына Божьего. А вокруг – россыпь зелёных листьев и пышных цветов. И много ангелов, принесших на землю дары Святого Духа: дар мудрости, чудотворения, даяния, учительства.

В Москве, в Хамовниках, построен и освящен храм «Неопалимой Купины», где чудодействует благодатная икона. Этот образ помогает защитить дом от напасти огненной. Обращаются к нему военные и пожарные,

врачи и лётчики; все те, кто посвятил свою жизнь защите людей от войн, пожаров и болезней. Во время сражений воины просят у неё защиты: *«Отжени от нас всякаго врага и супостата, избави от глада, мора, от язвы, от вод многих и воздухов тлетворных, и от смерти внезапныя. Пусть спокойствие и мир на земле творятся. Да никакая беда нас не коснется. Наставь ты людей на путь истинный».*

Христиане верят, что огонь купины способен очистить человека от грехов и пороков. «Неопалимая Купина» стала заступницей России.

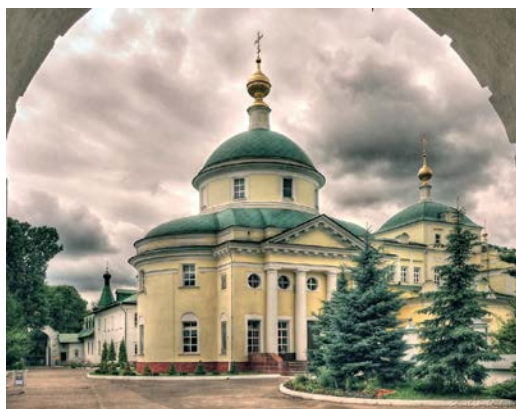
Считается, что чудодейственного куста купины в мире больше нигде нет. Но это не так. Есть на свете и другое чудо: в Екатерининской Пустыни – в Свято-Екатерининском мужском монастыре в подмосковном городе Видное растёт куст, взросший от той самой купины. Как случилось это чудо? Крошечный отросток растения с Синайского полуострова привёз прихожанин храма Владимир Соколов. Владимир вспоминает о своей паломнической поездке в храм Святой Екатерины на Синай: – «Я подошел к Кусту и у меня появи-

лась мысль: отломить веточку и привести ее в Москву. Я засунул руку в Куст и попытался выбрать подходящую ветку». Ветка никак не ломалась, и тут он услышал громкое мяуканье, – это надрывалась рыжая кошка. Владимир понял, что кошка зовёт его за собой. Он пошёл следом и оказался у врат Храма Преображения Господня, основа которого – церковь, построенная в VI веке. Когда он оглянулся, кошки уже не было. Владимир воспринял появление кошки как предостережение свыше, и решил попросить разрешения у Господа и Святой великомученицы Екатерины, чтобы сорвать веточку и посадить в Свято-Екатерининском монастыре в г. Видное, который находился в разрухе, чтобы Куст Неопалимой Купины помог восстановить монастырь и укрепить верующих. С этой молитвой он отстоял службу в Храме, в конце которой монахи вынесли Ковчег с мощами Св. Екатерины и дали всем по серебряному колечку. После службы «я вновь подошел к кусту, выбрал веточку с тремя почками и положил ее в маленькую бутылку с водой. В этой бутылочке ветка и приехала в Россию».

Вскоре на веточке появились первые листочки, но через неделю завяли. И тогда Владимир понял, что растению не хватает молитвы. Он поехал в Храм Рождества Пресвятой Богородицы на Малой Дмитровке, где есть икона Св. Екатерины. Потом разрезал веточку на три части, по числу почек, посадил их снова и начал поливать Святой водой, понимая, что только Чудо может оживить погибающие ростки. На следующий день одна из спящих почек лопнула и из нее излился яркий изумрудный свет! Из этой почки появился росток. Прошло время, и Владимир принёс маленький кустик купины в Свято-Екатерининский монастырь в г. Видное Владыке – епископу Видновскому Тихону (Недосекину). Весь следующий год куст провел на окне в келье игумена Владимира (Маслова). Растение лелеяли, как могли. Весной куст высадили в тёплый грунт, где он стал

бурно расти. Попав в благодатную почву, сдобренную заботой, молитвой и любовью, он дал корни и превратился в большой куст, который живёт в отдельном павильоне и чувствует себя превосходно. Владыка Тихон – епископ Видновский, куст благословил и осветил. Но морозной зимой 2007 года случилась беда: перебои с электричеством. Кусту стало холодно, ветки его вымерзли, но корень остался невредимым. Летом он оправился от потрясения и вырос, больше прежнего. В год 350-летия Свято-Екатерининского монастыря, когда привезли частицу мощей Святой Екатерины, ставшей святыней монастыря, купина зацвела. Это был добрый знак для монастыря,

который к 2014 году восстановил свой первоначальный облик. Эксперимент на этом не закончился: отросток куста посадили на новое место, где он растёт без всякого обогрева. Несмотря на то, что зимой ветви вымерзают, корни остаются невредимыми и каждую весну дают новые побеги. Монашеская братия

оберегает святыню: на зиму растение обрезают, укрывают, а весной благодарная купина даёт побеги. Теперь все ждут новых чудес! Возле куста икона Божьей Матери «Неопалимая Купина». Многочисленные паломники приходят в монастырь, чтобы поклониться чудотворной иконе и благодатному кусту. Интересна история самого монастыря в г. Видное. Когда – то в этих местах охотился царь Алексей Михайлович – отец будущего первого императора российского Петра Первого. Прилёг царь вздремнуть, и привиделась ему Святая Екатерина, которая сообщила самодержцу о рождении девочки. На радости многодетный отец назвал родившуюся дочь Екатериной, а на месте пророчества распорядился построить Свято-Екатерининский мужской монастырь.

Но вернёмся к книге Петра Гулдедава «Неопалимая Купина», она занимает ведущее место в творчестве поэта. Это лирика особого

свойства, пронизанная искренней любовью к Богу и Отечеству. Здесь каждое слово – оголённый нерв. И автору безгранично веришь. Это тот редкий случай, когда у читателя откликаются сокровенные, самого тонкого уровня струны души, и ощущаешь безграничную силу человеческого духа. Поэт обращается к Богу, но это – не модная метафора, а глубокое и бережное отношение к вере: *Грешим на жизненной дороге, / про сани помним лишь зимой, / и, выйдя к финишной прямой, / всё чаще думаем о Боге.*

В служении Господу он видит спасение от греха:

*Пока небесный Государь
Не распахнул тугие двери,
Бью языком, глухой звонарь,
И звону колокола верю.*

«Неопалимая купина» поэта Гулдедава – это исповедальные откровения, не дающие шанса на компромисс с грехом. Они рассчитаны на человека, желающего перемениться к лучшему:

*И исцелятся все больные
Рукой Небесного Врача,
Когда сожжёт грехи земные
Исповедальная свеча.*

Божий дар высокой поэзии – это испытание через страдание, без жалости к себе. Вся жизнь поэта, как на ладони. Его открытая Богу душа – обжигающе обнажённая, пронзительно откровенная, распятая на кресте до состояния, *«когда душа роняет стон»*. И нет здесь места житейской суете, пустоте, страху перед грядущим:

*Я прозябал в своём углу убогом,
Как под стрехой зашуганная птица...
...И только на коленях перед Богом
Сподобился достойно распрямиться.*

В покаянии и любви – дорога к Богу. Этой дорогой ведёт читателя высокая поэзия Петра Георгиевича Гулдедава.

Молиться за всех, вести за собой, нести откровение, быть проводником в Царство Божие – это миссия пастыря и пророка. Он берёт на себя добровольное служение – быть заступником челове-

ских душ. Пастырь и поэт одинаково чувствительны к греховности бытия. От чего страдают их души? От скудости душ человеческих на милосердие, сострадание, бескорыстие, жертвенность, любовь. *Чем меньше в нас объём желаний, / тем больше площадь для души,* – утверждает поэт.

Пушкинскому «Пророку», призывавшему «глаголом жечь сердца людей», вторит голос поэта Гулдедава:

*Но не слабеет мой охрипший голос,
Среди пустого карканья молвы:
Без Божьей воли даже малый волос
Не упадёт с повинной головы.*

Почему он милосерден и сострадателен к грешнику? Почему не клеймит его позором? Потому, что тот и так наказан своим грехом, всей своей полной мучительных испытаний жизнью. «Неопалимая Купина» – это мольба об искуплении грехов всякого грешника.

Но поэт не только заступник, но и поводырь, он ведёт за собой дорогой праведности – к очищению от заскорузлой затхлости, от злобы и зависти, он учит сверять свои дела и мысли по Слову Господнему. Автор бескорыстно, с полной самоотдачей делится своей жизненной энергией, любовью и мудростью.

Герой стихотворений Петра Гулдедава, *листая дни в земной пыли*, порой, не ведает, что творит, *не различая зла и блага*. Он спотыкается, предаёт, впадает в греховное уныние, скорбно неся свой жизненный крест. Но с Божьей помощью поднимается из бездны грехопадения и возрождается к новой жизни, к любви, к Свету.

Персонаж стихотворений – порой, изгой, скиталец в рубище с тощей сумой на плече, довольствуется малым. Но это не мешает ему уверенной поступью идти *по колючей выжженной стерне* своей многострадальной судьбы. Потому, что слышит ободряющее Слово Господне: *Утешься, чадо! Не бойся – Я всегда с тобой.*

Кто он, этот скиталец? Это пророк, и пастырь, и поэт, которые несут людям силу Божьего огня: слепому – прозрение, глухому – голос Господний, заблудшему – свет в конце туннеля, и всякому любящему Господа – спасение. Поэт во весь голос провозглашает: *Чем тяжелее крест, тем выше дух.* Ношу искупительного креста

помогает нести посланник Божий, зрящий за нашим плечом, – Ангел-Хранитель. Надо только не отпугнуть его грехом.

*Как изваяние из кремня
Он твердокаменно молчит,
Хотя роняет слёзы, внемля
Мольбам о помощи в ночи.
Но станет ясно, что достигла
Молитва горных берегов,
Когда неведомая сила
Развеет в прах твоих врагов.
И ты по стынущему праху
Поймёшь, что огненным мечом
Любым врагам нагонит страху
Безмолвный Ангел за плечом.*

Напитавшись родниковой поэзией Петра Гулдедава, бьющей из глубоких истоков родной земли – и сам становишься чище. Исповедальная лирика Петра Георгиевича далека от поверхностной, напускной, «лубочной» любви к Богу. Вера его осмысленная, искренняя, прочувствованная и навсегда принятая в сердце. Он уверен, что поэт – рупор Небес. И поэтому:

*В краях, откуда богоданным правом
Мы напрямую с Небом говорим.
Поэт-безбожник – сеятель отравы,
Как лекарь, продающий героин.*

Поэт знает дорогу к Великим Истинам. Он остро чувствует приметы хаоса в обществе, видит ведущие в бездну необратимые процессы разрушения от неистребимого желания людей *на те же грабли наступать в пути к разбитому корыту*. Он сокрушается, когда видит, как *висит на паутинке веры из-под сердца вышибленный дух*.

Хочешь изменить мир – начни с себя. И поэт более всего требователен к самому себе: как к человеку, как к гражданину и патриоту:

*Какие б грозы ни гремели,
Вкуси сполна земную соль.
А покаянье перемелет
Грехов пронзающую боль.*

Читайте «Неопалимую Купину» П.Г. Гулдедава. Наполняйтесь великой силой человеческого духа, которая светом бесконечной любви освещает путь и никогда не кончается: *Бог за любовь нас не казнит, поскольку Бог и есть любовь.*

«Неопалимая Купина» – это надежда на спасение, это бальзам от скудости души, это таблетка от убожества мысли. В ней разлита благодать Господня. Это пророчество, возвещающее о том, что никогда не поздно покаянием открыть Господу дверь своей души:

*Быть может, где-то на исходе дня
И я сподоблюсь прикоснуться к чуду.
Ты помолись, родная за меня,
Когда я все молитвы позабуду!*

Откровение, что всегда есть место любви, способной творить чудеса, даже тогда, когда почти дочитаны *пергаменты земного бытия* и едва мерцает в надвигающейся мгле исповедальная свеча:

*Пророчества сойдут,
умолкнут языки.
Пробьёт гранит могил
забвения трава.
Все знанья упразднят,
моря уйдут в пески,
и лишь Любовь в веках
останется жива!*

Россия веками живёт под знаком «Неопалимой Купины». *Россия – не такая страна, которую можно завоевать... Она может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров,* – писал немецкий военачальник Карл фон Клаузевиц, воевавший в составе русской армии против Наполеона. Немец

прав: наступило то самое время, когда внутренние распри и раздоры стали причиной хронических поражений России. Перестала существовать идея, способная объединять, вдохновлять, мобилизовать людей на преобразование своей собственной жизни и жизни страны в целом. Огромные потери понесла духовная основа России – православие. Деграция экономических, политических, нравственных ценностей зашла так глубоко, что стало очевидно: без духовного обновления Россию нам не сберечь. Именно с духовной победы и начинается возрождение России. На кого нам можно надеяться? Только на самих себя, да на Господа Бога. Больше не на кого!

Но Бог насильно никого не спасает, его нельзя купить подаянием, он отвечает лишь на молитву, на подвиг: трудовой, воинский, на великие деяния человеческие, преображающие землю.

Россия, которую мировая закулиса пытается задвинуть на задворки мира, подвергается жесточайшим информационным войнам враждебного ей Запада. Фальсификация истории, угрозы духовной, культурной и экономической безопасности нашей страны заставляют нас озаботиться укреплением национального самосознания. Надо вспомнить об уготованной России особой миссии – быть совестью планеты, заступницей обездоленных и униженных, спасительницей общечеловеческих ценностей.

Поэт XX века Рейнер Мария Рильке, не раз бывавший в России, где он встречался со Львом Толстым, Ильёй Репиным, Леонидом Пастернаком, Мариной Цветаевой, так писал о значимости русской цивилизации: *Все государства граничат друг с другом, и лишь Россия граничит с Богом!* И он прав!

Почему Россия непотопляема? Потому, что Бог всегда рядом. Потому, что она сохранила в своей истории, в традициях, в культуре способность к самосохранению, к сопротивлению от вырождения нации. Уберегла способность, как говорил Михайло Ломоносов: *...собственных Платонов / и быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать.*

«Колокол поэзии» Петра Гулдедава бьёт тревожный набат. На фоне обесценивания русской классической литературы, оскудения русского литературного языка, поэт, как и его *глухой звонарь*, зовёт людей на всенародный сход, на защиту лучших традиций. Это – самобытность русского народа, преемственность поколений, незыблемость традиционных семейных ценностей, историческая память,

обострённое чувство справедливости, беззаветное служение Отечеству. *Мы – Божьи рабы, патриоты Святой многоликой Руси!* – пишет грузин Гулдедава, всю жизнь прославляющий многострадальную Русь.

За рубежом культивируется миф о немытой, нищей, вечно пьяной и агрессивной России. Всем своим творчеством поэт развенчивает этот убогий миф:

*Если с нами Небесная Рать
В столкновении духа и плоти,
Нам любой обречён проиграть,
Как бы яро ни бился он против.*

Автор с уважением пишет о простых русских людях, способных преодолеть самые трудные испытания:

*Знают цену насущного хлеба
И живут по заветам отцов:
От избы всё же ближе до Неба,
Чем от стен неприступных дворцов...*

*И любой неприятель бессилен
Утопить в суете и в беде
Тех, кто в скорбные годы России
Научился ходить по воде.*

Поэт зовёт каждого из нас жить в гармонии с самим собой, со своим народом, с законами мироздания. На фоне скудеющей русской и мировой литературы, заваленной грузом однодневных подделок, появилась книга, способная исцелить душу верующего и атеиста, больного и здорового, старика и ребёнка. Она появилась как раз вовремя, как когда-то икона Божьей Матери «Неопалимая Купина», чтобы стать заступницей возрождающейся России.

*Мы много лет в печали грезили,
Чтоб загорелся над страной
Терновый куст родной поэзии –
Неопалимой Купиной!*

*Скитанья были непростыми:
При изнурительной ходьбе
В безбожных терниях пустыни
Найти пути к самим себе.*

*И, где рывком, где понемногу,
По звёздным и земным часам
Соборно выйти на дорогу
К Обетованным Небесам.*

И пока не оскудела страна наша на людей с незатухающим горением души, будет стоять земля русская из лета в летá, из века в век под знаком «Неопалимой Купины»!

2017 год

Сезам

За те года, пока сердце бьётся,
И не остановить его ничем, –
Не всем из нас осмыслить удаётся,
О чём оно хлопочет и зачем?

И в час, когда их в темь клонет кочет,
Найти пути-дороги к праотцам
Даётся не любому, кто захочет,
А бескорыстно любящим сердцам.

Даётся только избранным кумирам,
Житейский ад насквозь пройдя с сумой,
Покинуть мир земных влазаний с миром,
Без груза сожалений за спиной.

И, вспоминая тернии былого,
В конце пути по мукам и слезам,
Отгнать из скорби ключевое слово,
Заветный и таинственный «Сезам!»»

Пётр Гулдеева

Неопалимая Купина

Как понять, не потерялись ли мы на столбовой дорожке человечества? Как найти свой, тот единственный путь к истине? – неторопыжескими тропами идти к высокой цели, созидать, развивать способности ради общего блага, оставить потомкам весомый след на земле. Свои жизненные ориентиры сверять с делами тех, кто прославил наше Отечество, чтить современников, формирующих лицо нынешней эпохи, сохранять родовые корни, прислушиваться к мудрости мыслителей древности, где есть ответы на многие жизненные вопросы. Слабеющие от какофонии страстей и будней струны души отлаживает хорошая музыка, картины великих мастеров, шедевры мирового искусства. Общение с познавательной книгой – подарок судьбы, источник знания и вдохновения. Так мы обновляем интеллектуальное содержание ума, обогащаем душу, отлаживаем остроту восприятия мира красоты, сохранность чувства прекрасного, – так мы сверяем свои часы.

